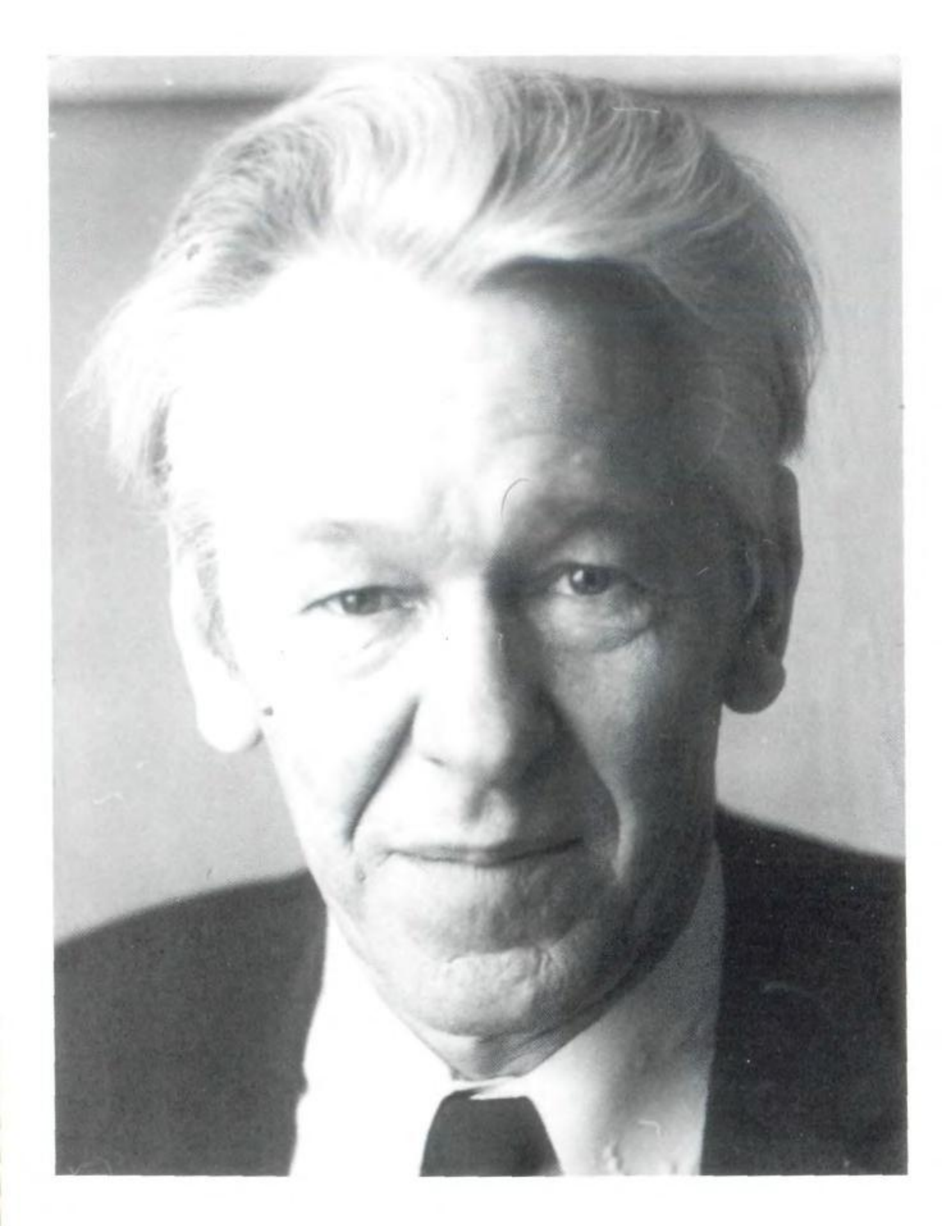
ВИЗАНТИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ANTIΔΩPON

◆

К 75-летию Г. Г. Литаврина

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

СЕРИЯ
ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИССЛЕДОВАНИЯ

ΑΝΤΙΔΩΡΟΝ

*К 75-летию
академика РАН
Геннадия Григорьевича Литаврина*

СЕРИЯ

ВИЗАНТИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ИССЛЕДОВАНИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ANTIΔΩΡΟΝ

К 75-летию
академика РАН
Геннадия Григорьевича Литаврина

Ответственный редактор
профессор *И. С. Чичуров*

«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
2003

ББК Т3(0)44я43
УДК 949.8
А72

А72 **Ἀντίδωρον**: К 75-летию академика РАН Геннадия Григорьевича Литаврина / Институт всеобщей истории РАН; Отв. ред. И. С. Чичуров. — СПб.: Алетейя, 2003. — 144 с.; [16 с.] ил. — (Серия «Византийская библиотека. Исследования»).

ISBN 5-89329-548-X

*На форзацах иконы (середина XVI в.)
из собрания Музея древнерусского искусства имени А. Рублева.
Слева: Иоанн Златоуст. Справа: Василий Великий.*

ISBN 5-89329-548-X
9785893295481

Ἀντίδωρον (воздаяние) — скромное подношение коллеге, отдавшему немало десятилетий своей жизни на благо процветания отечественного византиноведения.

БЕСЕДА ЮБИЛЯРА И РЕДАКТОРА С ИЗДАТЕЛЕМ

Игорь Александрович*: Геннадий Григорьевич, Вы авторитетный ученый с мировым именем, известный не только в России. В этом я мог лично убедиться, участвуя в работе юбилейного XX Конгресса византинистов в Париже. Вы еще и давний друг многих крупных византинистов. И, находясь с ними в многолетней переписке, в непрерывном творческом общении, Вы, я надеюсь, могли бы помочь читателю их книг, выходящих в нашей «Византийской библиотеке», воссоздать контекст и условия их создания. Вероятно, Вам известно, как обсуждались их замыслы среди коллег, возможно, они являются ответом на те «неслышные» читателям вопросы, которые возникали в процессе дискуссий, во время конгрессов или за дружеским столом. Видимо, этот контекст помогут воссоздать письма, собравшиеся в изрядном количестве в Вашем домашнем архиве. Этот интереснейший для будущих исследователей материал лучше всего представит ту ситуацию, в которой происходило в середине XX века возрождение отечественного византиноведения, яснее покажет те причины, которые обуславливают в данное время растущий в нашем обществе интерес к истории и культуре Византийской империи...

Г. Г.: Простите, что прерываю Вас, но хотел бы сразу же прояснить мою позицию относительно писем: предавать огласке личные письма сейчас, при жизни, я считаю несвоевременным. В них немало замечаний, догадок и оценок (иногда поспешных), касающихся не только моих научных работ и не только работ, но и самих авторов, в том числе ныне здравствующих... Не следует забывать и того, что подавляющее большинство писем в моем архиве принадлежит хронологически к советскому времени. К сожалению, с некоторых пор стало модным предосудительное, на мой взгляд, занятие с виртуозной изобретательностью выискивать в любом даже совершенно невинном документе некий «подтекст», скрытый смысл. Поэтому, коллеги, оставим пока все как есть.

---

* Игорь Александрович Савкин — гл. редактор изд-ва «Алетейя».

Я благодарен Вам за вопрос о трудной и крайне неоднозначной ситуации, в которой происходило возрождение отечественного византиноведения. Поэтому коротко о моей позиции относительно советского византиноведения в его послевоенный период. Должен сказать, что встречающиеся порой в отечественной и зарубежной литературе безответственные суждения о «догматических недугах» советской историографии в целом менее всего имеют отношение к советскому византиноведению. Более того, период примерно с 1945 до начала 1960-х гг. я мог бы назвать в некотором смысле даже «героическим». Вопреки предубеждению, внушенному обществу к тому времени за четверть века идеологическими инстанциями (византиноведение считалось неизлечимо пораженным метастазами реакционных идеалов типа «самодержавие, православие, народность»), отечественное византиноведение переживало тогда подлинное возрождение. Вопреки официальным декларациям начальствующих лиц о том, что «новое», марксистское византиноведение противостоит и дореволюционному российскому, и «буржуазному» зарубежному, именно тогда возрождались лучшие традиции старых российских византиноведческих школ (причем не только в России, но и в Грузии и в Армении). Нельзя не отметить, объективности ради, руководящую и оберегающую роль в этот период становления советского византиноведения З. В. Удальцовой. Это даже попало в профессиональный фольклор, в своих анекдотах византинисты сравнивают ее просторные одежды с известной «Шинелью» Гоголя, из которой вышла вся русская литература. Лично я не откажусь ни от одной своей работы, написанной в советское время. Редкие ссылки в наших работах на классиков марксизма-ленинизма были данью необходимому для цензуры этикету, что не мешало ни постановке проблем по существу, ни анализу источников по существу. Тем более, что интерес к социально-экономической истории (аграрной и т. д.) традиционен и характерен для школы византинистов еще дореволюционной, и мы сами продолжали именно эту школу. Я скорее считаю себя учеником Василия Григорьевича Васильевского, чем какого-либо из византинистов уже советского времени. Марксистское учение о «феодальной формации» и наши споры с «антифеодалистами» не препятствовали, а скорее стимулировали изучение социально-экономической тематики в византиноведении. Особое внимание советских византинистов к данной проблематике, как и к социальной стратиграфии византийского общества и социальным конфликтам в нем, вряд ли следует приписывать только марксистской ментальности. Эти темы пользовались повышенным вниманием и в дореволюционном российском византиноведении. Здесь уместно упомянуть М. Я. Сюзюмова. Именно его работы содержат более всего ссылок на классиков марксизма, и в то же время

именно этот ученый менее всего мог бы быть обвинен в догматизме. Все его работы пронизаны духом творчества, он не только не подкреплял ссылками на авторитеты какие-либо догмы, но постоянно их сокрушал. Недаром был столь велик интерес к трудам Сюзюмова не только у наших, но и у его зарубежных оппонентов.

Игорь Сергеевич*: Хотелось бы знать, что повлияло на Ваш выбор профессии. И вообще — расскажите, хотя бы кратко, о домосковском периоде Вашей жизни.

Г. Г.: Я отвечу на Ваш вопрос чуть позже. Но прежде я хотел бы закончить свою мысль об особенностях советского византиноведения 50–70-х гг. Это было время широких дискуссий в нашей науке об этапах развития человеческого общества в целом. Кстати говоря, именно советские ученые были инициаторами нескольких крупных научных дискуссий, подхваченных мировой наукой. Даже студенты и аспиранты принимали тогда активное участие в обсуждении крупных проблем. Молодые ученые были вынуждены с первых шагов заботиться о расширении своего кругозора, а главное — стремиться к максимальному освоению материала источников во всем их жанровом разнообразии. Закладывался прочный фундамент для успешной в дальнейшем исследовательской работы в любой области византиноведения, потому что еще аспирантами мы уже знали, где по тому или иному вопросу следует искать источник. Вот этот шкаф набит моими выписками из источников (в оригинале и сделанных мною «полупереводах»). От руки переписаны сотни страниц греческих текстов. Ксероксов не существовало, аппаратов на дому для чтения микрофильмов никто из нас не имел. А источник должен был быть всегда под рукой. И мы, как некогда сами византийцы, усердно переписывали греческие тексты...

Теперь о том, как случилось, что уроженец глухого края в глубине Алтайских гор попал в Москву и стал византинистом. Дело в том, что еще в детстве, примерно в 12 лет, я нашел среди книг отца труды С. М. Соловьева, прочитал разделы о Киевской Руси и увлекся. Я неплохо рисовал в детстве. Я стал выигрывать на олимпиадах всякие призы за свои картины из жизни Киевской Руси. Захваченный героикой прошлого древних русов, я пытался в графике и акварелях воспроизводить отдельные эпизоды из истории того времени. Окончив среднюю школу в 1942 г. и получив аттестат с отличием (в старших классах я учился уже в степной части Алтайского края, в селе Троицком), я поступил на историко-филологический факультет Томского университета. Была война. Учиться без материальной поддержки родственников оказалось невозможным. Отец и старший брат были на фронте, а мать и сестра-школьница сами нуждались в моей поддержке. Поэтому уже в начале декабря я вернулся домой с подо-

* Игорь Сергеевич Чичуров — ответственный редактор книги.

зрением на начавшуюся дистрофию. В ночь с 11 на 12 декабря, в лютый мороз, я пешком преодолел 20 км от районного села Троицкого до села Загайново, куда получил направление на работу в школу, и утром я уже давал урок ученикам 6-го класса на тему «Разряды наречий». Я преподавал в 5–7 классах русский язык и литературу, а затем и математику в 8-м классе. Учительская деятельность мне нравилась, а в общении с учениками у меня никогда не возникало проблем. Проблемы были иного рода — как обеспечить себе и своей семье пропитание. Сделать это можно было только собственным физическим трудом. Выдававшиеся учителям карточки на хлебный паек и прочие продукты зачастую попросту не отоваривались («Все для фронта!»), а на месячную зарплату учителя можно было купить в лучшем случае полтора ведра картошки.

Тяжкое было время. Все обстоятельства (дурные вести с фронта, похоронки, голодные, а порой и заплаканные лица ребятишек) располагали, казалось бы, к унынию и апатии. А мы, напротив, насколько помню, постоянно и с энтузиазмом трудились. Война убедила нас в том, что человек способен в критических ситуациях сделать казавшееся невозможным. Не говоря уже о себе, но и школу (а в ней было до 15 классов и иных помещений и училось около трехсот детей) мы сами обеспечивали дровами на всю зиму. Мы валили деревья в лесу, разделывали их на дрова и вывозили сами зимой на санках. В деревне было немало эвакуированных семей, абсолютно нищих. И учителя (а это были в основном женщины) сумели на две самые трудные зимы (1942–1943 и 1943–1944 гг.) организовать в одном из помещений школы и обеспечить продуктами (в основном картошкой и пшеном) бесплатную столовую для детей из бедствующих семей. В связи с этим пришлось освоить искусство пахоты (в хозяйстве школы была медлительная старая кляча), боронования, посева проса из лукошка, а затем и молотьбы цепом. Характерная деталь для советской эпохи: колхозные поля в эти годы наполовину заросли бурьяном, но мы с директором школы так и не получили от сельсовета разрешения на использование части пустующей земли для посева проса для школы. Не положено — и все! Пахали, сеяли и молотили воровски, тайно от местной власти, на рассветах, глубоко в глухом лесу, на редких полянках. С огромным трудом поднимали новь.

Когда в 1944 г. мне пришлось преподавать и математику, я вновь поступил в вуз, теперь — на заочное отделение физико-математического факультета Новосибирского пединститута. В июле 1945 г. я был вызван на экзаменационную сессию. Конечно, учебники по дифференциальному исчислению, аналитической геометрии и т. п. я увидел впервые, только когда пришел в институт на обзорные лекции. До сих пор с дрожью вспоминаю этот трехнедельный бессонный кошмар,

когда я (с нечаянным успехом) сдавал экзамены за 1 курс. Только в 1946 г., после демобилизации отца, я получил возможность учиться. Ни о каком другом вузе, кроме МГУ, я и слышать не хотел. Когда мои документы об окончании первого курса Новосибирского пединститута приемная комиссия физмата отвергла (я по наивности показал зачетку и получил совет продолжать учебу в пединституте), я сразу же подал документы на истфак, который и закончил в 1951 г. по кафедре истории средних веков, а в 1954 г. окончил и аспирантуру при той же кафедре. Тема моей дипломной работы — «Русско-византийские отношения в IX–X вв.», тема кандидатской диссертации — «Борьба болгарского народа против византийского ига в XI–XII вв.».

И. С.: Как Вы говорили, изначальным был ваш интерес к истории Древней Руси, а Вы оказались не на кафедре отечественной истории...

Г. Г.: Ко 2-му курсу, когда избирают кафедру, я уже знал, что основной корпус источников, *одновременных* событиям IX–X вв. на Руси, представлен в основном византийскими письменными памятниками. Так я и «пришел» в Византию по пути «из варяг в греки», причем на изрядное число лет на этом пути «задержался» в Болгарии. В последние годы, кстати говоря, я совершал и обратный путь — «из грек на Русь».

И. А.: Вы имеете в виду, конечно, последнюю монографию и основание серии «Bibliotheca slavica».

И. С.: Мне представляется такой путь возвращения к своим истокам для русского византиниста совершенно естественным: от Руси к сопредельным с нею странам, затем в Византию и, наконец, обратно, на Русь.

Г. Г.: Игорь Павлович Медведев во вступительной статье к сборнику «Γεννάδιος» высказал мысль, что в выборе тематики я в какой-то мере следовал примеру В. Г. Васильевского. Не буду спорить с этим лестным для меня сопоставлением, так как действительно считаю этого крупнейшего ученого, а в сущности основателя российского византиноведения, своим подлинным учителем. Замечу в связи с этим, что лично я никогда не был склонен к некоей классификации византинистов, своих и зарубежных, по шкале их научной значимости, как это делает, например, мой добрый коллега, который составил многоступенчатую шкалу достоинств ученых (кто какое место занимает). Спешить с этим опасно. Время покажет. Достаточно вспомнить судьбу трудов Н. Скабалановича, по справедливости оцененных только столетие спустя.

И. С.: Вы назвали своим учителем В. Г. Васильевского, ушедшего из жизни задолго до того, как Вы обратились к византиноведению. Кто же из непосредственных Ваших учителей в Ваших студенческих

и аспирантских штудиях обеспечил, наставляя Вас, преемственность названной Вами научной традиции? Кто из Ваших коллег оказал на Вас более других влияние в начале Вашего научного пути?

Г. Г.: Во время учебы в университете руководителем и дипломной работы и моей кандидатской диссертации была З. В. Удальцова, преподавателем греческого Е. Б. Веселаго. Большое влияние оказали на меня курсы лекций А. И. Неусыхина и С. Д. Сказкина и занятия в руководимых ими семинарах. Серьезной профессиональной школой я считаю частое общение с коллегами в секторе византиноведения, начиная с лета 1955 г. и, с того же времени, в редколлегии «Византийского временника», в которой я состою вот уже 47 лет. Взаимное обсуждение специалистами монографий, статей, докладов (своих и чужих), глав в коллективных трудах, диссертаций, комментированных изданий источников, рецензий и т. п. расширяло кругозор, а главное — обогащало методологический инструментарий и давало представление об отвечающем современному уровню науки стандарте. В беседах с зарубежными коллегами я слышал не раз похвальные отзывы о принятых у нас формах обсуждений как о чрезвычайно важных и полезных для становления молодых ученых. К сожалению, в настоящее время в связи с резким снижением требовательности к научному уровню работ и с появлением возможности их публикации практически без апробации у специалистов, молодые ученые нередко не ставят на обсуждение свои труды в компетентной аудитории, лишая себя, тем самым, как я считаю, предварительных объективных оценок и полезных советов коллег.

Я с благодарностью вспоминаю о том внимании, которое уделяли мне Е. Ч. Скржинская, М. Я. Сюзюмов и А. П. Каждан, не жалевшие времени на подробный (письменный!) анализ рукописей моих статей и книг. Особенно большое влияние на становление меня как исследователя оказал А. П. Каждан, в постоянном контакте с которым в секторе истории Византии я находился более 10 лет, а в редколлегии «Византийского временника» почти четверть века. Мы часто полемизировали с ним, как и он — с М. Я. Сюзюмовым, но никогда эти дискуссии не бросали даже тени на личные дружеские отношения между нами. Мы спорили честно, с «открытым забралом», соглашались и не соглашались, признавали и не признавали свои ошибки, но никогда не опускались до обвинений друг друга в научной некорректности или до чувства соперничества. Каждан не раз говорил, что искренне («по-белому») завидует талантам двух российских византинистов — своего «вечного» оппонента М. Я. Сюзюмова и искусствоведа В. Н. Лазарева.

И. С.: Как-то А. П. поведал мне, что у М. Я. Сюзюмова есть, по его словам, собственный взгляд на всю мировую историю от Константина Великого до Колумба.

Г. Г.: Так оно, по всей вероятности, и было. Когда М. Я. приезжал из Свердловска (Екатеринбурга) в Москву (это случалось довольно часто во время работы нашего сообщества над 3-томной «Историей Византии» и ежегодно на редколлегию «Временника»), он иногда посещал мой дом и, как правило, с бутылочкой коньяка. Беседы шли обо всем на свете и затягивались до глубокой ночи. Какого бы исторически отдаленного события или института прошлого мы ни коснулись, М. Я. тотчас находил им аналогии в нашей современности. Помню, когда была денежная реформа, кажется в 60-е гг., он проводил аналогии с временами Анастасия, с временами Прокопия Кесарийского. И находил сходство. Он сразу заявил: «Это ограбление народа вот на столько-то процентов». И угадывал. Деталей его оригинальных выкладок я не помню, но они производили на меня тогда сильное впечатление. История Византии, вся история, и в макро- и в микромасштабах, была осмыслена им как единый закономерный процесс, каждый этап которой был интерпретирован им по-своему и порой — весьма далеко от того, что считалось общепризнанным в официальной историографии. М. Я. обладал огромной эрудицией. Кодекс Юстиниана он был готов цитировать страницами. История служила для него живым примером того, что можно ожидать или чего следует опасаться в наши дни или в будущем. Он был оригинален во всем: в манере говорить, писать (стоя), слушать оппонента, передвигаться (стремительно взлетая по лестницам), принимать пищу (начиная с чая и кончая супом). Основанный им центр византиноведения в Екатеринбурге — прекрасный памятник ему, достойный этого большого ученого, настоящего подвижника и энтузиаста.

И. С.: Ваши слова только подтверждают мысль о том, что возрождение византиноведения в России происходило в необычно плодотворном для советской эпохи творческом контексте. Вы упомянули дорогое для меня имя моего учителя, Учителя с большой буквы — А. П. Каждана. Для меня он не только учитель — с семи лет я практически воспитывался в его семье. Вы уже сказали, сколь полезны для Вас были научные контакты с ним и самые Ваши разногласия, естественные в науке. Но я хотел бы услышать Ваше мнение, насколько важным оказалось научное творчество Каждана для современного отечественного византиноведения в целом.

Г. Г.: Мне кажется, что эта беседа — не место для изложения научных концепций А. П. Каждана. Что же касается их суммарной оценки, то я свою позицию на этот счет уже высказывал. Подробнее я изложил ее в предисловии к сборнику, посвященному его памяти («Мир А. П. Каждана»). Роль Каждана, талантливого ученого, редкого эрудита, глубокого знатока источников и мировой историографии, в крайне важный период становления советского (и российского)

византиноведения в 50–70-х гг. трудно переоценить. Здесь не место деталям. Влияние его трудов, лекций, докладов, рецензий, историографических обзоров, консультаций и т. п. распространялось на самые широкие круги специалистов. Особенно плодотворным оно было для молодых ученых. Я имел возможность в течение долгих лет наблюдать, сколько времени и сил отдавал он в редколлегии «Византийского временника» рецензированию материалов сборника, подвергая уничтожающей критике слабые и несостоятельные статьи и помогая своими рекомендациями авторам, статьи которых заслуживали поддержки и могли быть доработаны с учетом его советов.

Специалистам известно, что в последние годы жизни А. П. посвятил несколько статей истории советского византиноведения. Вопреки предвзятым суждениям, встречающимся и ныне в зарубежной и даже в отечественной литературе, А. П. четко и убедительно обозначил научные приоритеты и заслуги советских византинистов в мировом византиноведении, показал, как эти заслуги сознательно замалчиваются и даже беззастенчиво присваиваются в недальновидных расчетах на то, что по-русски на Западе и в США читают все меньше.

В 1995 г., находясь в течение 4-х месяцев в Dumbarton Oaks, я почти ежедневно общался с А. П. и знаю, что он намеревался довести свои обзоры советской (и российской) византинистики почти до наших дней. Замечу попутно, что сравнительно недавно, еще при жизни П. Лемерля, Г. Острогорского, Дь. Моравчика, Ив. Дуйчева, Р. Браунинга, какие-либо сомнения в профессиональном уровне советского (затем российского) византиноведения были вообще исключены. Вот, кстати, я назвал имя еще одного крупнейшего западного ученого, который признал ценность советских дискуссий для мирового византиноведения. Это Поль Лемерль, глава французской школы и до сих пор весьма почитаемый, в том числе мною. Его письма ко мне очень комплиментарны, но я не позволю опубликовать их при моей жизни. Второй — это Г. А. Острогорский. Оба высоко оценили значение для всего мирового византиноведения тех дискуссий, застрельщиками или, как говорили тогда, зачинщиками которых были советские византиноведы. И напрасно кто-то стал бы искать в наших работах какие-то порочащие нас проявления сервильности в отношении властей. Таковых не было.

И. А.: Отрадно, что у отечественного византиноведения славное прошлое и неплохие перспективы на будущее. Однако не означает ли это, что самый предмет исследования (история и культура Византии) определил творческую коллегиальную атмосферу взаимного доверия в отношениях отечественных византинистов друг с другом — в отличие, например, от отношений между историками, занимавшимися советским периодом. Ведь не секрет, что многие крупные историки

отсидели немалые сроки из-за их, так сказать, «нетворческих» отношений с коллегами.

Г. Г.: Трудный и не совсем корректный вопрос. Во-первых, решительно не согласен с тем, что причинами репрессий были только доносы коллег друг на друга или их взаимные свары, сопровождавшиеся обвинениями в идеологических прегрешениях или в политической неблагонадежности. Были, конечно, и доносы, но не в них заключались главные причины репрессий. Причины эти, зачастую совершенно произвольно, определялись партийными инстанциями и органами так называемой «безопасности». «Нетворчески» настроенные коллеги чаще были не инициаторами обвинений, а исполнителями заказов сверху на идеологическое обоснование арестов. Во-вторых, репрессии не обошли и византинистов (достаточно вспомнить В. Н. Бенешевича); но я никогда не слышал даже намека на то, что в этом был замешан кто-нибудь из коллег. В-третьих, не было всеобщей благостной атмосферы и среди византинистов. Отчасти поэтому я и не хочу до времени предавать гласности сохранившиеся у меня письма. Ни для кого не секрет, что Б. Т. Горянов не ладил и с З. В. Удальцовой, и с А. П. Кажданом и т. д. и т. п. Но это не мешало никому из них сотрудничать друг с другом в научном плане, участвовать в совместных конференциях и в коллективных трудах. Возможно, византинисты всегда отличались среди историков повышенной интеллигентностью и терпимостью, так же как и антиковеды и медиевисты. Возможно также, что особые страсти разгорались в среде историков-советологов в силу близости предмета их занятий к жизненным коллизиям и к интересам властей... Не знаю. На этот счет полезно ознакомиться с материалами о судьбах петербургских (и ленинградских) византинистов, написанными на основе архивных данных и изданными недавно в 2-х томах под редакцией И. П. Медведева.

И. А.: Вопрос к Вам обоим: каким временем Вы датируете становление советского византиноведения?

И. С.: Начало становления я бы отнес к 1943 г., когда Сталин разрешил избрать патриарха и когда, вслед за этим, на заседании Отделения философии и истории АН СССР обсуждался вопрос о перспективах возрождения византиноведения, создания сектора византиноведения и возобновления издания «Византийского временника».

Г. Г.: В 1943 г. была создана во главе с Косминским «византийская группа» в Москве. А в целом в советское время Петербург (Ленинград), главный очаг оформления российского византиноведения в самостоятельную науку вообще, в процессе возрождения византиноведения опережал Москву. Здесь уже в 1939 г. сложилась византиноведческая группа во главе с М. В. Левченко. Он же возглавил вскоре и кафедру византиноведения на истфаке Ленинградского универси-

тета. После его смерти (1955 г.) группой долго руководила Н. В. Пигулевская, благодаря усилиям которой в 1952 г. возродилось «буквально из пепла» и «Палестинское научное общество» (называвшееся до закрытия в 1923 г. также православным) со своим печатным органом — «Палестинским сборником». Издание же «Временника» было возобновлено в 1947 г. Его ответственным редактором до 1961 г. был акад. Е. А. Косминский, до 1969 г. — акад. М. Н. Тихомиров, затем — З. В. Удальцова. Правда, первый том подвергся разгрому: редколлегию обвиняли в идеологической невыдержанности статей и в идеализации трудов и самой личности академика Ф. И. Успенского, последнего ответственного редактора ежегодника перед его закрытием в 1928 г. (в томе было много материалов об этом крупнейшем русском византинисте, написанных и подобранных его учеником Б. Т. Горяновым, ответственным секретарем редколлегии).

Со 2-го тома ответственным секретарем сборника стала доцент истфака МГУ З. В. Удальцова, отвечавшая по сути дела за идейную направленность издания. С тех пор высочайшие окрики сверху в адрес сборника прекратились, и в этом была несомненная заслуга З. В., умевшей ладить с верхами, беречь и остерегать старших коллег и неутомимо наставлять младших...

В 1955 г. «Византийская группа» была преобразована в сектор истории Византии при институте истории АН СССР (фактически с самого начала сектор возглавляла З. В. Удальцова). Вокруг сектора и «Временника» консолидировались все наличные силы византинистов. Серьезную научно-организационную роль сыграла и работающая в Ленинграде под руководством Н. В. Пигулевской так называемая «Византийская группа» — неформальное объединение всех византинистов города. В конце 50-х и начале 1960-х годов вышло в свет несколько монографий, и тогда же сотрудники сектора сочли посильным для себя (с привлечением ряда иногородних авторов) справиться с такой задачей, как написание трехтомной «Истории Византии» (вышла в 1967 г.). Рубежом 50-х и 60-х годов я и датировал бы окончательное становление советского византиноведения.

Вспоминая те годы и наши споры по поводу концепции упомянутого большого труда, я с тревогой думаю о положении дел в нашем византиноведении в настоящее время. Отрадно, что стали активно разрабатываться проблемы церковной истории (в советское время этой тематике уделялось очень мало внимания, если только она не была связана с богословскими ересями или с крупными политическими событиями). Следует приветствовать также проявляемый в последние годы интерес к изучению житий святых не только как важных и недостаточно введенных в научный оборот источников по гражданской истории, но и как памятников духовной жизни широких слоев

византийского общества. Всяческого поощрения заслуживают и занятия смежными историческими дисциплинами — сфрагистикой, нумизматикой, палеографией, кодикологией, демографией, гимнографией и т. п. Подобного рода направления исследований характерны в данное время и для западно-европейского византиноведения. Однако — с одним существенным отличием: там одновременно не прекращается работа и над кардинальными проблемами экономической, социальной, государственно-административной, политической и культурной истории империи. Был бы рад ошибиться, но у меня создалось впечатление, что круг российских специалистов, занятых этими проблемами, сокращается с каждым годом. Особенно мало интереса к важнейшим (трудным) проблемам проявляет молодежь. Соответственно — и диссертации в настоящее время тематически узки, их темы избираются так, что обязывают соискателя ученой степени на глубокий анализ всего двух-трех источников. Между тем уровень мировой византинистики неуклонно повышается. У меня нет никаких сомнений в том, что отход молодежи от капитальных проблем, исследование которых предполагает массу труда и широкую осведомленность в источниках и научной литературе, неизбежно приведет к измельчанию, падению профессионализма и отставанию нашей науки.

И. С.: Фундаментальность проблематики российского византиноведения — не случайность и не результат личных предпочтений «отцов-основателей», а исторически обусловленная закономерность. Более полутысячелетия российское общество было множеством нитей связано с Византией. История империи воспринималась на Руси в качестве живого примера, вызывая не только культурно-исторический, но и политически злободневный интерес. В этом и состоят главные причины необходимости для российских византинистов изучать историю Византии многосторонне, системно.

Г. Г.: Я согласен с Вами. Но все дело в степени предпочтения той или иной проблематики. Касаясь этого вопроса, я недавно написал (в шутливом тоне) крупному зарубежному византинисту (посоветовавшему нам сосредоточить свои усилия на изучении Byzance après Byzance), что российские византинисты, даже не имеющие *персональных* компьютеров, еще не лишились *природных* на своих плечах, и их интерес к важнейшим социальным и культурным вопросам не иссякнет, пока в жизни для них остаются важными *земля, социальные дисгармонии и икона*. Переход же *исключительно* к задачам публикации (для потребностей мировой эллинистики) хранящейся в архиве Посольского приказа греко-русской переписки XVI–XVII вв. — верный путь к ликвидации того российского византиноведения, которое достаточно долго достойно заявляло о себе и, надеюсь, пока еще заявляет.

И. С.: Вы совершенно верно, на мой взгляд, назвали, хотя и в шутку, три фактора, неистребимо присутствующие в сознании русского человека и обусловившие особенности российского византиноведения. Интерес в России к иконе отнюдь не только искусствоведческий. Я с глубоким почтением отношусь к энтузиастам, возрождавшим у нас византиноведение, но парадоксальность этого процесса при коммунистическом режиме, в условиях атеистического государства, выразилась, на мой взгляд, в ощущаемой до сих пор его незавершенности: историю государства и историю Церкви пытались и пытаются изучать вне связи их друг с другом, тогда как в Византии такие понятия, как империя и Церковь представлялись неразделимыми.

Г. Г.: Нельзя не согласиться с Вами. Безусловно, полученное нашим поколением гуманитарное образование в известном смысле ущербно. Я пришел в МГУ не со школьной скамьи. Я почти 4 года учил сидящих на ней. Мне с самого начала было ясно, что специализация по новой и новейшей истории — не для меня. Но и на кафедре средних веков, уже в аспирантуре, я твердо решил, что не для меня и занятия проблемами, сопряженными с историей Церкви и историей культуры: я был абсолютно невежественен в «Законе Божьем», я не мог распознать в источнике аллюзий на Священное Писание, плохо ориентировался в церковных праздниках, не знал пантеона святых, не проникался конфессиональным духом памятника. Что же касается культуры и искусства, то я считал, что занятия ими предполагают склонность, если не непосредственную причастность, хотя бы к одной какой-либо отрасли культуры для успешной трактовки проблем культуры в целом.

И. А.: В Византии государство и Церковь составляли нерасторжимое единство с начала и до конца. У нас они оказались в XX в. разобщенными. Византийская империя погибла, и греческая государственность возродилась только через 350 лет. А Церковь, лишенная опоры на государство, оказалась в плену у иноверцев. Российское же государство (уже не империя) и российская Церковь существуют и поныне. Пожелаем же им многия лета и успеха на пути к новому диалогу.

Г. Г.: Кстати — о понятии «империя». Ныне этот термин употребляют без разбора, применительно к любым эпохам и любым формам государства, если его население не ярко моноэтнично. При этом, заранее предполагается, что титульная нация обладает явными привилегиями и непременно угнетает нетитульную. Действительно, термин «империя» в его узком (подлинном) смысле типологически достаточно определенен и непременно включает в себя два упомянутых феномена — привилегии господствующей нации и приниженное, угнетенное положение прочих в составе империи. Но все ли государства, именовавшиеся в новое время империями, соответствуют ука-

занным признакам и типологически одинаковы? Здесь не место трактовать эту непростую проблему. Но замечу все-таки, что империя как государственная система — результат естественно-исторического развития. Римская агрессия лишь частично коснулась в Европе родоплеменных объединений варваров. Империя поглотила здесь в качестве очагов цивилизации лишь разрозненные города-государства греков. Других государств тогда на всем континенте попросту не существовало. Был окружавший империю «варварский мир» — источник постоянной опасности. Ее ликвидация предполагала либо завоевание территорий (по крайней мере — до крупных естественных преград, способных хотя бы отчасти ослабить угрозу) или возведение пограничных укреплений (римские валы).

В Европе так обстояло дело и во время становления Византии как непосредственной преемницы Восточно-римской империи, хотя Византия здесь не столько наступала на «варварское дикое поле», сколько оборонялась от него. В отношениях со своими иноплеменными подданными она прилагала максимум усилий для их аккультурации как необходимого условия сознательного послушания власти и закону. В определенном смысле империя служила «школой воспитания» попавших в ее состав народов, находившихся на более низкой стадии развития (влахи, славяне, албанцы), которые официально, согласно действующему законодательству, признавались, однако, совершенно равноправными с представителями титульного, греческого этноса. Эта вынужденная и рациональная на начальном этапе тактика обусловила в конечном счете стратегические потери: достигнув с помощью империи определенного уровня цивилизованности (принятие христианства, усвоение хозяйственно-производственных навыков византийцев, овладение письменностью) и обретя собственное этнополитическое самосознание, крупные контингенты иноплеменных подданных устремились к выходу из состава империи и созданию своих независимых государств.

И. А.: Подобные процессы характерны и для российской истории. Об этом писал уже Георгий Вернадский, а после революции Петр Савицкий.

Г. Г.: Да, нечто подобное происходило и происходит и на российской земле. Я далек от мысли смягчать принятые оценки деяний Ивана IV Грозного. Понятны мне и чувства современных казанских татар, проклинающих его память и желающих вскоре отметить как общенародный праздник 1000-летие Казани, не вдаваясь в причины овладения ею русскими. Непонятны для меня вообще попытки современных межэтнических «разборок» по поводу исторических событий почти полутысячелетней давности. Если тенденции такого рода станут модой, неизбежен кровавый хаос.

2 Зак. 3958

До военных кампаний Ивана Грозного против поволжских ханств русское государство было фактически лишено защищенной границы на востоке. Она была открыта для постоянных, опустошительных и трагичных для мирных русских подданных набегов сибирских кочевых племен под прикрытием симпатизирующих им ханов Казани и Астрахани, которых тайно поддерживала Турция. Здесь зияла дышащая угрозой пустота. Так что политика Ивана Грозного в отношении Казани и Астрахани, с точки зрения интересов населения восточных районов страны, была неизбежной. Я не торопился бы, в связи с этим, квалифицировать освоение Сибири как экспансию русского государства, которое ликвидировало здесь некие жизнеспособные цивилизованные политические образования. Таковых здесь тогда не существовало. Если бы не пошел в Сибирь Ермак, кочевники разоряли бы европейскую равнину набегами непрерывно. Мы вынуждены были это сделать. Империя развивается органически и является, как бы сказать, школой воспитания народов, дотягивания народов до известного цивилизационного уровня, потому что нельзя быть подданным, не зная законов страны, а в пределы империи попадали и дикие племена. И уже потом, когда империя помогает цивилизоваться включенным в ее пределы народам, эти народы, став цивилизованными, желают от нее отложиться, полагая, что теперь они могут обойтись без опеки. Этот процесс отложения часто происходит с переоценкой собственных сил. Происходит разрушение естественных сложившихся связей, нарушение всей жизни. Это процесс крайне болезненный. Вы знаете, что на этот счет говорил Сюзюмов? М. Я. говорил: «За каким чертом Ленин объявил эти национальные республики? Дал грамоту тунгусам и якутам? Надо было — как в США: общее подданство и губернии, т. е. Штаты, и общий язык единый, и образование, и все... А то ведь, раз первая жена Чингисхана была якутка, значит у якутов есть особые территориальные права: абсурд!»

Сравнительно недавно Маргарет Тэтчер в разговоре с М. С. Горбачевым высказала мысль, что судьбы англичан и русских сближает общее пережитое ими событие — крушение империй, Британской и Советской. Тэтчер заблуждается или вводит нас сознательно в заблуждение. Аналогия несостоятельна. Английское население в колониях было лишено нормальной демографической инфраструктуры. Они были белые господа, все — и чиновники и военные, — буквально стенами своих резиденций отгороженные от аборигенов. Ни английские крестьяне, ни ремесленники здесь своих корней не пускали. В Российской же империи (не говоря уж о СССР) с самого начала русские жили бок о бок с местными жителями и в массе своей были равноправными с ними, не имея перед аборигенами никаких привилегий. Я родился и до 14 лет жил в Горном Алтае. Мои родители и мы

сами часто общались с алтайцами. Я не помню ни одного случая (или рассказов о подобных случаях) дискриминации алтайцев со стороны русских. Во время длительных переездов, требовавших ночевки, я не раз вместе с родственниками пользовался гостеприимством алтайцев, которые предоставляли нам место в своей юрте. Подлинным другом нашей учительской семьи был простой алтаец Кальзеш, проживавший в юрте в отдалении от села. Бабушка не отпускала его при посещениях, не угостив обедом. Моя мать шила рубашки его детям. С его сыном мы встретились случайно через 34 года и убедились, что взаимные симпатии сохранились. Кальзеш был репрессирован, но той же участи подверглись мой дед по матери, несколько моих учителей, директор совхоза, начальник политотдела и т. д. и т. п. Все — русские.

И. С.: Вы назвали еще один важный мотив необходимости изучения Византийской империи в историко-сравнительном плане с Российской. Ведь и византийцам была свойственна терпимость к иноплеменникам, если они принимали христианство, вступали в число подданных империи или хранили с нею мир.

Г. Г.: Терпимость к иноплеменникам — одна из отличительных черт природного демократизма русского характера, воспитанная веками тесного общения с иноземцами. Это своего рода народная политическая культура. То, что мы наблюдаем сейчас («лица кавказской национальности»!) — убежден — зловредное временное поветрие, спровоцированное неуклюжими деяниями наших политиков.

И. А.: А как вы объясните расхожие представления о византинизме как душной атмосфере продажности, интриг и изощренного коварства? Не стоит ли византинистам сообща поработать над тем, чтобы хотя бы частично развеять ложные мифы? На месте Византийской образовалась Османская империя. Константинополь стал Стамбулом. Может быть, в данном случае имело место элементарное смешение византийского прошлого с турецким настоящим. Насколько я помню, Наполеон, думая о будущей войне с Османской империей, поставил перед французскими интеллектуалами задачу изучить нового врага. Так было создано целое направление во французской историографии. В сознании исследователей и политиков могло произойти наслоение двух культур и двух государственных (властных) систем. В результате Византии были приписаны такие особенности и функции, которые не были ей свойственны изначально. Есть в исторической геологии и биологии методологический принцип, который отчасти, может быть, применим и к истории. Это принцип актуализма, который в биологии предполагает, что особые, полезные для размножения свойства индивида могут накапливаться и полностью проявиться только через множество поколений. Так и климатические изменения могут оказаться заметными через миллионы лет, которые

геолог или биолог, листая каменную книгу, т. е. наблюдая обнажения пород или снимая методологически безупречно слой за слоем донные отложения, сможет, наконец (понимая, что следует искать и с какой меркой подходить к событиям, которые надлежит оценить), уяснить и масштаб событий, и темпы изменений, и конечную цель. Дарвин, Гексли и Лайель, будучи трезвомыслящими британцами (а Лайель был вообще судебным оратором и опытным адвокатом), понимая, что процесс, будучи заданным, развивается автономно, не решались на вывод о конечной цели мироздания — для чего все это? И это бессилие мысли стало для них личной драмой. И для истории, если понимать задачу широко, вопрос о цели и смысле истории — отнюдь не праздный. Пространство для расширения империи должно быть естественным образом ограниченно. Это либо естественная непреодолимая преграда или охраняемая граница другой империи. Другое дело — ограниченность существования империи во времени. В данном случае мы имеем уникальный пример того, как империя (Византия), какая бы она ни была, умерев, получила затем в обличье Российской империи (необоснованно, как теперь выясняется) право на вторую жизнь. Так, как если бы человек, грешивший всю жизнь и проживший ее, испросил у Бога: «Боже, да, я грешил, но если ты такой милосердный, позволь мне все повторить, дай мне еще один шанс, а я учту все свои ошибки и впредь грешить не буду». Империя получила второй шанс. Мы видим, что эта православная держава, которая возникла на территории, превышающей во много раз территорию, занимаемую Византийской империей, не только сложилась, она получила столько, что и не снилось никому: такие пространства, такое влияние, могущество. А ошибки те же самые (или нет?), а люди, которые ее населяют? Как говорила Анна Андреевна Ахматова: «Тысячу лет прошло после крещения Руси, а русские люди так и остались язычниками».

Г. Г.: Подобные философские размышления, И. А., может быть, и имеют право на существование. Но мысль о перевоплощении Византийской империи в Российскую (вторая жизнь) мне никогда не приходила в голову. Что же касается расхожих мифов о Византии, то Вы совершенно правы — их действительно было создано немало. И сочинены они были не только в эпоху Просвещения. Многие из них были созданы и создавались неприятелями империи одновременно с ходом византийской истории. Имел значение при этом и такой фактор, как комплекс неполноценности вступавших в общение с византийцами иноземцев. Византия напрягала свои силы в стремлении к выживанию. Ее изощренная, опытная дипломатия переигрывала, не останавливаясь перед закулисными интригами и подкупом, соседних и дальних правителей, вызывая у них, естественно, досаду и раздражение. С другой стороны, византийцам было присуще чувство превосходства

над иноземцами, а их надменность, даже в ситуациях, когда гордиться было нечем, вызывала законное чувство неприязни. Византия до XII столетия оставалась самой культурной страной Европы и Ближнего Востока.

Да, нам известно множество примеров и произвола властей, и коррупции чиновников, и неправедного суда. Но какое государство европейского средневековья (и не только средневековья) было свободно от этого? Ведь негативные заключения о Византии как оплоте деспотизма сделаны без сравнительного анализа положения дел в современных ей государствах Запада.

Я не стремлюсь как-то реабилитировать Византию за ее «имперскость», да она в этом и не нуждается. Жизнь и история таких крупных держав, как Византия, не поддаются однозначной оценке. Она чрезвычайно сложна и многообразна, исполнена коллизий, противоречий и отличий между провинциями в разных концах огромной территории и в одной и той же провинции в разное время. Но я убежден в том, что никто из наших доморощенных чиновников и журналистов, всуе поминающих Византию в негативном плане, не подозревает о следующих фактах. Византия отнюдь не являлась восточной деспотией. В Византии, в отличие от стран Запада, искони действовало писаное (римское) право, существовал открытый суд. Приговору предшествовало следствие с привлечением свидетелей. По закону этнические и социальные отличия не были поводом к смягчению или ужесточению наказания (сохранились документы об осуждении знатного лица за произвол в отношении своих крестьян). Женщины пользовались равными правами с мужчинами, все дети в семье имели равные права при наследовании. Суд защищал имущественные права вдовы и женщины в разводе. Вдовы получали налоговые льготы. Осужденный имел право апелляции к высшим инстанциям вплоть до прошений на имя императора. Существовало специальное ведомство по разбору жалоб. Имущественные сделки заверялись нотариально и находились под защитой закона.

На содержании государства и духовенства существовали сиротские дома, приюты для старцев, больницы для бедняков, ночлежные дома для бездомных и путников, военные училища для детей погибших воинов. При монастырских и церковных приходах существовали школы, пользовавшиеся государственной поддержкой и доступные для детей любого социального положения. Городские власти должны были заботиться о водоснабжении и безопасности горожан, следили за порядком и пресекали спекуляцию на рынках продуктами и товарами широкого потребления. Налоги начислялись в соответствии с имущественным положением налогоплательщика. Сеть ямской службы охватывала все значительные города и обеспечивала не только

государственные потребности в быстрой информации, но и доставку частных писем подданных.

И. А.: Господа, давайте поговорим о налогах. Утверждается, что система налогов Россией заимствована с Востока, но очевидно, не из Византии.

Г. Г.: Если бы из Византии! На Западе — десятина, а в Византии — 8, 33, т. е. значительно меньше. И Михаил Яковлевич Сюзюмов говорил: «Византия отличалась значительно меньшим уровнем эксплуатации производящего населения, чем Запад. И это было вредно для Византийского государства». Недаром здесь не было охватывающих огромные территории восстаний. Шене пишет: «Удивительное дело: в Византии не было Жакерии». Среди причин этого не последнее место имел тот факт, что налоги и поборы с крестьян в Византии были значительно ниже, чем на Западе. Повторяю, до XII века, пока Запад не разгромил Византию, — это была самая культурная страна мира: с процветающими городами, с налаженной налоговой системой, торговыми путями и сообщениями, с прекрасной армией, с отлаженной системой сигнализации о набегах врага (напали арабы на Северную Сирию — и через пять часов об этом знал Константинополь), прекрасным флотом.

И. А.: Великие империи гибнут от великих ошибок? Или, что называется, «мышка пробежала, хвостиком махнула»?

Г. Г.: Великие империи гибнут от того, что они сами приподнимают этнополитическое самосознание населения, которое в них живет, они сами готовят себе историческую ловушку. В этом состоит историческая предопределенность их развития. Вот что говорил Сюзюмов о падении Римской империи: «Цивилизация Рима оказалась не по карману римскому правительству». Глубокая мысль, потому что эти дороги, стадионы, «хлеба и зрелищ», а во всех провинциях каждый наместник устраивал у себя, в сущности, подобие императорского двора — все это было таким расточительством при нищете населения, что однажды должно было рухнуть.

Но не идиллия ли это, остающаяся в сфере намерений и деклараций? Можно привести немало фактов, подтверждающих эти сомнения. Но не они определяли общую атмосферу жизни государства. Система, при всех сбоях и нарушениях, действовала, так как опиралась на закон и разветвленный бюрократический аппарат. Как бы несовершенна она ни была, она в любом случае была лучше феодального произвола в поместьях западных сеньоров, кстати говоря, люто ненавидевших Византию.

И. А.: Так что судить о Византии следует, видимо, не упуская из виду местных особенностей, но учитывая прежде всего весь период ее тысячелетнего существования, т. е. на большом пространстве и на большом протяжении времени.

Г. Г.: Относительно «пристройки» к Российской империи Сибири и Дальнего Востока следует заметить, что ряд западных ученых отнюдь не рассматривают этот процесс освоения русскими новых земель (подобное имело место и в Америке) как агрессию и подавление живущего здесь (в основном — первобытно-общинным строем) редкого населения. Иван Дуйчев говорил мне о великой заслуге русского народа, принесшего Евангелие на берега Тихого океана. Действительно, веками из Азии, с востока на запад, периодически двигались волны завоевателей, беспощадно избивая и разоряя жителей сел и городов, долго не умевших и неспособных противостоять стремительной коннице кочевников. Они проникали в V–IX вв. до Каталаунских полей и Испании. Лишь после возникновения Древнерусского государства, ставшего барьером на их пути, их набеги уже не достигали не только Западной, но и Центральной Европы.

Начиная с Великого переселения народов вплоть до XIII в. кочевники, двигаясь с Востока на Запад, сдвигали население в сторону Атлантики, «запирая» множество цивилизованных народов в пределах западной части европейского континента. И только русские пошли навстречу нашествиям, постепенно заселяя Сибирь. Только русские пошли по другому пути: растянув свою энергию на тысячи километров до Тихого океана, это экстенсивный, а не интенсивный путь, потому что есть альтернатива. Есть охота, есть отселение, есть переход в казаки, есть переселение в Сибирь. И есть длительный, практически полугодовой период суровой зимы. Происходит формирование особого характера.

И. А.: А не было ли это просто бегством от свирепого царя и от правового беспредела...

И. С.: Простите, а где свирепый царь? Говорят в этом случае, как правило, об Иване Грозном, не понимая, что значит слово «грозный» в русском языке. В одной старинной немецкой книге об истории России был даже такой пассаж, что «в XVI столетии на Руси правил царь Грозный по прозвищу Иван». Это так, каламбур. Но стоит посмотреть на географическую карту и подумать над тем, как же с этим географическим пространством можно было справиться...

И. А.: Тогда, может быть, это бегство от тягот государевой службы.

Г. Г.: И. А., безусловно, все это имело место. Я далек от того, чтобы реабилитировать Ивана Грозного, зверства которого в отношении своих подданных хорошо известны. Но именно он обезопасил восточные границы государства. Что же касается вопроса о том, кто и как заселял Сибирь, то и эта тема достаточно сложна. Бежали в Сибирь и крепостные, и лихой люд. Многие отправлялись туда в расчете стать казаками, которым власть предоставляла существенные

привилегии. Но основную массу новых поселенцев отнюдь не составляли маргиналы и диссиденты. Это было в основном страдавшее «в России» от малоземелья крестьянство, мечтавшее о свободных землях. Мои предки из Тамбовской губернии бежали в Сибирь от малоземья. Может быть, в казаки и лихой люд бежал, потому что там (в казаках) были привилегии, и бывшие каторжники беглые бежали, бежали, конечно, и крепостные. Но можно ли считать процесс заселения земель только вытеснением маргиналов, диссидентов и т. д. А Америка как заселялась? Их ведь никто не гнал, они сами туда стремились. Более того, русские и только русские пошли навстречу нашествиям кочевников, и продвижение русских на восток происходило в основном мирным путем. Причем аборигены не были ни вытеснены, ни загнаны в резервации. Новые поселенцы обосновывались по соседству с ними, устанавливая взаимовыгодные отношения.

Может быть, этот процесс отчасти повлиял и на формирование русского характера. Западноевропейцы, уплотняемые нашествиями с востока в замкнутом пространстве европейского континента, дорожили землей и все более и более предпочитали интенсивное сельскохозяйственное производство. У русских же возникала все новая и новая альтернатива: уход на Дон, Урал, Север, переселение в Сибирь. Кстати говоря, так и мои предки — крестьяне Тамбовщины переселились на Алтай в 1880-х гг. Экстенсивное сельское хозяйство с перелогами и подсекой казалось при обилии пашен предпочтительнее. Плюс ко всему — рваный ритм труда, тяжелый и лихорадочный на кратких промежутках времени в посевную, на сенокосе и уборке (при поздней весне и ранней осени) и минимум производственной активности в глухую продолжительную зиму.

И. А.: Сибирь — это основной источник наших энергоресурсов. Во многом благодаря Сибири мы одолели Германию во время Второй мировой войны. Не будет у нас Сибири — не будет и России как крупной независимой державы.

В связи с этим хочу коснуться проблемы коммуникаций. Византия была морской державой, и море облегчало связь провинций с центром...

Г. Г.: Да, морские границы Византии (с учетом островных владений империи) многократно превосходили сухопутные. Почти все провинции имели выход к морю. Помимо государственных дорог на суше, морские пути играли огромную роль. В центре обычно очень быстро узнавали о том, что происходит на периферии.

И. А.: Я продолжу: Россия в отличие от Византии — срединная империя, «внутренний» континент — факт, положенный в фундамент евразийского мировоззрения. Коммуникации же в пределах империи — один из важнейших факторов ее сохранения, так как общение

подданных друг с другом на всем пространстве государства, независимо от его протяженности, — необходимое условие осознания подданными своего единства. Следовательно, государство призвано обеспечить безопасность коммуникаций для своего же собственного выживания. Не знаю, возмутился бы или задумался, услышав нас, наш министр путей сообщения. Но факт, что тарифная политика на железной дороге, связывающей нас с Сибирью и Дальним Востоком, выходит далеко за границы чисто экономических проблем. Мы живем в одном государстве. Оно едино не только потому, что у нас общий язык и общее подданство, но и потому, что у нас единое пространство, которое мы можем свободно преодолевать и которое обеспечивается эффективно функционирующими коммуникациями. Если над ними будет утрачен контроль государства, то страна как единое целое перестанет существовать. В настоящее время книги, например, издаваемые в Москве и Петербурге, уже с трудом достигают сибирских культурных центров. Мы не замечаем того, что уже живем в разорванном культурном пространстве.

И. С.: У нас общие исторические судьбы, общее и настоящее и будущее, чему и должны служить коммуникации.

Г. Г.: Одна из важнейших в связи с этим задач — надежно обеспечить на будущее коммуникации, связывающие европейские районы России с Сибирью, в первую очередь в волжско-уральском регионе.

И. А.: А что Вы думаете о роли Запада, в частности, Венеции и Генуи, в судьбах империи? Ускорили они ее падение или, напротив, продлили?

И. С.: Вернее всего — ускорили. Алексей I Комнин, даровав генуэзцам неслыханные торговые льготы, совершил судьбоносную ошибку.

Г. Г.: Эта проблема в настоящее время усиленно исследуется специалистами и на Западе, и у нас. В этой связи упомяну прежде всего труды С. П. Карпова об отношениях империи с итальянскими городами-республиками. Что касается Алексея I, то он, конечно, не мог предвидеть всех последствий своих уступок. Перед ним стояла задача сохранения самого трона. У императора почти не было обученной армии. Не было флота. Турки-сельджуки продвинулись до берегов Босфора, а печенеги и половцы достигали в набегах побережья Пропонтиды. Серьезный немецкий ученый Р.-И. Лилие недавно в специальной монографии обосновал концепцию, согласно которой полученные генуэзцами (как и венецианцами) льготы не только не причинили ущерба империи, а содействовали благотворной для византийцев торговой активности, обеспечивая торговый обмен между провинциями империи и их связь с центром. Не до конца проясненными остались, однако, причины двух стихийных восстаний константинопольцев в конце XII в., разгромивших жилища, конторы и торговые склады

иноземцев в Константинополе. А к этому времени генуэзцы уже обладали в столице империи широкими правами экстерриториальности, в их руках уже находились целые кварталы, все удобные гавани и причалы. Пренебрегая местной властью, генуэзцы устраивали на улицах Константинополя, на глазах самого императора, настоящие сражения со своими торговыми конкурентами-венецианцами.

Непоправимый удар империи нанесли крестоносцы во время 4-го похода. На XV Международном конгрессе византинистов в 1976 г. я делал доклад о формах и последствиях симбиоза латинян и греков на завоеванных крестоносцами землях империи. Закончил я доклад фразой о том, что упомянутый симбиоз напоминал симбиоз всадника с лошадью. Остановив меня после доклада, П. Лемерль (а мы были хорошо знакомы, с тех пор как зимой 1963–1964 гг. я посещал его семинар в Сорбонне) сказал: «Все прекрасно, кроме заключительной фразы». Но эта фраза вполне логично вытекала из вышесказанного.

И. С.: Ныне и мы, в нашей собственной жизни, лоб в лоб сталкиваемся с Западом, как некогда Византия, также начавшая с рокового для нее потакания Западу, преследовавшему сугубо собственные интересы. Отмечу в связи с этим удивительный исторический и геополитический парадокс. Россия как государство и россияне как народ окончательно оформились, несмотря на весьма отличавшиеся географические, климатические и исторические условия, только приняв христианство в его восточной версии (православие) и восприняв византийское наследие, тогда как этого не сделали ни Южная Италия, ни Сицилия, где греческая, римская, а позднее византийская культура внедрялись издревле и имели, казалось бы, гораздо более благоприятные перспективы для преемственности и развития.

И. А.: Можно ли сказать, что Византия истощила свои силы в противостоянии Западу, не заметив угрозу с Востока?

Г. Г.: Скорее наоборот: Византия истощила свои силы на Востоке, чем в 1204 г. воспользовался Запад.

И. А.: Хотелось бы, чтобы Вы рассказали в заключение нашей беседы о крупных зарубежных ученых, с которыми Вас сводила судьба и которые уже ушли из жизни.

Г. Г.: Судьба сводила меня со многими, но упомяну лишь о тех, с которыми у меня сложились приятельские отношения. Это Г. А. Острогорский, Д. Моравчик, Ив. Дуйчев, Д. Ангелов, Р. Браунинг, И. Караяннопулос, Н. Икономидис, В. А. Мошин, Л. Врануси, Д. Д. Оболенский. Надеюсь, такие же отношения сохраняются ныне с И. Шевченко, А. Поппэ, Ж. Дагроном, В. Вавжинеком, В. Тыпковой-Заимовой, Л. Максимовичем, В. Зайбтом и др.

Особенно теплые чувства связывали меня с Дуйчевым и Ангеловым. Первого (с его согласия) я звал Иваном Семеновичем, второго —

Дмитрием Семеновичем. Очень симпатичен был Иван Семенович Дуйчев, человек, говоривший на одиннадцати языках, совершенно славянский характер. Он был католик, потому что в двадцать лет заболел тяжелой формой туберкулеза и долго лечился в Италии, где ему как бы дали второе рождение. В личной библиотеке Ив. Дуйчева, не уступающей библиотекам западных институтов по богатству специализированной литературы и намного превосходившей по числу оттисков (она помещалась в собственном доме ученого в пригороде Софии, у подножия Витоши), я работал почти месяц в 1958 г., во время написания книги «Болгария и Византия в XI–XII вв.». Не было случая во время моих почти 20-кратных посещений Софии, чтобы я не посетил также семью Ангеловых, дети которых (ныне известные ученые) выросли буквально на моих глазах.

Из встреч с Г. А. Острогорским, скромным утонченным интеллигентом дореволюционного воспитания, я расскажу коротко о двух случаях, произошедших во время первого посещения им родины в 1959 г. (его семья эмигрировала из Петербурга еще в 1918 г., когда Острогорскому было 14 лет). Я сопровождал Острогорского и Дж. Бошковича (известного искусствоведа) во время их поездки в Ленинград и Киев. В один из дней января в ресторане гостиницы «Астория» в Петербурге за ужином Г. А. неожиданно заявил: «Сегодня вы — мои гости, так как у меня день рождения. Ну как? Дернем по этому случаю... грамм по 30!» Конечно, «дернули». Я был готов принять в таком случае и все 300. Посетив родные места ученого, достопримечательности Ленинграда и его окрестностей, мы небольшим самолетом (мест на 20) вылетели в Киев. Во время посадки в Киеве ночью нас изрядно трясло, мы видели в иллюминаторы сплошную пелену из крупных хлопьев снега. Едва сев, мы увидели целую толпу работников аэродрома, которые бежали к самолету и, добежав, принялись «качать» летчиков, подбрасывая их в воздух. «Я подозревал, — сказал Г. А., — но теперь абсолютно уверен, что мы чудом избежали серьезной опасности». Корпус и крылья самолета обледенели, и он благополучно сел только благодаря мастерству экипажа.

Г. А. Острогорский был очень застенчивым человеком, утонченным и замкнутым. Он остался русским человеком, в сущности, по психологии, по характеру, по всему поведению, по менталитету, по культуре. Когда я его сопровождал в поездке по Москве, Петербургу, Киеву, я был невольным свидетелем взрыва эмоций, когда он был у своего дома на Васильевском острове, когда он посещал Эрмитаж, а когда мы были в Павловске, в Екатерининском дворце, я спросил его, не хочет ли он вернуться в Россию. Он ответил, что сам ставил вопрос о возвращении на Родину, но что это невозможно, ничего не получится. Сейчас всего лучше для его памяти побыстрее подгото-

вить к изданию его главную книгу, эта книга, в сущности, нужна всем, она остается настольной книгой византинистов.

Очень любопытной фигурой был Поль Лемерль . Он умел объединять людей, у него прижились самые разные ученые, даже прямая противоположность ему. Все участники его семинара должны были обязательно выступить. Все были снабжены за неделю до этого материалами, ксерокс был уже тогда (1963–64 гг.); литература и источники оказывались на руках. И все должны были выступить: «Ваше соображения? Что Вы думаете?» Деспотично, резко. При внешней мягкости общения. А потом все это обрабатывалось и шло в предисловия его книг. Он был по происхождению из бретонских крестьян, чем он был очень горд. Удивительно, что из бретонских крестьян он первым стал профессором и, кстати, был первым стилистом французского языка в Сорбонне. Его приходили и приезжали слушать из других университетов.

И. А.: Мне интересно было бы услышать о Д. Д. Оболенском.

Г. Г.: Я поражаюсь его жизнестойкости. Близко мы сошлись в 1976 г., когда он сопровождал Стивена Ренсимена и когда вся наша женская часть была занята обсуждением обстоятельств его развода с Елизаветой Лопухиной.

В конце 70-х гг. я с Е. П. Наумовым был приглашен Македонской АН в Скопье, на конференцию. В Скопье, еще носившем следы разрушительного землетрясения, мы почти ежедневно общались с В. А. Мошиным. Наконец он попросил нас прийти к нему на дом и уделить ему несколько часов. Оказалось — у него была потребность рассказать нам, как соотечественникам, историю своей жизни с 1917 г. до 30-х гг., когда его научная судьба вполне благополучно определилась. Дело в том, что В. А. был буквально насильственным образом под Киевом, в сельской местности, схвачен и мобилизован в армию Врангеля, с которой и отступал в Крым. Вместе с остатками войск барона он эвакуировался из Севастополя сначала в Турцию, а затем оказался в Сербии. Его рассказ дал наглядное представление о том хаосе, который царил в то время на юге России, о пережитых им смертельных опасностях, о мытарствах без денег и работы в Болгарии и Сербии, о случайных заработках и нищете, пока он не попал в поле зрения местного научного сообщества.

И. А.: А каковы обстоятельства Вашего знакомства с Н. Икономидисом?

Г. Г.: Знакомство было давним: с ноября 1963 г. по апрель 1964 г. мы вместе посещали в Сорбонне (где я в течение полугода был стажером) семинар П. Лемерля. Затем личные связи прекратились надолго. Возобновились они в 1989 г., когда я получил приглашение в Dumbarton Oaks, где одновременно работал и Никос. Не было дня,

чтобы мы с Никосом, Р. Броунингом и Ф. Лилиенфельд не завтракали вместе, обмениваясь информацией и итогами наших научных занятий. Никос — великолепный ученый. Его безвременная кончина — тяжелая потеря для науки и для нас. Мы лишились искреннего друга; надеюсь, что в «Византийской библиотеке» когда-нибудь будут изданы некоторые из его трудов в переводе на русский.

И. А.: А есть ли у Вас какие-либо увлечения, хобби, занятия для души?

Г. Г.: Я уже упоминал рисование, затем, с 14 лет до 20, — стихи, но кто их не писал в юности? Впрочем, став студентом, я оставил стихосложение. Понял — не главное, и стало жалко времени. Наконец — рыбалка. Начал я (с братьями) заниматься ею с 6 лет, с 1931 г., и сначала — отнюдь не ради развлечения, а ради результата. Это было время первого голода, пережитого мною (итоги коллективизации). Вплотную, ежегодно, в каждый отпуск я снова стал заниматься рыбалкой с 1964 г. — всегда в одном живописном местечке на озере Валдай в Новгородской области (здесь было когда-то имение, принадлежавшее до революции графам Ольденбургским). Теперь, однако, важен был уже не столько результат, сколько природа, рассветы и закаты, лес, грибы, ягоды, беседы у костра до рассвета, общение с приятными для меня людьми. Последний раз я выезжал на Валдай в 1999 г. Дважды с приятелями участвовал в байдарочных походах (в Латвии и Белоруссии и на Мологе). Но это не по мне. Спешка и суета.

И. А.: Кто же обычно бывал с Вами на рыбалке? Коллеги?

Г. Г.: Нет, семья брата, который живет в Петербурге. И моя, да несколько друзей-физиков. Из коллег один раз в 1967 г. в течение месяца был с нами А. П. Каждан с женой Мусей и один раз слависты М. Н. Кузьмин и А. С. Мыльников.

И. А.: Время нашего визита к Вам истекает. Пришла пора для последних вопросов и подведения итогов. Не можете ли Вы в нескольких словах сказать о судьбах нашего византиноведения в 90-х гг., а также о том месте, которое в Вашей науке занимает или должна занимать деятельность такого института, как маленькое независимое издательство «Алетейя», выпускающее вот уже в течение шести лет новые книги в серии «Византийская библиотека»?

Г. Г.: Что касается судеб византиноведения в России в 90-х гг., то я считаю этот период самым благоприятным для нашей науки. Сказались непосредственно касавшиеся наук о Византии юбилеи (тысячелетие крещения Руси и двухтысячелетие христианства), а также состоявшийся в 1991 г. в Москве XVIII Международный конгресс византинистов. Возникли новые, хотя и маленькие, но перспективные центры византиноведения, рассыпанные теперь по пространству России от Владивостока до Петербурга (Барнаул, Омск, Екатеринбург,

Волгоград, Иваново, Коломна). Екатеринбургский центр теперь уже мало уступает по активности Московскому и Петербургскому. В МГУ на филфаке возникла кафедра византинистики и неоэллинистики. Все возрастающую роль играет лаборатория С. П. Карпова на истфаке, поднимающая на новый уровень изучение латинской Романии. Включила в свои планы проблемы византиноведения кафедра древних языков на истфаке МГУ. В ИВИ РАН, помимо Центра по изучению византийской цивилизации, работают над византийскими сюжетами участники проекта «Проблемы исторического познания» под руководством К. В. Хвостовой, а также в Центре палеографии, кодикологии и дипломатики под руководством Б. Л. Фонкича, в Центре истории восточно-христианской культуры М. В. Бибикова. Три византиниста (в том числе я) работают с ИС РАН, соединяя занятия византиноведением со славяноведением. Благодаря усилиям Игоря Сергеевича и Сергея Павловича устанавливаются, кажется, и более тесные творческие контакты с нашими коллегами из среды духовенства. Усиливается активность наших искусствоведов. Но это особый сюжет, о котором надо беседовать не со мной. О недостатках же, как они мне представляются, разговор уже шел выше.

Что же касается роли издательства «Алетейя», то Вы кокетничаете, так как прекрасно знаете, что именно Вы и Ваш компаньон О. Л. Абышко обеспечили дорогу в свет десяткам книг современных византинистов, переизданиям трудов наших дореволюционных авторов. Для пропаганды и популяризации знаний по византиноведению вы сделали за 5–6 лет больше, чем все другие издательства вместе взятые за последние 20 лет, что засвидетельствовала и Ваша внушительная экспозиция во время работы недавнего Конгресса византинистов в Париже. Мы были бы счастливы, если бы Вы и впредь не отказались от сотрудничества с нами, расширяя и совершенствуя дело публикации литературы по византиноведению. Надеюсь, в числе новых книг появятся в Вашей серии в переводах на русский и труды наших зарубежных коллег, как Вы уже издали труд Р. Тафта...

И. А.: Хотелось бы знать также мнение по затронутым вопросам и И. С., представляющего здесь другое, более молодое поколение российских византинистов.

И. С.: О моих конкретных пожеланиях для серии Вы уже знаете. Будьте уверены — без работы Вы не останетесь. Пока все идет на достойном уровне. Но две-три крупные неудачи, и Ваши конкуренты могут получить решающий козырь против Вас. Да не случится этого!

И. А.: Согласен. Мне кажется, что, например, новые книги епископа Илариона (Алфеева) — хороший повод для общения между светскими и церковными историками, для углубления их сотрудничества.

Прекрасной формой совместной работы мог бы стать большой проект, в развитие «Византийской библиотеки», который условно можно было бы назвать «Византийской энциклопедией». Почему бы на рубеже тысячелетий не задуматься над этим масштабным проектом, который придал бы новый импульс отечественному византиноведению? Кроме того, работа над таким проектом побудила бы к более тесному сотрудничеству с зарубежными коллегами, поскольку труд следует выполнить в международных стандартах.

И. С.: На мой, может быть, излишне оптимистический взгляд, новый импульс в 1988 г. (в год юбилея крещения Руси) был дан отнюдь не в рамках какой-либо одной исторической дисциплины, а в рамках всей исторической науки в масштабах всей страны. И этот импульс возымел свое действие. Оценивая общее положение дел в нашей специальности, я могу сказать с полной уверенностью, что у нас недурные перспективы. Когда в 1999 году в Москве был Жильбер Дагрон, один из крупнейших византинистов наших дней, и мы собрали молодых византинистов (и только московских) для встречи с ним, французский коллега был поражен многочисленностью нашей юной смены: ни в одной другой стране нет сейчас такого числа молодых византинистов. И в работе XX Конгресса приняли участие более 20 молодых ученых (вся делегация из России насчитывала 60 человек). Будущее византиноведения будет обеспечено тем вернее, чем последовательнее оно будет произрастать в основном в институтах Академии наук, как оно и зародилось в XIX в. в рамках Академии наук. Византиноведение должно развиваться не только во всем многообразии его разных отраслей — оно должно представать как одна из классических дисциплин современной науки. Без этого не может быть движения вперед. И для этого движения есть все необходимые предпосылки. Есть «Византийский временник», есть молодое, среднее и старшее поколения специалистов.

Для оптимизма есть основания и другого рода. Нынешний образовательный ландшафт России далеко не прост. Не хочу выносить каких-либо однозначных оценок, но он интересен тем, что предоставляет ныне разные возможности. Студенты получают теперь византиноведческое образование и на истфаке и на филфаке МГУ, в Православном институте Иоанна Богослова, в Свято-Тихоновском богословском институте. И это только в Москве, не говоря уже о Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и других городах.

Что касается непростой проблемы соотношения светской и церковной науки, то в последние годы также наблюдаются существенные положительные сдвиги. Пример тому — работа над «Православной энциклопедией», в ее византиноведческой части. Можно сказать, что возник еще один (неформальный, общественный) византиновед-

ческий центр, занимающийся всей совокупностью проблематики истории и культуры Византии. Среди авторов энциклопедии немало академических и университетских работников, и что особенно отрадно — много молодежи.

И. А.: Как вы относитесь к идее создания в России первой «Византийской энциклопедии», опираясь на опыт работы над «Православной энциклопедией»?

Г. Г.: Проект не представляется нереальным, если иметь в виду большой задел по созданию упомянутой И. С. «Православной энциклопедии» и наличие Оксфордского трехтомного словаря Каждана. Однако идея заслуживает тщательного обсуждения на координационном совете, который должен быть с этой целью создан.

И. А.: Г. Г., Вы сидите сегодня между двумя Игорями. Загадывайте желание.

Г. Г.: Желаю успеть завершить и издать в издательстве «Алетейя» две книги: второе, переработанное издание «Советов и рассказов» Кекавмена и книгу о византийских налоговых трактатах X–XI вв.

И. А.: Я думаю, что беседы подобного рода могут помочь молодым людям, выбирающим специализацию, более полно составить представление о профессии византиниста. Ведь каждая профессия должна иметь свой романтический ореол, свои легенды и своих героев.

ГЕННАДИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ЛИТАВРИН: ФОТОХРОНИКА ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Бийск. 1930 г.

1937 год

1941 год

С. Г. Острогорским у Эрмитажа. 1959 г.

С Г. Острогорским и А. В. Банк
в Царском Селе. Январь 1959 г.

Посещение родины.
Горный Алтай. Лето 1973 г.

В родном краю.
Лето 1973 г.

У родного села с аборигенами

В Болгарии.
Конец 1970-х гг.

1985 год

Валдай. Озеро Боровно. 1988 г.

Валдай. Озеро Боровно. С братом (справа) и друзьями. 1985 г.

И. Шевченко в кругу российских византинистов. Москва. 1993 г.

Конференция, посвященная столетию «Византийского Временника».
Эрмитажный театр. Санкт-Петербург. 1994 г.

За рабочим столом дома. Москва. 1995 г.

Г. Литаврин и С. Карпов. Вашингтон. 1995 г.

XIX Конгресс византинистов: Д. Оболенский, Ю. Щапова, И. Шевченко, Г. Литаврин, М. Поляковская, В. Керов. Копенгаген. 1996 г.

XIX Конгресс византинистов: Г. Литаврин, И. Шевченко, С. Карпов. Копенгаген. 1996 г.

Г. Литаврин. Копенгаген. 1996 г.

XIX Конгресс византинистов: Г. Литаврин. И. Шевченко. А. Грабар. А. Лидов. С. Карпов. Копенгаген. 1996 г.

XX Конгресс византинистов: П. Шрайнер, президент Международной ассоциации византинистов, С. Карпов, О. Абышко. Париж. 2001 г.

XX Конгресс византинистов: И. Шевченко, Ж.-К. Шене, С. Карпов, И. Савкин. Париж. 2001 г.

XX Конгресс византинистов: Г. Литаврин, В. Вавжинек, А. Чекалова, И. Шевченко. Париж. 2001 г.

XX Конгресс византинистов: В. Кучма, И. Медведев, И. Савкин. Париж. 2001 г.

В. А. Арутюнова-Фиданян

К ВОПРОСУ ОБ АРМЯНО-ХАЛКИДОНИТСКОЙ ОБЩИНЕ (VII в.)

Генезис, продолжительность бытия в восточно-христианском мире, конфессиональная организация, социальная, политическая и литературная активность армянской православной общины все еще остаются в немалой степени terra incognita медиевистики[1].

В работах арменоведов, византинистов, востоковедов армяне чаще всего рассматриваются как некая единая и целостная общность. Однако эта этническая среда содержала в себе группы, различные по вероисповедному и, соответственно, культурному статусу. Великие соседи Армении — Иран, Арабский халифат, Византия — были полиэтничны и объединялись единой конфессией. В Армении же было по меньшей мере два сильных религиозных направления в рамках единого этноса, временами одинаково влиятельных в жизни общества: монофиситы и халкидониты. При этом не только халкидонитская идеология представляла опасность для армянской Церкви, но и армяно-халкидонитская Церковь как организация всерьез соперничала с армяно-монофиситской.

Основная идея халкидонитской традиции заключается в том, что армянская Церковь, несмотря на вполне случайное отсутствие ее иерархов на IV Халкидонском соборе и не менее случайное отделение от Вселенской церкви, никогда не порывала с ней окончательно и, во всяком случае, часто вступала с ней в унию, причем не под политическим давлением (как утверждали монофиситы), а вполне добровольно.

---

[1] Несмотря на значительные достижения ориенталистов начала и второй половины XX века (*Арутюнова-Фиданян В. А.* Армяно-византийская контактная зона (X–XI в.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994. Гл. II. С. 54–92. См. указ. там литературу).

История догматического противостояния в Армении полна примеров, когда чаша весов серьезно колебалась. Через 30 лет после Халкидонского собора «Энотикон» императора Зенона (482), призванный примирить сторонников и противников собора, был принят армянской Церковью, и только на Втором Двинском соборе (555) армяне осудили Халкидонский собор и порвали с имперской церковью. Н. Адонц полагает, что первоначально разрыв произошел не на догматической, а на иерархической почве. Армянская Церковь не признавала главенства вселенского патриарха в Константинополе и встала на путь национализации (нахараризации) Церкви как автономного учреждения[2].

Однако уже в 571 г. католикос Иоанн и Вардан Мамиконян отправились в Византию и приняли халкидонитство[3].

В 591 г. в Аване с санкции Византии был основан халкидонитский католикосат в противовес монофиситскому в Двине. По Себеосу: «Императором был издан новый приказ, чтобы во всех армянских церквях провозглашали Халкидонский собор и чтобы [армяне] приобщались [святых тайн] вместе с его войском. Сыны и духовенство армянских церквей разбежались и рассеялись по чужим краям. Многие, не обращая внимания на повеление, не тронулись с места и остались непоколебимыми, многие же из честолюбия приобщились и соединились в вере. Католикосский престол при этом разделился на две части. Имя одного католикоса было Мовсес, другого — Иоанн; Мовсес — в персидской части, Иоанн — в греческой»[4].

По анонимной хронике VII в.: «Во дни его [Маврикия] состоялся иной собор армян и ромеев опять по поводу халкидонской ереси; собрались в Константинополе и были обмануты армяне. В его дни цари персов и ромеев разделили Армению на две части: в Армении стали править два католикоса — Мовсес в Двине, в персидской части, с верой истинной, а Иоанн в ромейской части — с халкидонской ересью»[5].

Были ли армяне, принявшие Халкидонский собор, запуганы и обмануты (как полагают Себеос и автор «Анонимной хроники») или переубеждены и восприняли новые религиозные принципы (как это следует из «Повествования») — так или иначе халкидонитский Аванский католикосат имел много сторонников как среди паствы, так и среди клира, и при этом не только в областях, подвластных Иоанну, но и в

---

[2] *Адонц Н. Г.* Армения в эпоху Юстиниана. Ереван, 1971. С. 358–359.

[3] Там же. С. 343–344.

[4] История Себеоса. Сводный критический текст, пер. и комм. Абгаряна Г. В. Ереван, 1979 (на арм. яз.). С. 91. Русск. пер.: История Себеоса / Пер. Ст. Малхасянца. Ереван, 1939. С. 49–50.

[5] Анонимная хроника. Изд. Г. Б. Саргсян. Венеция, 1904 г. (на др.-арм. яз.). С. 76.

персидской части Армении; недаром Абраам, ставший двинским католикосом после Мовсеса, «принудил епископов, священников и игуменов [своего католикосата] предать анафеме Халкидонский собор или же покинуть страну» (§ 109–110).

В 602/603 гг. персидский царь Хосров занял Армению и упразднил католикосат в Аване. Однако халкидонитство было слишком сильно в Армении, чтобы можно было победить его одними репрессивными мерами. Патриарх Абраам созвал Двинский собор, который «предал анафеме Кюриона, расколовшего церковь Христову, и всех, кто покорился ему и защищал нечестивую ересь [халкидонисгво], — пишет Иоанн Драсханакертци. — И наложили строгое заклятие на православных верующих страны, дабы никогда не соединялись они с теми, кто отступился вслед за нечестивым Кюрионом, не общались с ними, не вели торговлю и не вступали в свойство, дабы вследствие подобной близости не объединились они друг с другом»[6]. Такая опасность, безусловно, существовала. На Каринском соборе при католикосе Езре был принят Халкидонский собор, а католикос Нерсес III провозгласил православный символ веры в Двинской кафедральной церкви.

Н. Адонц считает, что в середине VII в. халкидонитство взяло верх в Армении, став господствующим вероисповеданием, и лишь в VIII в. армянам удалось выработать самостоятельную церковную политику. Решающим моментом в борьбе был окончательный разрыв армянской Церкви с грузинской на Маназкертском соборе в 726 г.[7]

Уже в VI–VII вв. существовали халкидонские епархии в главных областях Внутренней Армении, в Карине, Дерджане, Екелесене и Даранлии[8]. В епископальных списках приведены данные о православных епархиях на армянских землях[9].

Монофиситская церковь в Армении уничтожала сочинения своих противников, а догматические споры представлялись чаще всего как столкновения армян-монофиситов с иноземцами (грузинами или греками) — халкидонитами. А если уже нельзя было обойти молчанием существование местных халкидонитов, то их появление непременно связывалось с политическим нажимом Византии или Грузии.

Разумеется, и греки, и грузины, и сирийцы вмешивались в догматическую борьбу в Армении и на той и на другой стороне, но все же они были союзниками (временами могущественными), а отнюдь не инициаторами этой борьбы, иначе нельзя было бы объяснить появле-

---

[6] *Драсханакертци Иованнес.* История Армении. С. 82.
[7] *Адонц Н. Г.* Армения в эпоху Юстиниана. С. 338.
[8] Там же. С. 364.
[9] *Арутюнова-Фиданян В. А.* Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи (XI в.). Ереван, 1980. С. 93–94; *Она же.* Армяно-византийская контактная зона. С. 63–64.

ние оригинальных антихалкидонитских трактатов на армянском языке с их обстоятельностью возражений и страстностью тона.

Армяно-халкидонитские общины не только на родине, но и за ее пределами сохраняли свой язык, письменность, бытовые особенности, и эта культурная обособленность вызывала недоверие их греческих и грузинских единоверцев.

Армяне-халкидониты называли себя «армянами» до IX–X вв., позже влияние конфессии, интенсивное общение с единоверцами (при нежелании и невозможности слиться с ними из-за этнического и культурного своеобразия) вводит двойственное обозначение армян-халкидонитов как «армян-грузин», «армян-греков» и даже заставляет их осознавать себя как особый шуд-род, племя. Однако самоназвания для всей группы в целом так и не нашлось. Пожалуй, только «цаты» являлись специфическим обозначением армян-халкидонитов. Дву- и даже трехъязычие (при армянских обычаях и традициях и преобладании армянского языка и письменности) и православие конституировали общину армян-халкидонитов[10].

«Повествование о делах армянских» — одно из немногих дошедших до нас произведений, принадлежащих перу представителя армянской православной общины. Ж. Гаритт называет автора «Повествования» «сторонником партии униатов»[11]. Такое восприятие армян-халкидонитов в определенной степени связано с исследованиями Н. Я. Марра, который считал православных армян «своего рода униатами с большим количеством особенностей, унаследованных от древней армянской Церкви»[12]. Нет сомнения, что армяне-халкидониты — достаточно сложный феномен, развивающийся и меняющийся во времени и пространстве. И возможно, в более позднее время (в X–XI вв., например) православные армяне действительно могли быть такого рода униатами. Но были ли униатами персонажи «Повествования» и его автор?

Уход армянской Церкви от юрисдикции Кесарии расценивается автором «Повествования» как нарушение «завета святого Григория» (§ 65).

Вардан Мамиконян и его сподвижники, отказавшиеся вначале от общения (κοινωνία) с ромеями, «были убеждены» созванным императором Собором и приняли «единение» с греками, не просто унию или согласие «συμφωνία» (§ 76), а именно «единение» (ἕνωσις) (§ 82–84).

А когда Мушег Мамиконян и его этерия воспротивились конфессиональной «койнонии» с ромеями в праздник св. Креста, византий-

---

[10] *Арутюнова-Фиданян В. А.* Армяно-византийская контактная зона. С. 64–74.

[11] *Garitte G.* Narratio de rebus Armeniae. Edition critique et commentaire. Louvain, 1952. P. 397–398. (Параграфы в тексте указаны по этому изданию.)

[12] *Марр Н. Я.* К вопросу об «Аркауне» // Марр Н. Я. Кавказский культурный мир и Армения. Ереван, 1995. С. 278. Ср. также: История армянского народа. Т. II. С. 311. Примеч. 24.

ский император (у нашего автора — это император Маврикий) напоминал Мушегу о том, что его предшественники «Вардан, его азаты и их духовные учителя дали письменное согласие исповедовать две природы Господа нашего Иисуса Христа» (§ 99). Иными словами, ни о какой унии в собственном смысле этого понятия речи не идет. И Вардан, а затем и Мушег с его этерией вызванные в Константинополь армянскими церковниками, поклялись «быть единоверцами ромеев» (συνωμολόγησαν αὐτοῖς) (§ 105). При императоре Маврикии также не случилось унии между византийской и армянской Церквями, и появление двух католикосатов в 591 г. на территории Армении — наглядное тому свидетельство.

Автор «Повествования о делах армянских» был современником возникновения и упадка монофелитского чтения в восточном христианстве. Монофелитские споры являются последним этапом христологических дискуссий VII в. Существует ряд версий возникновения монофелитства. В. В. Болотов отмечает две основные: по первой — версии константинопольского патриарха Сергия — формула унии «единое действие (или энергия) Христа» возникла в ходе встречи императора Ираклия с главой монофиситов-севериан Павлом Одноглазым (во время персидской кампании). Согласно второй версии, предложенной Максимом Исповедником, монофелитская уния была подготовлена самим патриархом Сергием вместе с рядом православных и монофиситских церковников[13].

Истории этого религиозно-политического движения посвящена общая литература[14]. Монофелитство часто рассматривается в длинном ряду попыток объединения халкидонитов и монофиситов, предпринимаемых византийским правительством в целях политического и идеологического единства империи.

Исходным пунктом диалога православных и монофиситов в начале VII в. стала формула «единое действие (энергия) Христа». Это выражение (и связанный с ним комплекс догматических идей) являлось частью учения «номинальных монофиситов» — монофиситов северианского толка. Вместе с тем, в православных кругах стало складываться представление, что это выражение не противоречит халкидонской христологии[15]. В Сирии многие халкидониты считали формулу едино-

---

[13] *Болотов В. В.* Лекции по истории древней Церкви. Пг., 1918. С. 447–448.

[14] *Moeller Ch.* Le Chalcédonisme et le Neo-Chalcédonisme en Orient de 451 à la fin du VI siècle // Das Konzil von Chalkedon. P. 637–720; см. библиографию в статье: *Rochow J.* Die monenergetischen und monotheletischen Stretigkeiten in der Sicht des Chronisten Theophanes. Klio, 1981. Bd. 63. S. 670.

[15] *Lebon J.* Le monophysisme Severien. Louvain, 1909. P. 443–464; *Сидоров А. И.* История монофелитских споров в изображении Анастасия Синаита (sermo III) и Псевдо-Анастасия Синаита (Synopsis de haeresibus et synodis. P. 18–26) // ВВ, 1950. С. 50. С. 93–150. См. указ. там литературу.

го действия вполне ортодоксальной[16]. Сергий Константинопольский, готовя унию в 618–626 гг., писал как православным иерархам — Феодору Фаранскому и Киру Фасидскому, так и монофиситским — Георгию Арсасу и Павлу Одноглазому. Император Ираклий встретился в Феодосиополе (Карине) с Павлом Одноглазым и попытался склонить его к монофелитской унии, а после переговоров (не слишком, впрочем, успешных) издал указ на имя Аркадия, епископа Кипра, с воспрещением учения о двух энергиях во Христе. Оппозиция египетских православных заставила Сергия издать «Псефос», где на первый план выдвигается учение о «единой воле» во Христе, т. е. моноэнергизм становится собственно монофелитством. Сергий получил одобрение папы Гонория, а в 638 г. Ираклий издал «Эктесис», возведя монофелитство в ранг официальной доктрины византийской Церкви.

Монофелитство, однако, не получило широкого распространения; халкидониты в основном были в оппозиции к этому движению, монофиситы не проявляли активной поддержки. Смерть патриарха Сергия и императора Ираклия, а также нашествие арабов сняли с повестки дня монофелитские дискуссии. В 648 г. выходит в свет «Типос», запрещающий всякие споры о «волях» и «действиях» во Христе. Монофелитство теряет четкие доктринальные формы, а Шестой Вселенский собор (681) положил конец этому учению[17].

Из «Повествования» следует, что Каринский собор состоялся под давлением императора Ираклия. Однако ни в «Повествовании», ни в «Письме» Псевдо-Фотия, ни в сочинении католикоса Арсена нет никаких сведений о том, что в Карине была поставлена проблема «единого действия» или «единой воли Христа». В отличие от союза с сирийскими и египетскими монофиситами, эта формула не была выдвинута в Карине (Феодосиополе) в качестве идейной основы для объединения с армянскими монофиситами[18].

Исследователи усматривают объяснение этому феномену в своеобразии армянской Церкви, которая никогда не была в полном единстве с сирийской яковитской Церковью и развивалась автономно. В Армении не признавалось учение ведущего идеолога номинального монофиситства Севера Антиохийского[19], поэтому концепция единой воли, существенная для севериан, видимо, отсутствовала у армянских моно-

[16] *Brock S. P.* A Syriac Fragment of the Sixth Council // Oriens Christianus. 1973. T. 57.

[17] Деяния Вселенских соборов. Казань. Т. VI. 1908. С. 188–189; *Кулаковский Ю.* История Византии. Т. III. Киев. 1913. С. 125–202; *Lethel F. M.* Theologie de l'agonie du Christ: La liberte humaine du Fils de Dieu et son importance soteriologique mises en lumiere par saint Maxime la Confesseur. Paris, 1979. P. 36–45.

[18] *Сидоров А. И.* «Монофелитская» уния по свидетельству «Повествования о делах армянских». ИФЖ, 1988. Т. 3. С. 165–168.

[19] *Sarkissian K.* The Council of Chalcedon and the Armenian Church. London, 1965. P. 214 sq.

фиситов. Александрийская уния с сирийскими яковитами и египетскими феодосианами расценивалась как уступка со стороны халкидонитов. Но в Карине не было никакого промежуточного идейного буфера между двумя вероисповеданиями. Армянские источники резко и точно расценивают Каринскую унию как полное приятие Халкидона. Католикос Езр (630–640) и Нерсес III Строитель (641–661) в полемике с Иоанном Майрагомеци отстаивали халкидонский Символ веры. «То, что мы услышали от них [греков], мы сочли истиной, — говорит Езр своему оппоненту, — и стали исповедовать две природы Господа нашего Иисуса Христа, совершенного в божественности и совершенного в человечестве в единой ипостаси и едином лице» (§ 129)[20].

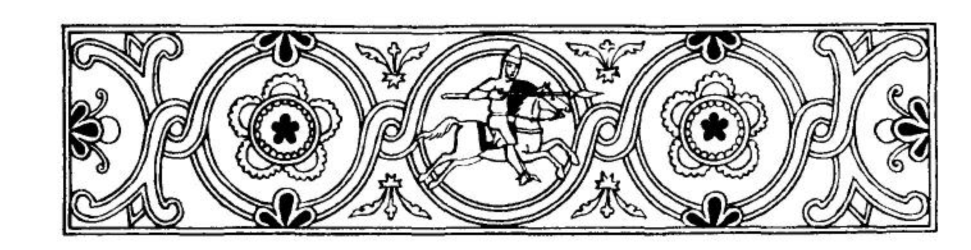
И позднее католикос Саак III Дзорапореци (678–705) и его свита, прибыв в Константинополь, присоединились «к исповедующим во Господе и Боге нашем две природы, божественную и человеческую, существующие в единой ипостаси нераздельно и неслиянно. И письменно поклялись никогда не возражать [против этого] (§ 144). А когда они вернулись, те, что оставались в Армении, вознегодовали, так как они были единодушны с ромеями (§ 145)».

Иными словами, армяне-монофиситы не заблуждались относительно Символа веры своих «согласных с ромеями» соотечественников. Автор «Повествования» и его герои были православными сторонниками ортодоксальной Вселенской церкви.

---

[20] Ср. в «Истории армянского народа» (Т. II. С. 311), где предполагается, что Езр принял монофелитство. В современной историографии принята именно эта точка зрения.

Р. М. Бартикян

К ВИЗАНТИЙСКОЙ ПРОСОПОГРАФИИ. ΜΟΝΑΣΤΗΡΙΩΤΑΙ: КТО ОНИ?

В последние десятилетия предметом особого внимания византинистов стало исследование византийской просопографии — аристократических фамилий, состоящих на службе в Византийской империи. Появился ряд статей и отдельных монографий, посвященных Кантакузинам, Дукам, Раулям, Дермокаитам, Аргирам, Склирам, Комнинам, Кекавменам, Гаврам и другим. Издан посвященный просопографии эпохи Палеологов многотомный труд. По своему содержанию таковыми являются и монографии А. П. Каждана, посвященные армянам и социальному составу господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв., а также более ранняя — П. Хараниса об армянах в Византии.

Монастириоты, насколько нам известно, остались в стороне, специально ими не занимались. И это понятно. По численности их было очень мало. А. П. Каждан находит в XI–XII вв. всего четверых Монастириотов, не называя их имен и не ссылаясь на источники. Он поступает так же и с остальными аристократическими семьями, как он объясняет — «по техническим причинам», поскольку «на это потребовалось бы 60–70 авторских листов». Он совершенно прав, что такая полная анкета «могла бы послужить вспомогательным материалом для составления справочного пособия по византийской просопографии»[1].

Принимая за основу их титулы, А. П. Каждан относит аристократические семьи к пяти разрядам. Монастириоты XI в. отнесены к четвертому разряду — к вестархам, патрикиям и, по-видимому, ректорам, а Монастириоты XII в. — также к четвертому — к протокуропалатам[2].

---

[1] *Каждан А. П.* Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974. С. 87.

[2] Там же. С. 107–108.

Из четвертых, упомянутых А. П. Кажданом Монастириотов, только один военный, полководец середины XI в.[3], явно имеется в виду Иоанн Монастириот, катепан фемы Армении и Иверии в 1059 г. Остальные три — начиная царствованием Алексея I и до Исаакия II — гражданские чиновники[4].

Остановлюсь на отдельных лицах семьи Монастириотов более подробно. Первый, известный мне Монастириот, действовал в годы правления императора Никифора II Фоки (963–969). Во втором походе в Киликию император осадил и взял Мопсуестию, его брат Лев осадил Тарс. В походе принимало участие и лицо, упомянутое лишь фамильным именем — Монастириот. Он был убит в сражении[5].

Κριτὴς τοῦ βήλου Лев Монастириот упомянут вместе с двумя другими судьями, один из которых был Дмитрий Торник. Они пытались защитить Марию-Ксению, мать Алексея II Комнина (1180–1183), когда претендовавший на трон Андроник Комнин хотел выдворить ее из дворца. Столичная толпа их чуть не растерзала[6]. В дальнейшем Лев Монастириот стал советником Андроника и «устами сената»[7]. В составленном в 1168 г. типике монастыря одним из подписавшихся под ним был судья Лев Монастириот[8]. Он в качестве судьи упоминается и в годы правления Исаакия II Ангела (1185–1195)[9].

Лев Монастириот, как можно предположить на основании данных источников, был κριτὴς τοῦ βήλου по меньшей мере с 1166 по 1187 гг. В одной из копий хрисовулла императора Алексея I Комнина (1081–1118) мы читаем: «ὁ κριτὴς τοῦ βήλου καὶ γενικὸς Λέων ὁ Μοναστηριώτης τὸ παρὸν ἶσον τῷ πρωτοτύπω θίω (sic!) καὶ βασιλικῷ χρυσοβούλλω ἀντιβαλὼν ὑπέγραψα»[10].

Из этой копии хрисовулла мы узнаем, что Лев Монастириот, кроме κριτὴς τοῦ βήλου, был еще γενικός (т. е. λογοθέτης)[11].

В 1169 г. Лев Монастириот утвердил и типик монастыря Св. Маманта[12]. В последний раз Лев Монастириот упоминается в 1187 г. в связи с войной Исаакия II Ангела против болгар[13].

---

[3] Там же. С. 147.

[4] Там же. С. 147, 179.

[5] Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum. Rec. I. Thurn. Berolini et Novi Eboraci, 1973. P. 322.

[6] Nicetae Choniatae Historiae. Rec. Ioannes Aloysius van Dieten, Berolini et Novi Eboraci, 1975. P. 312–313. См.: *Βαρζός Κ.* Ἡ γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν, τόμ. Α΄, Θεσσαλονίκη, 1984, Σ. 555–556.

[7] Nic. Chon. 312–313. См. и: *Βαρζός Κ.* Указ. соч. Т. I. С. 597–598.

[8] *Дмитриевский А.* Τυπικά: Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. I. Киев, 1895. С. 175.

[9] Nic. Chon. P. 373.

[10] Ἔγγραφα Πάτμου I. Αὐτοκρατορικά, ὑπὸ Ἔρας Βρανούση. Ἀθῆναι, 1980, Σ. 71.

[11] Там же. С. 77.

[12] *Дмитриевский А.* Указ. соч. С. 715.

[13] Ἔγγραφα Πάτμου I. Σ. 77.

Известен и епископ Эфеса Монастириот[14].

Члены аристократической семьи Монастириотов упоминаются и в XIII–XIV вв. В документе, датированном 6801 г. (1293) и относящемся к землям, принадлежащим императорскому и патриаршему монастырю τῶν λέμβων около Смирны и составленном доместиком фем Востока Мануилом Згуропулосом, говорится, что ранее Мануил отправил τὸν μεγαλοδοξότατον καὶ ἠγαπημένον μοι σύντροφον, τὸν βασιλικὸν βεστιαρίτην, κῦρ Λέοντα τὸν Μοναστηριώτην, дабы уладить возникший спор с соседями монастыря[15].

В документе 6857 г. (1348) в споре, возникшем при разделе имущества по завещанию, в качестве свидетеля, и не простого, а οἰκεῖος τῷ κρατίστῳ καὶ ἁγίῳ μοι αὐτοκράτορι (т. е. Иоанну V Палеологу (1341–1391)), выступает Μοναστηριώτης. Личное имя не упомянуто[16]. Дело вел митрополит г. Кизик, а речь шла о недвижимости, находящейся в Константинополе[17].

Наконец, в одном сигиллии, подписанном константинопольским патриархом Нилом (1379–1388), датированном 6891 г. (1383) и имеющем отношение к разделу земель патриарха Афанасия, упоминаются τὰ ἀμπέλια (виноградники) τοῦ Μοναστηριώτου и τὰ χωράφια (земельные угодия) τοῦ Μοναστηριώτου. Некоторые из этих виноградников находились περὶ τὴν Χρυσὴν Πύλην, т. е. около Золотых Ворот Константинополя[18].

В числе Монастириотов самый известный был Иоанн Монастириот, назначенный византийским правительством катепаном объединенной фемы Армении и Иверии. В 1907 г., во время археологических раскопок в столице армянских Багратидов городе Ани, который с 1045 г. стал резиденцией византийского наместника — катепана, были найдены фрагменты строительной надписи на греческом языке, датированной 6567 г. (1059). Она, вероятно, относится к восстановлению городских стен (если читать ἀνεκαινίσθη (σαν?) мн. число) или какого-нибудь здания (если читать ἀνεκαινίσθη, ед. число), предпринятому διὰ Ἰωάννου βεστάρχου τοῦ κατεπάνω Ἀρμενίας καὶ Ἰβηρίας τοῦ Μοναστηριώτου[19].

Иоанн Монастириот упомянут и в кишащей орфографическими ошибками памятной записи (того же 1059 г.) монаха Феодула, пере-

---

[14] Byz. Zeit. VI, 396.

[15] *Fr. Miklosich et Ios. Müller.* Acta et Diplomata graeca Medii aevi sacra et profana. T. IV, Vindobonnae, 1871. P. 230.

[16] Там же. Т. I. С. 278.

[17] Там же. С. 276.

[18] Там же. Т. II. С. 82.

[19] *Бенешевич В. Н.* Три анийские надписи XI века из эпохи византийского владычества. Петербург (sic!), 1921. С. 19.

писавшего «Лествицу» Иоанна Лествичника «ἐπὶ τῆς βασιλείας Ἰσαακίου τοῦ Κομνινοῦ... δουκῶντος... Ἰωάννου Μοναστιριότ(ου) Ἠβηρίας...»[20].

Пора обратиться к фамильному имени Μοναστηριώτης. Очевидно, что оно происходит от слова μοναστήριον — монастырь, обитель. А. П. Каждан, остановившись на патронимах «переходного типа», к пятой группе относил патронимы с географическими названиями — «небольшую группу имен монастырского происхождения», а именно — «Монастириоты, Айозахариты и, возможно, Катафлороны (от обителей Св. Захарии и Св. Флора»)[21].

Хорошо, последние два «монастырского происхождения», и ясно, к каким монастырям относятся их фамильные имена. В Византии тысячи и тысячи монастырей, именами которых были названы прилегающие к ним селения. А Монастириоты от какого? Разве подобное возможно? Это все равно, что, упомянув личное имя, вместо фамильного отметить «горожанин», не указывая какого города.

Можно упомянуть множество византийских фамильных имен «монастырского происхождения», в которых конкретно указано имя монастыря. От X в. имеем Θεόδωρος καὶ Νικήτας τῶν αὐταδέλφων τῶν Ἁγιοζαχαριτῶν[22], от XI–XIII вв. — Ἰωάννης νοτάριος ὁ Ἁγιογεωργίτης (1094), Εὐλάμπιος κριτὴς καὶ ταβουλάριος ὁ Ἁγιοειρηνίτης[23], Ἁγιοθεοδωρῖται Иоанн, Константин, Михаил и Николай (XII в.)[24], Στέφανος ὁ Ἁγιοχριστοφορίτης (XII вв.), Λέων ὁ Ἁγιοθεοδώρητος (1196 г.)[25], Μιχαηλ ὁ Ἁγιοαναργυρίτης (1199 г.)[26], Στέφανος ὁ Ἁγιοστεφανίτης (1206 г.)[27], Νικήτας ὁ Ἁγιοστεφανίτης (1210 г.)[28]. Более поздние — Ἰωάννης ὁ Ἁγιονικολαΐτης, Ἰωάννης ὁ Ἁγιοβλασίτης, Γρηγόριος ὁ Ἁγιοαναστασίτης[29], Θεόδωρος ὁ Ἁγιοαθανασίτης[30] и многие, многие другие.

Как видим, Монастириоты стоят особняком. Могут возразить, что фамильное имя Монастириот могло быть связано с именем города Монастыр в Югославии. Но в античное время на его месте был город Гераклия, в византийское время он был взят болгарами и назван ими Битолия. Имя Монастыр (точнее, Манастыр) городу дали турки,

---

[20] *Lemerle P.* Cinq études sur le XIe siècle byzantin. Paris, 1977. P. 39.
[21] *Каждан А. П.* Социальный состав. С. 190.
[22] Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum. P. 322.
[23] *Miklosich — Müller.* Ук. соч. Т. VI. С. 94.
[24] Ἔγγραφα Πάτμου. Т. I. С. 200–201, 204. И специально: *Каждан А. П.* Братья Айофеодориты при дворе Мануила Комнина. Zbornik Radova, 9. 1966. С. 86–90.
[25] *Miklosich — Müller.* Ук. соч. Т. IV. С. 305.
[26] Там же. Т. VI. С. 143.
[27] Там же. Т. VI. С. 150.
[28] Там же. Т. V. С. 396.
[29] Там же. Т. I. С. 374 (все трое).
[30] Там же. Т. I. С. 375 (оба).

следовательно, в X в., когда упоминается первый известный нам Монастириот, он не мог носить имя города, названного так турками не ранее XV в.

Чтобы решить эту загадку, нам придется пойти назад на... два тысячелетия от времени первого, известного нам Монастириота.

В начале I тысячелетия до н. э. области Южного Закавказья входили в состав Ванского царства (Урарту ассирийских клинообразных надписей), древнейшего государственного образования, существовавшего на территории бывшего Советского Союза[31]. Центр этого государства, занимавшего целиком Армянское нагорье Передней Азии, находился в районе **озера Ван**, получившего свое название, как и **город Ван**, от встречающегося в урартских клинообразных надписях термина **Биайни**, которым обычно обозначалась центральная часть государства. Сам город в клинообразных надписях именуется Тушпа. Отсюда второе имя города у армян — Тосп и название Ванского озера у древнегреческих авторов — Θωσπῖτις.

Название Ванского царства — Урарту — сохранила в несколько искаженной форме Библия в масоретской огласовке как Арарат (где неизвестные гласные огласовывали как *а*). В Книге Бытия (VIII, 4) говорится о том, что Ноев ковчег остановился «на горах Арарата», в греческом переводе (Септуагинте) — «на горах Арарат», а в латинском (Вульгате) — «на горах Армении».

В IV Книге Царств (XIX, 37) и у Исаии (XXXVII, 38) рассказывается, что после убийства ассирийского царя Сеннехерима (Синахериба) его сыновья убежали «в землю Араратскую», а у Иеремии (VI, 27) упоминаются «царства Арарат, Мини и Ашкеназ».

Из древнегреческих авторов Геродот упоминает Алародов, которых исследователи отождествляли с урартами.

Государство Урарту просуществовало с IX по начало VI в. до н. э. Однако армяне ни в V в. (когда был создан Месропом Маштоцом армянский алфавит и появились исторические труды на армянском языке), ни в последующих веках не имели и понятия о существовании государства Урарту на своей земле. Кое-какие отзвуки о нем встречаются в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци (V в.). Он приводит легенду о Шамирам (ассирийской царице Семирамиде) и мифическом армянском царе Ара Прекрасном, о постройке Семирамидой города на восточном берегу озера Ван, под которым подразумевается город Ван.

---

[31] Все сказанное нами о Ванском царстве — Урарту — взято из книги: *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство (Урарту). М., 1959 и исследования *Арутюняна Н. В.* Биайнили (Урарту): Военно-политическая история и вопросы топонимики. Ереван. 1970.

На рассказ Мовсеса Хоренаци ученые обратили внимание только в начале XIX в., когда обнаружили и стали исследовать урартские клинообразные надписи и началось изучение истории Ванского царства.

Вернемся к названию озера Ван и города Ван, в которых, как уже отмечено, сохранилось название государства Биайни. На всем протяжении средних веков и всего XIX в. армяне были уверены, что топоним Ван — это армянское слово, означающее монастырь. Авторы монументального «Нового словаря армянского языка» (Венеция, 1836) Г. Аветикян, Х. Сюрмелян и М. Авгерян писали, что от слова «Վան» (ван — монастырь) «происходит название города Ван» (Т. II. С. 781). Житель Вана или происходивший из Вана человек — Ван-еци (-еци армянский суффикс, указывающий место жительства или происхождения). Таких суффиксов в армянском немного. Это -ци, -еци, -аци в отличие от греческого, в котором таких суффиксов множество: -ώτης (Ἀνιώτης, Μοναστηριώτης, Σικελιώτης), -ίτης (Βασπρακανίτης, Ταρωνίτης, Κρηνίτης), -ηνός (Δαλασσηνός, Καντζακηνός), -άτης (Χωνιάτης), -ινός (Ἀλεξανδρινός), -αῖος (Μιτυληναῖος, Ἀθηναῖος), -εύς (Σωλιεύς, Φιλαδελφεύς) и многие другие.

Наш вывод. Μοναστηριώτης — это греческий перевод армянского Ванеци, и Монастириоты происходят из города Ван, столицы Васпураканского царства Арцрунидов, города, который с 1021 г. стал резиденцией византийского катепана фемы Васпракания и известен в византийских источниках как Ἰβάν[32].

Встречаются ли случаи, когда в источниках фамильное имя Μοναστηριώτης не переведено, а сохранилось как Ванеци? Оказывается, встречаются. В пинаке 30-й главы Типика Григория Пакуриана говорится Περὶ τοῦ ταχθέντος παρ' ἡμῶν (т. е. Григорием Пакурианом) πρώτου, καθηγουμένου Γρηγορίου τοῦ Βανινοῦ[33]: (другого Монастириата-церковника, епископа города Эфес, мы встретили выше).

Первый игумен Петрицонского (Бачковского) монастыря вышеупомянутый Григорий, разумеется халкедонит, до назначения насто-

---

[32] Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum. P. 453. Наименование Ἰβάν вместо Βάν объясняется тем, что армянский предлог Ե (i), указывающий на направление действия — ԵՎան (в Ван), принят как первая буква топонима, подобно тому как εἰς τὴν (так у «грамотных» греков, у простонародья -στήν / Πόλιν, принят негреками как часть топонима — Стинполин (произносилось Стинболин). Отсюда и турецкий Стамбул. Поскольку в турецком невозможно произнести два согласных в одном слоге, получилось Истамбул. В одной памятной записи армянской рукописи 1398 г. говорится, что она, рукопись, переписана «в Галате, напротив Константинополя, когда турки осаждали **Стимбол**» (*Хачикян Л. С.* Памятные записи армянских рукописей XIV в. Ереван, 1950. Запись под № 779).

[33] Typicon Gregorii Pacuriani / Ed. S. Kauchtschishwili. Georgica. T. V. Thbilisiis, 1963. P. 112.

ятелем, вероятно, жил и служил в византийском епископате города Вана (отсюда фамильное имя Βανινός), одном из множества халкедонитских епископатов, созданных после 1021 г. в завоеванном византийцами Васпуракане — Васпракании[34]. Сто лет спустя после основания Бачковского монастыря его игуменом был назначен Иоанн Атман, из армянского халкедонитского селения Атма близ города Акн в Армении (ныне Эгин в Турции)[35].

Имея в виду строгое распоряжение Григория Пакуриана, запрещающего зачисление в пресвитеры или монахи в монастыре грека по национальности (глава XXIV Типика), можно уверенно сказать, что Григорий Βανινός — Ванеци, первый игумен монастыря — армянин халкедонит, следовательно, и семья Монастириотов — армянская.

Понятно, что в книгу А. П. Каждана «Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв.» Монастириоты еще не могли быть включены.

Мы не сомневаемся в том, что в византийских источниках найдутся и другие представители семьи Монастириотов, не упомянутых в данной статье. Однако возможности наших республиканских библиотек не позволяют сделать большее.

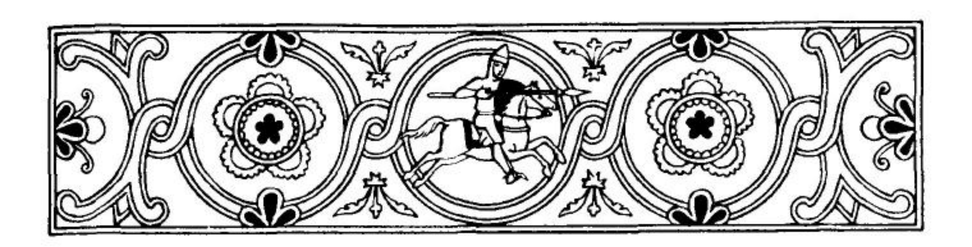
После 1021 г. в Византии служили представители и других семей васпураканцев — это Васпраканиты, Цинцулукии (т. е. Воробьевы), Сенекеримы (от имени последнего царя Васпуракана Сенекерима Арцруни, «обменявшего» свое царство с византийской фемой Севастия).

---

[34] *Thierry Michel*. Notes de géographie historique sur le Vaspurakan. REB. T. 34, 1976. P 159–168.

[35] *Бартикян Р. М.* О связях монастыря Григория Пакуриана с Арменией // Вестник общ. наук АН Арм. ССР. 1988. № 6. С. 52–56. Об Иоанне Атмане: *Он же*. Роль игумена Филиппопольского армянского монастыря Иоанна Атмана в армяно-византийских церковных переговорах при католикосе Нерсесе IV Благодатном (1166–1173) // Вестник общ. наук АН Арм. ССР. 1984. № 6. С. 78–88.

М. В. Бибиков

ТЕКСТЫ ДОГОВОРОВ РУСИ С ГРЕКАМИ В СВЕТЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Оценить русско-византийские договоры X в. можно с позиций учета византийской концепции политической иерархии в мире и дипломатической практики империи в отношениях с другими государствами.

Принципы и методы византийской дипломатии во взаимоотношениях с «варварскими» государствами включали в себя, прежде всего, установление межгосударственных договорных отношений, вводивших международную политику в правовое русло, теоретически препятствовавшее совершению неожиданных набегов, разгромов городов, оказанию военного давления. Именно таковой была политика империи в предшествующий X в. период по отношению к традиционно опасным для себя партнерам-противникам — на востоке, в Малой Азии, и на севере, в Подунавье[1].

Особенность внешнеполитического положения Византии в X в. обусловливалась военным давлением на нее с двух традиционно опасных направлений — с востока и севера. На востоке в это время велись войны с арабами, морскими пиратами.

На севере империи, помимо сложных взаимоотношений с Болгарским царством, ставшим при царе Симеоне могущественным фактором международных взаимоотношений в регионе, новым контрагентом внешней политики Византии уже со второй половины IX в. становится развивающееся и крепнущее Древнерусское государство[2].

Международно-политическая концепция Византии, ее отношения с другими странами и народами была обусловлена традиционализмом

---

[1] *Литаврин Г. Г.* Византия и славяне: Сборник статей. СПб., 1999.

[2] *Он же.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX–начало XII вв.). СПб., 2000.

идеологических посылок этой концепции. Он заключался в римском имперском универсализме, в эллинистическом противопоставлении греков и «варваров», в христианском экуменизме с идеей общей Церкви и в библейском представлении об избранном народе, сочетающемся с византийской идеей самодержавия. Прав Д. Моравчик[3], отмечавший удивительную пластичность и гибкость византийской дипломатии в балансировке между традиционной теорией и учетом политических реалий современности.

Важным фактором распределения своего влияния на окружающий мир Византия считала христианство. Причем вера и Церковь являлись не только фактором духовного, культурного взаимодействия, но и мерой разрешения политических конфликтов. Так, активность константинопольского патриарха Николая Мистика, тонкость политической игры в византийско-болгарских отношениях начала X в. побудили остановить намерения Симеона сесть на византийский престол в Константинополе с помощью военной силы, но вместе с тем снискать почетнейший в мировой «табели о рангах» восточно-европейских государств средневековья титул василевса болгар, став как бы равным с василевсом ромеев — византийским императором. В мировой христианской ойкумене центром оставалась столица на Босфоре, а главой православного мира воспринимался император ромеев. В этой связи характерно, что вновь христианизированные Византией народы становились в положение как бы духовных детей; именно как к духовному сыну обращается в официальной переписке к болгарскому царю Симеону его византийский корреспондент. Однако церковная дипломатия Византии, как показал Д. Оболенский, была чрезвычайно гибкой: ученый пишет о русско-византийском соглашении, специально регулировавшем назначение главы русской Церкви[4]. Д. Закитинос[5] вообще склонен считать, что православная Церковь изначально никогда не была делом национальным, однако и он признает важную роль «церковной дипломатии» в Византии.

Другим средством дипломатического разрешения проблем, постоянно и активно используемом Византией, были денежные выплаты контрагентам — в виде подарков, дани, единовременных выплат. Византийцы были уверены в том, что все на земле, в том числе и в государственной и международной сферах, не говоря уже о человеческом индивидууме, будь он ремесленник или эмир, или вождь соседней страны, — имеет свою цену. С другой стороны, лояльность по отноше-

---

[3] *Moravcsik Gy.* The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy // Actes du XIIe Congrès International d'Etudes Byzantines. Beograd, 1963. T. 1. P. 301 sq.

[4] *Obolensky D.* The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy // Ibidem. P. 45 sq.

[5] *Zakythenos D.* // Ibidem. P. 313 sq.

нию к империи — такая же вещь, тоже стоящая определенных, и немалых, расходов. В соответствии с этим даже очевидные выплаты, вырванные у Византии оружием в виде дани, рассматривались как благодеятельные дарения василевса, одаривающего партнера в обмен на его определенные обязанности.

Использование символики ритуала и большого престижного значения византийской титулатуры — также один из методов византийской дипломатии, отраженный и в русско-византийских договорах. Впервые Карл Великий в 812 г. была назван в Византии императором. О принятии Симеоном Болгарским в 913 г. титула василевса Болгарии уже говорилось; Стефан Душан также обретет титул василевса и автократора Сербии и Романии. Оболенский предполагал, что это коснулось и киевского князя Владимира в 989 г. Иностранные принцы, князья, наследники престола, просто видные политики и военачальники также получали, вступив в контакт с империей, соответствующие византийские придворные титулы: они становились кесарями, патрикиями, севастократорами, эксусиастами, магистрами, протоспафариями и т. д.

Нельзя сказать что византийцам было вообще чуждо восприятие иноземных политических реалий — будь то в этнонимике (общеизвестно византийское пристрастие к архаическим названиям племен и народов) или в титулатуре. Отнюдь: в византийских документах мы встречаем и подлинные termini technici — κράλης, ῥήξ, βοεβόδα и т. д. или их византийские кальки — ἀρχηγός, φύλαρχος, ἡγεμών, ἄρχων и т. п.

Однако включение государства в византийскую «экуменическую» культурно-историческую общность сохраняло политический и правовой суверенитет и независимость государств-союзников. Но и здесь византийской дипломатией была выработана тонкая градация категорий для обозначения политических союзов, включающая в себя как идею обязательности в выполнении пунктов договора, так и отношения вассальной зависимости от императора, даже если она была чисто номинальной. Такими разными по смыслу были греческие термины ἔνσπονδοι, ὑπόσπονδοι, σύμμαχος, κατήκοοι, ὑπήκοοι, πρόξενοι, δοῦλοι, φίλοι.

Наряду с символикой титулатуры и дипломатического этикета очень важное место в отношениях с чужеземцами уделялось церемониям приемов, торжественных обедов, официальных и неофициальных бесед. Ритуал подобных целых представлений был строго дифференцирован в зависимости от ранга гостя, последовательность «мизансцен» досконально расписывалась в руководствах по приемам послов и режиссировалась. Прекрасным образцом такого памятника, особенно для изучаемого периода, является трактат, называемый «О церемониях византийского двора», подготовленный в середине X в. императором Константином VII Багрянородным. В книге приводятся примеры

4 Зак. 3958

организации приемов различных иноземных послов; именно благодаря этому произведению мы столь подробно знаем обстоятельства посольства княгини Ольги. Обращалось внимание на эстетическое, эмоциональное воздействие на гостей увиденного в византийской столице. С этой целью демонстрировались императорские и церковные сокровища, памятники искусства, драгоценности. Этой же цели служили и богатые, часто ошеломляющие подарки визитерам, поднесение которых сопровождалось особым ритуалом.

Сакральная важность церемоний, внимание к каждому слову и даже жесту, движению, местонахождению во время приемов в византийской дипломатической практике сказалась в том, что центральными фигурами императорского ведомства международных отношений были наряду с Логофетом Дрома — магистр оффикиев и магистр церемоний. Не совсем, правда, ясны функции определенных чиновников, чье наименование, однако, явствует о непосредственном их участии в византийской политике по отношению к иноземцем. Имеется в виду ὁ ἐπὶ τῶν βαρβάρων — «начальник ведомства варваров». Для изучения актовых международных материалов важны свидетельства о функционировании особого бюро или архива, касавшегося дел иноземцев — «варваров»: σκρίνιον τῶν βαρβάρων. Известен и «хартуларий варваров» (χαρτουλάριος τῶν βαρβάρων): не в его ли архивах могли храниться и изучаемые русско-византийские договоры?

То, что именно для Византии данные договоры имели прежде всего реальное юридическое значение, уже отмечалось в литературе[6]. Напротив, изучение С. Франклином функции письменных актов в еще только складывавшейся канцелярской системе Древней Руси показало первостепенное значение именно символического ритуала соблюдения верности достигнутому договору. Аналогом этому явлению могут служить грекоязычные печати Древней Руси, основная часть которых датируется, начиная с XI в., но Д. Шепард обосновал датировку одной из них серединой X в., связав ее находку с функционированием статей русско-византийского договора 944 г., обусловливающих необходимость использования печатей в двусторонних посольских и купеческих отношениях. Однако для Древней Руси на начальном этапе ее дипломатической практики большое значение имели ритуальные церемонии (типа известного позже «Крестного условия»), закрепляющие — частно устные — договоры с партнерами. Канцелярско-юридическое оформление акта была делом византийской стороны.

Однако не следует упрощать понимание принципов и методов византийской дипломатии. Д. Оболенский подчеркивает характерный

[6] *Malingoudi J.* Die russisch-byzantinischen Verträge des 10. Jhds. aus diplomatischer Sicht. Thessalonike, 1994. S. 101 ff.

ее дуализм: это всегда было сочетание консерватизма мышления и чуткой гибкости в практике, надменной гордости и широты гостеприимства, агрессивного империализма и политического благородства. Особое значение учета соотношения между политико-идеологической функцией, использовавшейся Византией, и реальностью военно-политических планов, стоящих перед правителями могущественного Древнерусского государства, выдвигается на первый план при анализе русско-византийских взаимоотношений.

Характерным внешнеполитическим принципом в Византии было умение решать собственные проблемы чужими руками путем умелого расчетливого столкновения своих соперников друг с другом, натравливания одних государств на другие. В этом отношении блестящим примером подобной стратегии и тактики в рассматриваемый период времени, прямо декларирующим подобные приемы и иллюстрирующим их действенность историческими примерами, является сочинение того же Константина Багрянородного «Об управлении государством». Константин излагает как основной замысел труда, так и принципы своей внешней политики. Он рассматривает систему взаимоотношений империи с окружавшими ее народами с точки зрения политической выгоды для Византии, определяет способ подчинения каждого из этих народов, предупреждает возможные претензии «варваров» к Византии, дает представление о происхождении, обычаях, природных условиях жизни интересующих империю народов.

Дипломатический анализ русско-византийских договоров строится с учетом принципов организации византийского акта. В документе вычленяются собственно текст и вводяще-заключающие формулы, т. е. протокол, который, в свою очередь, делится на собственно протокол и эсхатокол. Начальная часть протокола с посвящением Богу представляет собой invocatio, которая могла выражаться просто символом — знаком креста, христограммой или, например, призванием Св. Троицы. Во внешнеполитических актах invocatio часто опускалась. Обозначение лица, издающего документ, в данном случае — императора, называется intitulatio. Затем следовало обозначение адресата или inscriptio и приветствие — salutatio. В «Основной части» выделяются риторическое введение по всему тексту — προοίμιον (arenga), затем — публичное объявление (promulgatio, publicatio, praescriptio, notificatio) и изложение сути дела — narratio, наконец, — распоряжение императора, выражающее его волю и удовлетворяющее ходатайство получателя документа — dispositio. Dispositio часто повторяет основные пункты narratio и вводится определенной формулой типа διὸ (ὅθεν) διορίζεται ἡ βασιλεία μου, а заканчивается предостережением против нарушения постановления — sanctio. Это предостережение, иногда выделяемое в самостоятельную часть акта, сопровождалось

угрозой кары — божественной (sanctio spiritualis) или императорской (sanctio temporalis).

Заключительная часть, эсхатокол, содержала важные элементы византийского канцелярского делопроизводства — дату и подпись — datum и subscriptio. Импратор подписывал и датировал документы собственноручно всегда красным цветом. Различие в способе датировки определяло тот или иной тип документа. Хрисовулы имели полную датировку — с указанием месяца, индикта и года от сотворения мира. Эсхатокол мог содержать и corroboratio — сведения об удостоверительных знаках документа.

Как показано выше, уже давно отмечалось соответствие структуры текстов договоров Руси и Византии X в. византийским дипломатическим стереотипам. Ф. Дэльгер и И. Караяннопулос выделили четыре основных типа формуляров византийских актов. Первый (названный Iа) характерен для международных договоров, заключенных между 992 (этим годом датируется древнейший сохранившийся полный аутентичный текст византийского акта) и 1261 гг. после переговоров, проводившихся в другой стране. Структура этих документов такова: А. Протокол: 1) invocatio; 2) intitulatio; 3) inscriptio (часто весь протокол отсутствует); Б. Текст: 1) преамбула (часто отсутствует); 2) narratio: а) клятвенные обещания соблюдать условия договора, даваемые византийскому императору другой стороной; б) упоминание полномочий послов другой страны; в) статьи договора; г) определение срока действия договора (до нарушения его другой стороной); д) указание, что хрисовул выдан в подтверждение взаимного соглашения сторон; В. Эсхатокол: 1) дата (только от сотворения мира); 2) заключительная фраза; 3) собственноручная императорская подпись (красными чернилами).

Второй тип актов (Iб) характеризует такого же рода документы, но более позднего времени (1261–1448). Их структура несколько иная: А. Протокол: invocatio или intitulatio, или 1) invocatio; 2) intitulatio (целиком протокол отсутствует редко); Б. Текст: 1) (как правило, без преамбулы); 2) а) упоминание византийских послов; обещание императора соблюдать соглашение; б) условия договора; заявление о выдаче правительством другой страны клятвенной грамоты (с присягой на верность договору); в) указание свидетелей; г) упоминание писца, переводчика; В. Эсхатокол: 1) дата (по византийскому и латинскому летосчислениям); 2) corroboratio, 3) собственноручная подпись василевса (красными чернилами). Тип документов IIа объединяет акты, заключенные в 992–1291 гг. без предварительных переговоров в другой стране, и состоит из следующих частей: А. Протокол: 1) invocatio; 2) intitulatio; 3) inscriptio (часто весь протокол опускается); Б. Текст: 1) преамбула (часто отсутствует); 2) narratio: а) клятвенная грамота

иностранных послов с условиями договора и уверением в подтверждении последних правительством, которое эти послы представляют; иногда даже имеется упоминание о верительной грамоте послов; б) текст или упоминание предыдущих договоров, связанных с новым договором; в) заявление, что хрисовул выдан в подтверждение взаимного соглашения и ради безопасности договаривающихся сторон; 2) пункты, гарантирующие соблюдение договора (присутствуют не всегда); В. Эсхатокол: 1) дата (только от сотворения мира); 2) заключительная фраза (не всегда); 3) собственноручная подпись императора (красного цвета).

Наконец, тип IIб — это такие же акты, но более позднего периода (1261–1448). Их структура такова. А. Протокол: invocatio или intitulatio, или 1) invocatio; 2) intitulatio (как правило, протокол неполный); Б. Текст: 1) (обычно без преамбулы); 2) а) перечисление иностранных послов с простым упоминанием или буквальным воспроизведением их верительной грамоты, содержащей клятвенное заявление правительства другой страны о признании им всех условий, которые будут приняты его уполномоченными; б) клятвенное заявление императора о соблюдении договора (с 1342 г. стоит на 4-м месте: см. ниже, пункт «г»); в) условия договора; г) клятва императора (с 1342 г. ср. выше, пункт «б»); клятва партнера по договору; д) упоминание писца и переводчика; е) corroboratio; В. Эсхатокол: 1) указание места выдачи и дата; 2) указание свидетелей; 3) императорская подпись.

Анализ С. М. Каштановым структуры русско-византийских договоров в соответствии с данными принципами показал близость договора 911 г. к типу IIa, а договора 944 г. — к типу Ia[7]. Договор же 971 г. был впервые записан в лагере византийского императора, куда русские пришли с речами; в основе его текста — перевод копии с греческой записи, сделанной в лагере императора.

Исходя из переводного характера текста русско-византийских договоров, исследователи уже давно предпринимали попытки «реконструировать» оригинал актов, определить их словесные формулы и термины на греческом языке.

Это прежде всего касается клаузул договора. Так, Н. А. Леаровский сопоставил заключение договора Олега «святого единосущного Троицею, единого истинного Бога нашего» с заглавием послания к королю (ῥήξ) франков, воспроизведенным Константином Багрянородным в «Книге церемоний»: ἐν ὀνόματι τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος, τοῦ ἑνὸς καὶ μόνου καὶ ἀληθινοῦ θεοῦ ἡμῶν. Начало же этого договора «суть, яко понеже мы ся имали... По первому убо сло-

---

[7] *Каштанов С. М.* Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М., 1996. С. 4 и сл.

ву» сопоставимо с началом послания персидского царя Хосрова к византийскому василевсу, воспроизведенным Феофилактом Симокаттой: καὶ ἔστι λαβεῖν τὴν τῶν πραγμάτων ἀκολουθίαν τοῖς ἡμετέροις ῥήμασιν συμφωνοῦσαν ἐπεὶ τοίνυν... и т. д.

Формула перехода к изложению существа дела — после общей мысли о цели посольства и изложения его причины — также схожи: «многажды право, судихомъ» и δεῖν ᾠήθημεν (послание Юстиниана к V Вселенскому собору, известное из Скилицы) или πρὸς αὐτοὺς λέγειν (послание Кирилла Юстиниану, сохраненное той же хроникой).

Договоры с Византией являются древнейшими письменными источниками древнерусской государственности. Вместе с тем, будучи международными договорными актами, эти памятники зафиксировали правовые нормы договаривающихся сторон, что означает вовлечение каждой из них в орбиту своей культурно-юридической традиции, а также нормы международного права

К нормам **международного права** можно отнести те статьи русско-византийских договоров, аналоги которым обнаруживаются в текстах ряда других договоров Византии. Это относится к ограничению срока пребывания иноземцев в Константинополе, отмеченное соглашениями 907 и 944 гг. К этой же категории норм относится статья договора 911 г., отражающая нормы берегового права. Аналогом положений того же текста о беглых рабах могут быть пункты византийско-болгарских соглашений. Ограничение на вывоз шелка, зафиксированное в договоре 944 г., также было характерно для юридических документов того времени, причем не только Византии. Византийские дипломатические соглашения включали в себя и пункты о темах, сходных с соответствующими условиями договора 907 г. Наконец, международной нормой являются и отмеченные текстом 944 г. протокольные требования наличия печатей у послов и купцов.

Дипломатическое оформление русско-византийских договоров, как неоднократно отмечалось исследователями, во многом обязано византийскому канцелярскому протоколу. Поэтому важно обобщить отраженные в текстах греческие протокольные и юридические нормы, канцелярские и дипломатические стереотипы, нормы, институты. К таковым относится обычное для византийских актов упоминание соправителей наряду с правящим монархом, каковыми оказываются Лев, Александр и Константин в договоре 911 г., Роман, Константин и Стефан в договоре 944 г., Иоанн Цимисхий, Василий и Константин в договоре 971 г. Эта особенность была чужда как летописным, так и данным кратких византийских хроник, являясь нормой формуляра официальных документов. К этому относится и применение в тексте 911 г. византийских весовых и денежных мер — литр, а также византийской системы летосчисления и датировки акта в договорах 911 и 944 гг.,

индиктовой датировки договора 971 г. Цена раба как в договоре 911 г., так и в договоре 944 г. (вдвое меньшая) близка к вилке средней цены невольника в Византии. Выявляемое по договору Игоря превосходство ранга послов над рангом купцов соответствует данным трактата Константина Багрянородного «О церемониях», где выплаты в столице послам вдвое превосходят купеческие. Требование третьего пункта того же договора о необходимости специальной регистрации иноземных торговцев, пребывающих в Константинополь, находит свое подтверждение в «Книге эпарха», а в следующем параграфе этого документа отражен византийский обычай выкупа пленных на шелковые ткани. Некоторые определения рассматриваемых договоров сопоставимы с положениями византийских юридических памятников. Так, пункт первый договора 911 г. сопоставим с текстовыми пассажами Эклоги и 49-й новеллы Льва, а пункт пятый — с соответствующим параграфом Исагоги (40, § 4), шестой — с Прохироном (39, § 5) и 64-й новеллой Льва, следующий — с Прохироном (34, § 11) и Исагогой (40, § 27); с последующим параграфом сопоставим и еще один пункт (12) того же договора. Таким же образом соизмеримы и два пункта (7 и 12) договора Игоря — соответственно, с 64 и 56, 57, 102–104-й новеллами Льва. Не является ли «хлебное» варианта написания текста «слюбное» договора 907 г. рефлексом греческого «ситересий», обозначавшего регулярное, и прежде всего натуральное, довольствие, выдававшееся из византийской государственной казны (от «σίτος» — хлеб)?

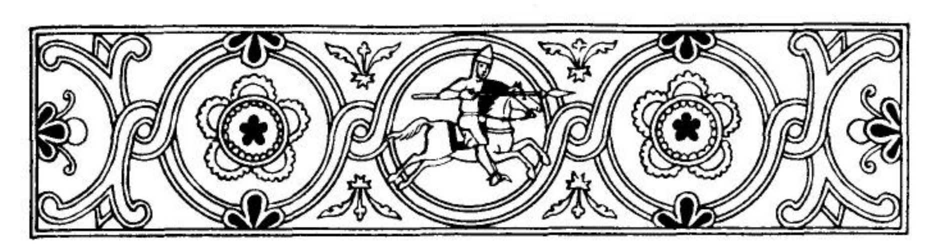
Можно указать и **прямые славянские кальки** с греческого, типичные для византийских дипломатических формул. В договоре 907 г. выражение «цесарьство наше» передает βασιλεία μου как эпоним императорской персоны, а «цесарев муж» передает название византийской придворной должности василика. Формула договора 911 г. «равно другаго свещания» отражает греческое ἴσον — аутентичный экземпляр — дубликат официального актового текста, а «по первому убо слову» — обычное греческое вступление документов κατὰ πρῶτον λόγον; «суть яко понеже» сопоставимо с аналогичной фразой известного византийско-персидского мира.

Но наряду с этим очень характерны зафиксированные в текстах договоров термины и понятия, **противоречащие византийскому** социально-политическому и конфессиональному этикету. Эта категория «цесари», обозначающая в договоре 907 г. отнюдь не титул цесаря (стоящего в иерархии, разумеется, ниже императора), а самого василевса. То же можно сказать и об употреблении общеславянского этнонима «греки», в известной степени уничижительного для «ромеев»-византийцев. «Боярьство» в том же договоре 907 г. — тоже категория не из византийского понятийно-культурного круга. Отражением древнерусских реалий является и клятва на оружии в договоре

911 г., а также, разумеется, и клятва Перуном. Предусмотренная договором Олега передача имущества убийцы в случае его побега ближайшему родственному убитого не находит аналогий в византийском праве. Исследователями отмечалась и неприменимость эпитета «боговдохновенный» к византийскому императору, как это сделано в договоре 971 г.

Таким образом, обнаруживаемые параллели положений русско-византийских договоров с нормами византийских юридических текстов, прежде всего X в., являются важным датирующим моментом, противоречащим гипотезе о позднем происхождении текстов договоров, синхронном времени написания «Повести временных лет», в составе которой договоры и дошли до нас. Договоры, тем самым, содержат важные свидетельства, характеризующие черты древнерусской государственности, а именно наличие княжеской канцелярии, существование государственной дипломатической службы, складывание социальной иерархии, функционирование торговой организации. Вместе с тем, анализ договоров Руси с Византией в качестве одной из важнейших источниковедческих задач выдвигает необходимость сравнительного исследования в области славянской дипломатии и законодательства, поиск параллелей не только в византийской, но и в невизантийской культурно-правовой среде.

П. И. Жаворонков

СТРУКТУРА И КОМАНДНЫЙ СОСТАВ СУХОПУТНЫХ СИЛ НИКЕЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Когда мы говорим о создании и образовании нового государства, мы сознательно или бессознательно имеем в виду формирование административной системы управления и обеспечения безопасности этого государства. Однако формирование структуры центрального административного аппарата зависит от многих причин: преемственности, влияния и традиций государства, на обломках которого возникло новое политическое образование, целей и задач последнего и, конечно, новых военно-политических и экономических реальностей.

Никейская империя, с самого начала поставившая цель восстановления Византийской империи и считавшая себя единственным претендентом на эту роль, в качестве основы формирования своего административного аппарата избрала поэтому структуру, существовавшую до 1204 г. Однако новая реальность, потребность и возможность, размеры государства внесли существенные коррективы в эти намерения. Как показали исследования М. Энгольда[1] и М. Нистазопулу-Пелекиду[2], в сфере взаимоотношений центра и провинций, а также дипломатических связей с другими государствами администрация стала более простой, «домашней», по выражению английского ученого[3], и в то же время более централизованной. Больше не существовало сложной системы разделения обязанностей для осуществления тех или иных бюрократических акций. Исчезла громоздкая

[1] *Angold M. A.* Byzantine government in exile: Government and society under the Laskarids of Nicaea (1204–1261). L., 1975.

[2] *Нистазопулу-Пелекиду М.* О византийской дипломатии в период Никейской империи // ВВ, 1987, 48. С. 64–72.

[3] *Angold M.* Op. cit. P. 151.

система ведомств и секретов[4], функционировавших до 1204 г. Аппарат подчинялся прямо императору, распоряжения которого выполнялись теперь самим чиновником (чаще дукой фемы), получившим императорский приказ. Правда, между императором и аппаратом появилась новая фигура — месазон — координатор никейского правительства[5].

Несколько иначе происходило формирование структуры аппарата сухопутных сил империи, чему и посвящена эта статья. Здесь в большей степени, чем в других областях государственной деятельности, проявилась преемственность традиций, вызванная в первую очередь военно-политическими задачами и целями государства.

Согласно реформе должностей и титулов, проведенной при Алексее I Комнине (1081–1118), командование византийскими сухопутными силами было возложено на великого доместика, которому подчинялись доместики Запада и Востока[6], причем иногда сам великий доместик одновременно занимал должность одного из них. Так, Алексей Гид, последний из известных нам до 1204 г. великих доместиков, в 1194 г. был одновременно и доместиком Запада. Нам неизвестна его дальнейшая судьба, однако один из его родственников, может быть сын, Андроник Гид, был в 1204 г. военачальником (στρατηγός) Феодора I Ласкаря и, по мнению некоторых ученых, стал в 1222 г. трапезундским императором[7].

Вероятно, в первые десятилетия существования Никейской империи должность великого доместика была вакантной. Во всяком случае все крупнейшие военные кампании (от захвата Пиг летом 1205 г. до знаменитой битвы на Мандре в 1211 г. и походов осенью 1214 г. в Пафлагонию) осуществлялись под руководством самого императора. Хотя участие императора в походе, разумеется, не доказательство отсутствия великого доместика, поскольку и в дальнейшем, когда он уже точно был, никейские императоры редко не участвовали лично в походах. Первое зафиксированное в источниках упоминание великого доместика в Никее относится к 1218 г.: им был назначен Андроник Комнин Палеолог[8], отец будущего императора Михаила VIII (1259–1282). Феодор I сделал его не просто великим

---

[4] Ibid. P. 154; *Нистазопулу-Пеликиду М.* Указ. соч. С. 67–69

[5] О нем см.: *Verpeaux J.* Contribution à l'étude de l'administration byzantine: ho mesazon // BS, 1955, 16. P. 270–296; *Loenertz R.-J.* Le chancelier impérial à Byzance au XIIIe et au XIVe siècles // OCP, 1960, 26. P. 275–300; *Angold M.* Op. cit. P. 155–161.

[6] *Guilland R.* Recherches sur les institutions byzantines. Berlin; Amsterdam, 1967. T. 1. P. 405–425; *Pseudo-Kodinos.* Traité des offices / Ed. par. J. Verpeaux. P. 1999. P. 167. 14–17.

[7] *Σαββιδη Α. Γ. Κ.* Βυζαντινά στασιαστικά καὶ αυτονομιστικά κινήματα στα Δωδεκάνησα καὶ στη Μικρά Ασία. 1189–1240. μ. Χ. Αθηνα, 1987. Σ. 273, 294, σημ. 67.

[8] Nicephori Gregorae Byzantina historia / Ed. J. Schopen. Bonnae, 1829. V. I. P. 9. 14–15; Pseudo-Phrantzes sive Makarios Melissenos. Chronicon. 1258–1481 / Ed. V. Grecu. Bucuresti, 1966. P. 154. 13–14.

доместиком, а «вторым [после себя]», как пишет Псевдо-Сфрандзи[9]. В течение почти 30 лет, вплоть до своей смерти в 1247 г., он осуществлял руководство всеми сухопутными вооруженными силами империи, участвовал во многих походах и являлся при Ватаце по существу третьим лицом в государстве, после императора и месазона Димитрия Торника. Лишь через несколько лет, в конце своего царствования, вероятно в 1253 г., Иоанн III назначил на эту должность Никифора Тарханиота[10], которого его сын — Феодор II Ласкарь — заменил своими приближенными — братьями Музалонами (сначала Георгием[11], а потом Андроником[12]), а Михаил VIII Палеолог в 1258 г., придя к власти, пожаловал эту должность вначале своему брату Иоанну[13], а затем в 1259 г. Алексею Филу[14], женатому на племяннице императора. Быстрая смена пяти лиц на этой должности в течение 8 лет (1253–1261) говорит о большой роли, которую играл великий доместик в военно-политической жизни империи и значении, которое ему придавали императоры. В табели о рангах он занимал 6-е место.

Вероятно (точных данных нет), вместе с восстановлением должности великого доместика уже при Феодоре I была восстановлена и должность его фактического заместителя — протостратора[15]. Во всяком случае в 1225 г. протостратор Иоанн Исис был послан с войском в Адрианополь, чтобы присоединить его по просьбе жителей к Никее[16]. При Федоре II протостратор Иоанн Ангел командовал войсками на Балканах[17], а Михаил Палеолог в 1258 г. назначил на эту должность Алексея Дуку Филантропина[18].

Никейские сухопутные силы, подчиненные великому доместику и протостратору, разделялись, как и до 1204 г., на постоянную армию, τὰ τάγματα, и провинциальные войска, τὰ θέματα, о чем определенно свидетельствует Акрополит[19]. Τὰ τάγματα, состоящие в значительной

[9] *Pseudo-Phrantzes*. P. 154. 14.

[10] Georgii Acropolitae Opera. Rec. A. Heisenberg. Cur. P. Wirth. Stuttgart, 1979, V. 1 (далее: *Acrop*. I) P. 55.15–17; 89.15–16. В 1248–1253 гг. сухопутными войсками командовал Феодор Фил (*Acrop*. I, 84.15–16), но ни один источник не называет его великим доместиком. См.: PLP, 29812.

[11] *Acrop*. I. P. 124. 4–6.

[12] Ibid. P. 124. 7–8; *Pachymérès Georges*. Relations historiques / Ed., introd. et notes par A. Failler. Paris, 1984. V. 1 (далее: *Pach*. I). P. 155. 16.

[13] *Acrop* I. P. 160. 16–18; *Pach*. I. P. 137.21. О нем см.: *Zivojinović M*. O Zivanu Paleology, bratu Mihaila VIII // Zbornik Filoz. fak., 1979. 14 / 1. C. 103–122.

[14] *Pach*. I. P. 155. 5–6. PLP, 29809.

[15] О нем см.: *Guilland R*. Recherches. T. 1. P. 478–497.

[16] *Acrop*. I. P. 38. 15–17.

[17] Ibid. P. 124. 9–10; 160. 6–8.

[18] *Pach*. I. P. 155. 16–17; PLP, 19751.

[19] *Acrop* I. P. 123.11; 156.20; 170. 15 и др.

степени из наемников, включали в свой состав и императорскую гвардию. Последняя по своей структуре мало чем отличалась от гвардии комниновского периода. Разумеется, численность ее была в несколько раз меньше. В этом, пожалуй, ярче всего проявилась преемственность традиций и имперская идея Никеи как наследницы Византийской империи.

Гвардия состояла из нескольких частей или тагм (схол, вигл, этерии, отряда варягов и вардариотов) с возложенными на них определенными обязанностями в мирное время. Рассмотрим их подробнее.

Схолы, как часть гвардии, сохранились еще с ранневизантийских времен. Если раньше в Константинополе они несли днем и ночью внутреннюю охрану Большого дворца, то теперь в Никее они охраняли покои императорского дворца около Нимфея[20]. Комплектовались ли они, как и прежде, из представителей аристократических семей — неизвестно, но они не были, как это думает М. Андреева[21], неким подобием пажеского корпуса. Во главе их стоял доместик схол. При Ватаце им был некто Цамплакон[22] (имя неизвестно), вероятно, не очень знатного происхождения: ранее эта семья неизвестна. В царствование Феодора II эту должность занимал Феодот Калофет[23], пансеваст, севаст, родственник Михаила Палеолога, ставший в 1259 г. дукой Фракийской фемы[24].

Тагмой виглы, существовавшей по меньшей мере с IX в. и несшей внешнюю охрану дворца, командовал великий друнгарий виглы. Последним перед 1204 г. (при Исааке II) был Григорий Антиох[25]. В никейский период источники не упоминают ни одного лица, хотя при Михаиле VIII нам известен великий друнгарий виглы — Андроник Еонополит[26], а при Андронике II Палеологе — еще несколько человек[27]. У Псевдо-Кодина он занимает 25-е место в табели о рангах[28]. Является ли это молчание источников свидетельством отсутствия в никейской гвардии тагмы виглы? Думаем, что нет. Просто значение

---

[20] *Guilland R.* Recherches. T. 1. P. 426, 430–431.

[21] *Андреева М. А.* Очерки по культуре византийского двора в XIII в., Прага, 1927. С. 41.

[22] *Θεοχαρίδης Α. Ι.* Οἱ Τζαμπλάκωνες // Μακεδονικά, 1959, 5. Σ. 154.

[23] Theodori Ducae Lascaris Epistulae CCXVII. Nunc primum / Ed. N. Festa. Firenze, 1898. P. 190.

[24] *Miklosich F.* et *Müller J.* Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Viennae, 1865. T. IV (далее: MM, IV). P. 154–155, 201, 208–209. *Guilland R.* Recherches. T. 1. P. 455.

[25] *Каждан А. П.* Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974. С. 144.

[26] *Pach.* II. P. 645. 13–14; PLP, 6713.

[27] См.: *Guilland R.* Recherches. T. 1. P. 577–579.

[28] *Pseudo-Kodinos.* P. 138.

этой должности было не столь велико, как в Константинополе (императорский дворец около Нимфея был небольшим четырехэтажным зданием), чтобы попасть на страницы исторических сочинений.

Зато в Никейской империи возросла роль личной гвардии (охраны) императора и ее командира — великого этериарха[29], особенно после неудавшегося заговора против Ватаца в 1224 г. Ведь ему император доверял свою жизнь и поручал деликатные миссии[30]. Источники донесли до нас имена пяти никейских великих этериархов: Фламула[31], Иоанна Камицы[32], Михаила Ливадария[33], Мануила Раматана[34] и Василика[35]. Этериарх вместе с этерией, которая не канула в Лету в XII в., всегда сопровождала императора в походах, и лишь в конце XIII — начале XIV вв. с исчезновением этерии он все больше превращался в церемониальное гражданское лицо[36]. У Псевдо-Кодина он занимает 26-е место.

На протяжении X–XII вв. составной частью императорской гвардии и армии были варяги. Их существование в Никейской империи отмечено в ряде источников. Правда, в основном это — выходцы из Англии и Шотландии. Они были вооружены обоюдоострой секирой, которую носили на правом плече, отчего их часто называли πελεκυφόροι[37], т. е. секироносцы. Согласно Псевдо-Кодину, варягами командовал аколютос, подчинявшийся великому друнгарию виглы[38], что, кстати, косвенно служит подтверждением нашего мнения о существовании в империи тагмы виглы. Однако в литературе существует и другая точка зрения (высказанная в 70-е гг. Кэрлин-Хейтер), согласно которой в Никее (и не только в ней) варягами командовал логофет

---

[29] Ibid. P. 178. 20–23.

[30] *Karlin-Hayter C.* L'Hétériarque. L'évolution de son rôle du De Cerimoniis au Traité des Offices // JÖB, 1974, 23. P. 138.

[31] *Acrop.* I. P. 36. 24–25. Он участвовал в заговоре 1224 г. против императора Ватаца. Кэрлин-Хейтер П. ошибочно считает, что в заговоре участвовал великий этериарх Н. Макрин. — *Kerlin-Hayter P.* Op. cit. P. 132. Такого этериарха не было, а был дука фемы Фракезион Георгий Макрин, также участник заговора 1224 г. См.: *Σαββίδη Α. Γ. Κ.* *Βυζαντινά στασιαστικά.* Σ. 222, σημ. 18.

[32] *Acrop.* I. P. 40.20. Он был сыном протостратора Мануила Камицы (1184/5–1202).

[33] *Acrop.* I. P. 67. 10.

[34] Правда, Мануил Раматан, который в 1257 г., во время борьбы с Эпирским царством, перешел на сторону деспота Михаила II Ангела, назван великим этериархом только в одной из рукописей (cod. Upsalensis Gr. 6, XIV в.) «Хроники» Георгия Акрополита. — *Acrop.* I. P. 151, примеч. к строке 7.

[35] *Pach.* I. P. 183. 13–14. Он был родом с Родоса, но провел много времени во дворце султанов Иконии, где и познакомился с Михаилом Палеологом, убежавшим в 1256 г. из Никеи к сельджукам. — Ibid. P. 183. 1–12.

[36] *Karlin-Hauter C.* Op. cit. P. 138.

[37] *Acrop.* I. P. 120. 7–8; *Pach.* I. P. 101. 22 и др.

[38] *Pseudo-Kodinos.* P. 184. 20; *Guilland R.* Recherches. T. 1. P. 522–23.

стад (λογοθέτης τῶν ἀγγέλων)[39]. Действительно, Пахимер приводит такой эпизод. Когда Михаил VIII Палеолог, только что провозглашенный императором, захотел воспользоваться сокровищницей в Магнезии, ему в этом воспрепятствовали кельты, которые охраняли сокровищницу и подчинялись логофету стад Агиофеодариту[40], оставшемуся верным Ласкарям. Из этого факта делается вывод, что все варяги в империи подчинялись логофету стад. Представляется все же более верным, что логофету стад, ответственному за выращивание лошадей, мулов и ослов и пополнение ими кавалерии и обоза армии[41], подчинялись только те варяги (кельты), которые несли охрану императорской сокровищницы в Магнезии. Все же остальные, входящие в гвардию, находились под командованием аколютоса, чаще всего назначавшегося из их среды: так, в хрисовуле Алексея III от 1199 г. упомянут аколютос Иоганн Номукопул[42].

В императорскую гвардию входили и вардариоты, которые еще в XI в. заменили манглавитов. Независимо от того, были ли они потомками венгров, поселенных по реке Вардар в 934 г. (так считает Н. Икономидис)[43], или персов, захваченных императором Феофилом в 831–832 гг. (таково мнение Псевдо-Кодина и Р. Жанена)[44], их основные обязанности заключались в охране ворот дворца и выполнении некоторых полицейских функций: при шествии императора они наводили порядок в толпе с помощью короткого хлыста (μαγγάβιον) и палки[45], удары которой в других обстоятельствах пришлось испытать великому логофету и будущему историку Георгию Акрополиту[46]. Как и другие тагмы гвардии, они сопровождали императора в походе. Командовал ими примикирий вардариотов[47].

Наемники, составляющие существенную часть тагм императорской гвардии, были еще более многочисленны в действующей армии: латиняне, половцы и сельджуки образовывали отдельные контингенты. Поэтому в конце 40-х годов была создана должность великого коноставла, командующего всеми наемниками постоянной армии[48].

---

[39] *Karlin-Hayter C.* P. Op. cit. P. 112–113.

[40] *Pach.* I. P. 77. 25–32; 101. 20–24. О нем см.: PLP, 241.

[41] *Guilland R.* Les logothètes // REB, 1971, 29. P. 71.

[42] *Tafel F.* und *Thomas M.* Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit besonderer Beziehung auf Byzanz und die Levante. Wien, 1856. T. 1. S. 249.

[43] *Oikonomidès N.* Vardariotes: Hongrois installès dans la vallée du Vardar en 934 // Südost-Forschungen, 32, 1973. P. 1–8.

[44] *Pseudo-Kodinos.* P. 57; *Janin R.* Les Turcs Vardariotes // EO, 1930, 29. P. 437–449.

[45] *Pseudo-Kodinos.* P. 37, 268.

[46] *Acrop.* I. 131. 9–12.

[47] *Guilland R.* Recherches. T. 1. P. 304.

[48] *Pseudo-Kodinos.* P. 175. 12–13.

Им стал Михаил Палеолог[49]. В иерархии чинов он занимал 13-е место и подчинялся великому доместику и протостратору[50].

Структура фемных войск Никейской империи известна нам мало. Как называлось войско провинции, кто стоял во главе его, так как дуки фем выполняли только гражданские обязанности? Рискнем высказать на этот счет свои соображения. Еще из «Тактики» Льва и от Константина Багрянородного известен термин «ἀλλάγιον», который обозначил значительное войско солдат[51]. Этот термин употреблялся в XIII в.

Пахимер, рассказывая о войске деспота Иоанна, брата императора Михаила VIII Палеолога, в 1267 г. пишет: «τὸ δὲ στρατιωτικὸν ἐν ἀλλαγίοις... πλείστοις συνίστατο»[52], т. е. «войско состояло из многочисленных аллагиев». И далее историк разъясняет, что там был большой аллагий пафлагонцев, а также аллагии месофинийцев, фракийцев, македонцев, мизийцев (жителей Геллеспонта) и карийцев[53]. На наш взгляд, здесь указаны войска фем, обозначенные как аллагии. Подтверждением этой гипотезы может служить и подробное описание Георгием Акрополитом карьеры Константина Маргариты или турка Константина, так как прозвище Маргарита, вероятно, образовалось от Μαγαρίτης, что, по Дюканжу[54], означает сарацина, то есть турка-сельджука. Этот Константин Маргарита вначале служил рядовым в войске своей родной фемы Неокастры. Затем он стал чаушем, в феме, а вскоре и императорским чаушем, то есть командиром охраны императора, наводящей порядок в его эскорте[55], а при Феодоре II Ласкаре — архонтом аллагия и великим архонтом[56]. Последние два титула, как замечает Акрополит, до этого никто не имел[57]. Вместе со своим аллагием (τοῦ ἀλαγίου αὐτοῦ)[58], то есть войском фемы Неокастры, он участвовал в походе 1256 г. на Балканы и, в частности, к крепости Цепена.

Таким образом, если наша гипотеза верна, то войско фемы в этот период обозначалось как аллагий, а его командующий — как архонт аллагия[59]. Снабжение и обеспечение оружием войска в феме сейчас

---

[49] *Acrop.* I. P. 134. 11; *Pach.* I. P. 37.4.

[50] *Pseudo-Kodinos.* P. 137; Р. Гийян почему-то считает, что он занимал 11-е место в иерархии византийских чинов.

[51] См.: *Guilland R.* Recherches. T. 1. P. 524; *Kazhdan A.* ODB, 1, 991, 1. P. 67–68.

[52] *Pach.* I. P. 403. 10–11.

[53] Ibid. P. 403. 12–15.

[54] *Du Cange.* Glossarium ad scriptores mediae er infimae graecitatis. Lyons, 1688. P. 1563.

[55] *Pseudo-Kodinos.* P. 182. 18–21. Находился в подчинении великого примикирия.

[56] *Acrop.* I. P. 123. 6–18. Акрополит в данном месте вместо слова «ἀλλάγιον» употребляет «τάξις».

[57] Ibid. P. 122. 16–17. Великий архонт занимал 36-е место в табели о ранге.

[58] Ibid. P. 122. 3–4.

[59] Вероятно, вскоре во главе аллагия были поставлены чауши. См.: *Bartusis M. C.* The megala allagia and the tzaousios: aspects of provincial military organization in late Byzantium // REB, 1989, 47. P. 195–205.

осуществлялось стратопедархом, который до 1204 г. был главнокомандующим, а теперь по существу стал интендантом фемного войска[60]. Таким был стратопедарх Михаил Фока в 1235 г. в феме Фракезион[61]. Трансформация, чем-то схожая с изменением статуса дуки фемы.

В то же время следует отметить, что слово ἀλλάγιον могло иметь и другие значения: отряд императорской гвардии во главе с аллагатором или архонтом аллагия (так считает Р. Гийян)[62]; войско, расположенное на длительный срок в каком-либо районе империи. Последнее обозначение более всего имеет право на существование, так как после расширения территории империи за счет балканских областей фемные войска не только включались в состав действующей армии, но и часть их оставалась в качестве гарнизонов на Балканах[63].

Масштаб военных операций на Балканах в 40–50-е годы XIII в. и их успех во многом зависел от правильной организации снабжения войска питанием и снаряжением. Поэтому при Феодоре II, а может быть, уже при Ватаце была создана должность великого стратопедарха, отвечающего за снабжение армии всем необходимым[64]. Первым известным нам великим стратопедархом стал Георгий Музалон[65], а за ним Валандиот[66]. В иерархии чинов он занимал 11-е место[67]. В его подчинении находились как стратопедархи фем, так и стратопедархи отдельных частей армии: кавалерии, стрелков (арбалетчиков), дворцовой гвардии[68].

По-видимому, в правление Феодора II возникла идея создания отдельного руководства вооруженными силами на востоке и западе империи. Ибо никейскими войсками, расположенными на Балканах, командовал протостратор Иоанн Ангел[69], а находящимися в Малой Азии — протовестиарит Карионит[70]. Возможно, предполагалось вос-

---

[60] *Oikonomidès N.* Contribution à l'étude de pronia au XIIIe siècle // REB, 1964, 22. P. 162; *Guilland R.* Recherches. T. I. P. 393. 498–499, 502.

[61] MM, IV, 5, 18–19. 206. 232, 279.

[62] *Guilland R.* Recherches. T. I. P. 525; аллагаторы Константин (1235–1245) и Фока (1247).

[63] В начале XIV в. воины Балканских аллагиев наделялись землей и превращались в прониаров, которые были обязаны служить императору в своем родном районе и участвовать в ближайших военных компаниях в тяжелом вооружении в сопровождении слуг. — *Oikonomidès N.* A propos des armées des premiers Paléologues et des compagnies des soldats // TM, 1981, 8. P. 353–3H. Акты афонских монастырей донесли до нас некоторые имена прониаров большого аллагия в Фессалонике от 20-х гг. XIV в. См.: PLP, 19707, 26342, 92144, 92331.

[64] *Pseudo-Kodinos.* P. 171. 10–13; *Guilland R.* Recherches. T. I. P. 502–504.

[65] *Acrop.* I. P. 124. 6–7.

[66] *Pach.* I. P. 155. 9–10; PLP, 2057.

[67] *Pseudo-Kodinos.* P. 137.

[68] *Guilland R.* Recherches. T. I. P. 503–504.

[69] *Acrop.* I. P. 160. 6–10.

[70] Ibid. P. 159. 19–160.3; *Pach.* I. P. 89.29–**91.1; PLP, 11264.**

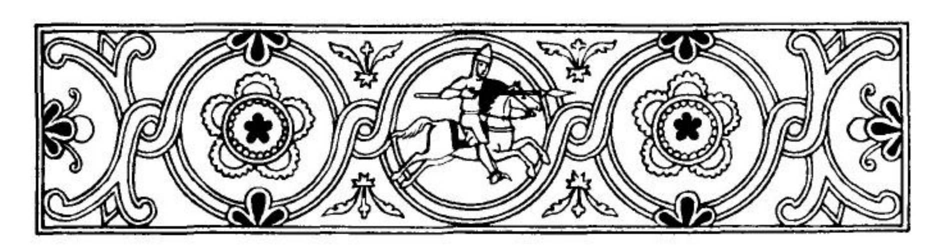
создать должности доместиков Востока и Запада, которые существовали до 1204 г.[71], но смерть Феодора II помешала этому.

Заканчивая рассмотрение структуры и командного состава сухопутных сил Никейской империи, следует сказать, что они в большей степени (особенно в гвардии) сохранили преемственность с эпохой Комнинов, поскольку от налаженной военной организации зависела как судьба самого государства, так и решение поставленных целей — восстановление Византийской империи. Однако потребности реальной жизни вносили свои коррективы в военную организацию и приводили к созданию новых должностей: великого коноставла, великого стратопедарха, архонта аллагия, чауша.

[71] См.: *Guilland R.* Recherches. T. 1. P. 588.

5 Зак. 3958

С. П. Карпов

«ЛЮДИ ИЗ ПАЙПЕРТА»

Полиэтничность Византийской империи в классические века ее истории была глубоко и всесторонне проанализирована в трудах Г. Г. Литаврина, обратившего внимание и на такие сравнительно малые этнические группы, как, например, халды[1]. От имени этого небольшого племени получила свое название целая византийская фема. Халды появляются и на страницах поздневизантийских агиографических текстов, повествующих о событиях истории Македонской династии (867–1056). Агиограф помещает их на южном Понте, вокруг Пайперта[2]. Кто же эти византийские халды, исторически связанные с Трапезундом? Как кажется, корпус агиографических сочинений, посвященных св. Евгению, способен пролить некоторый свет на этот еще не вполне ясный для IX–X вв. вопрос.

Автор Энкомия св. Евгению трапезундский ученый, протовестиарий начала XIV в., Константин Лукит отмечает, что именно Халдия и ее небольшие городки, Эдиска, Солохена и Годена, были прославлены св. Евгением. С ними, с понтийской периферией, он связывает начало его культа[3]. Лукит свидетельствует, что трапезундские мученики были халдейского рода[4]. Составитель синоптического свода чудес св. Евгения и Похвального слова святому трапезундский митрополит середины XIV в. Иосиф (Иоанн) Лазаропул также прямо называет

---

[1] См., напр.: *Литаврин Г. Г.* Византийское общество и государство в X–XI вв. М., 1977. С. 163, 174.

[2] *Rosenqvist J. O.* The Hagiographic Dossier of St. Eugenios of Trebizond in Codex Athous Dionysiou 154. A Critical Edition with Introduction, Translation, Commentary and Indexes. Uppsala, 1996 [Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Byzantina Upsaliensia, 5] (далее — HDSE). P. 210.119–126.

[3] HDSE. P. 166.882–883.

[4] HDSE. P. 162.810–811.

св. Евгения халдеем[5]. Использовавший разнообразный материал своих предшественников при описании событий, происходивших в правление Македонской династии[6], Лазаропул не раз отмечает разнообразные хозяйственные и духовные связи халдов, жителей Пайперта, с монастырем св. Евгения в Трапезунде. Не имевший в IX в. земли, проастиев, виноградников и иных владений близ Трапезунда, монастырь жил подаянием, в том числе халдов, жителей Пайперта и иных пограничных земель (τοῖς ἐποίκοις Παΐπερτ καὶ πᾶσι τοῖς πέριξ ἐκεῖσε ὁμόροις καὶ ἀστυγείτοσι καὶ Χαλδαίοις)[7]. Постепенно монастырь приобрел в собственность значительные земельные угодья вокруг Пайперта в Халдии. Настоятели или их посланцы нередко приезжали туда для наблюдения за сбором урожая и доставки продуктов[8], прикупали новые проастии и земли, в том числе у местных клириков, собирали пожертвования и ренту[9]. При этом связь монастыря св. Евгения и монастыря Христа Спасителя τοῦ Χάλδου в Сирмене ясно прослеживается по источнику[10]. Она сохранилась и в эпоху Великих Комнинов[11].

В эпоху Трапезундской империи (1204–1461) само понимание того, что есть Халдия, изменилось. Бывшая византийская фема оставалась в памяти[12], но действительной, административной фемой Халдия была уже не вся территория Понта, но лишь южная его область, лежащая за перевалами[13]. Это восприятие — дальнего и частично утраченного пограничья — влияет и на понимание того, чем была Халдия в Македонский период, в тех случаях, когда Лазаропул не следует прямо текстам Зонары или других, более ранних источников. Халд Лазаропула — не понтиец вообще, но именно обитатель внутренних, отдаленных от моря земель, простиравшихся от Зиганского прохода до Пайперта, вдоль оси, образуемой рекой Филабонит (Харшит)[14].

---

[5] HDSE. P. 294.882, 296.905.

[6] Ср., напр.: *Lampakis St.* Μακεδονική δυναστεία καί Μεγαλοκομνηνοί // Σύμμεικτα. 1989. T. 8. P. 319–334; *Карпов С. П.* Средневековый Понт. New York, 2001. P. 211–212.

[7] HDSE. P. 210.124–125.

[8] HDSE. P. 270.448–461, 278.579–582, 282.665–666, 292.826–828, 294.865–868, 304.1058–1062.

[9] HDSE. P. 270.448–272.485; 274.530–533; 278.574–282.662; 282.665–667; 292.826–827.

[10] HDSE. P. 272.482–485. См. о монастыре: *Terzopoulos A.T.* Η κατά τα Σύρμενα (Σούρμενα) Μονή του Σωτήρος Χριστού του επικαλουμένου του Χάλδου // ΑΠ. 1975–76. T. 33. P. 93–114; *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Washington, 1985. T. 1. [Dumbarton Oaks Studies, XX]. P. 327–328.

[11] Actes de Dionysiou / Ed. Oikonomidès N. Paris, 1968 (Archives de l'Athos. IV). T. 1. P. 97–101; *Terzopoulos A. T.* Η κατά τα Σύρμενα... P. 95–99.

[12] Именно как о древней, прежней (ἀρχή) вспоминает о ней Лазаропул: HDSE. P. 234.544.

[13] HDSE. P. 312.1200–1201; 258.241–242.

[14] *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments... P. 299–304.

Город Пайперт (по-турецки Байбурт, по-армянски Баберд) находился в Халдии, близ серебряных рудников, на древнем Великом шелковом пути, точнее, на его отрезке от Трапезунда к Феодосиуполю (Эрзеруму), соединявшем черноморское побережье с внутренней Анатолией[15]. Входя до конца XI в. в состав Византии, он играл особую роль как в продовольственном снабжении Понта, ибо контролировал хлебородную долину, так и в его обороне, благодаря мощной крепости, построенной на возвышенности[16]. Кроме того, он находился в лимитрофной зоне[17], где проживало армянское, греческое, а затем и тюркское население, за которую шла кровавая и долгая борьба между Византией и арабами, позднее — сельджуками, а затем — между туркменскими эмиратами и Трапезундской империей[18].

Район Пайперта и Халдии значительно отличался по природно-географическим условиям от приморского субтропического климата Южного Причерноморья. Это было засушливое плато, без леса, где даже тростник (как топливо и строительный материал), собираемый по течению неблизких рек, например, Сирмены, представлял большую ценность, а трость могла служить подарком даже епископу Пайперта[19]. Суровые зимы, редкие в приморских областях, были обычным явлением в области Пайперта и Халдии, где с конца октября проливные дожди и сильные ветры или дожди со снегом и затем обильные снегопады могли блокировать сообщение, на целые месяцы задерживая путешествующих, расстраивая связи севера Анатолии с ее юго-восточными областями и пограничьем. Холода могли держаться там вплоть до мая[20]. В IX в., по свидетельству источников, через Пайперт, помимо купцов и воинских отрядов, шли паломники с Кавказа и из Трапезунда в Иерусалим. В Пайперте старцы получали подаяние на этот трудный и далекий путь[21]. В Пайперте

[15] См. подробнее: *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments... P. 14–15, 352–355.

[16] Описания города и крепости средневековым авторами: *Рашид ад-Дин.* Переписка / Пер., изд. А. И. Фалииой // Памятники письменности Востока. М., 1971. Т. 17. С. 306; HDSE. P. 210, 270, 280–286, 294–296, 304; *Qazwini Hamdallah Mustawfi.* The Geographical part of the Nuzhat-al-Qulub / Transl. by G. le Strange. Leyden; London, 1919. P. 96; I Viaggi in Persia degli ambasciatori veneti Barbaro e Contarini, a cura di L.Lockhart, R. Morozzo della Rocca, M. F. Tiepolo. Roma, 1973 [Il Nuovo Ramusio, VII]. P. 152; *Челеби Эвлия.* Книга путешествия. Вып. 3. М., 1983. С. 208–211; *Hadji-Khalfa.* Djihan-Numa ou miroir du monde // Saint Martin de V. Description historique et géographique de l'Asie Mineure. Paris, 1852. T. 2. P. 653.

[17] См., напр.: *Арутюнова-Фидинян В. А* Армяно-византийская контактиая зона (X–XI вв.). М., 1994.

[18] *Bryer A.* Greeks and Türkmens: the Pontic Exception // DOP. 1975. T. 29. P. 113–148.

[19] HDSE. P. 304.1062–306.1086.

[20] HDSE. P. 294.870–877.

[21] HDSE. P. 280.626–628, 302.1009–1012.

была как греческая, так и армянская епископии. Греческая — суффраган Трапезундской митрополии — просуществовала по крайней мере до XVII в.[22]. Православные храмы в стиле трапезундской архитектуры продолжали строиться в самой цитадели Пайперта, даже когда он находился в руках тюркских эмиров в XIII в., что свидетельствует и о значительности там христианского населения, и о прочных связях с Понтом[23].

В эпоху Македонской династии халды были влиятельны на Понте. Дукой Халдии и Трапезунда был Иоанн Халд, сын основателя упомянутого монастыря Христа Спасителя в Сирмене[24]. Настоятель монастыря св. Евгения Антоний был окружен своими родственниками, братом, племянником и другими выходцами из Пайперта, на которых опирался и с которыми он советовался по важнейшим вопросам[25]. Другой игумен Ефрем, состарившись, передает управление монастырем также своему родственнику, племяннику Феодору[26]. Братом Ефрема был Феодосий, проживавший также в районе Пайперта[27]. Складывается впечатление, что братия монастыря принадлежала к определенной, обособленной от массы собственно трапезундцев, группе. Как увидим далее, испытывавшая к себе отнюдь не дружественные чувства местных греков, она, очевидно, идентифицируется с халдами. Но кто эти люди?

Халды — древнейший этникон Малой Азии. Он известен по урартским (как халиту), ассирийским и персидским источникам VIII–VI вв. до н. э. Но существовал ли халдский этнос в средние века или это было лишь историческое воспоминание, заимствованная атрибуция? Исследовавший проблему Э. Брайер приходит к первому заключению[28]. И действительно, и энкомиаст Константин Лукит[29] в начале XIV в., и автор «Трапезундской хроники» Михаил Панарет под 1374 г. используют имя халдов как этникон[30]. Халды, судя по тексту Лазаропула, воспринимались в его время как отдельная от гре-

---

[22] *Chrysanthos.* Ἡ Ἐκκλησία Τραπεζοῦντος // АП, 4–5. Athenai, 1933 (repr.:1973). P. 156–158, 160–164.

[23] *Ballance S.* The Byzantine Churches of Trebizond // Anatolian Studies. 1960. T. 10. P. 167; *Winfield D.* A Note on the South-Eastern Borders of the Empire of Trebizond in the Thirteenth Century // Anatolian Studies. 1962. T. 12. P. 163–172; *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments... P. 352–355.

[24] HDSE. P. 212.154–156.

[25] HDSE. P. 206–212. См. подробнее ниже.

[26] HDSE. P. 292.824–826.

[27] HDSE. P. 302.1002–1003.

[28] *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments... P. 299–300.

[29] HDSE, P. 162.810–811 (писал о *роде* халдов).

[30] Μιχαὴλ τοῦ Παναρέτου Περὶ τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν / Ed. O. Lampsides // **АП. 1958.** T. 22. P. 78.9.

ков этническая группа. Халды-воины защищали Трапезунд с юга и нападали на сельджукские войска в начале XIII в.[31] В их характеристике нередки и негативные оттенки. Монахи-халды из монастыря св. Евгения Стефан и Климент, отличившиеся пьянством в монастырских погребах, названы агиографом грубыми, невежественными и ленивыми простецами именно как представители рода халдов (Χαλδίους μὲν ὄντας τῷ γένει)[32]. Но на землях, принадлежащих патрикию Иоанну Халду и позднее переданных им монастырю Спасителя, основанному им же, под опекой местного епископа Григория в числе священников были и православные армяне, принадлежавшие к клиру. Они, Николай и Иоанн, названы именно подвластными (ὑπὸ χεῖρα ὄντες) покойному патрикию и епископу. С отцом Николаем св. Евгению, по житийному рассказу, пришлось разговаривать, к удивлению самого клирика, по-армянски[33]. Среди «халдов», как видим, были и армяне-халкидониты.

При императоре Романе I Лакапине (920–944), около 922 г., фема Халдия оказалась затронутой сепаратистскими (или узурпаторскими?) поползновениями местных стратигов, имевших поддержку среди недовольного (усилением налогового бремени или притеснениями динатов?) местного населения. По наущению стратига Варды Воилы халд Адриан и богатый армянин Тацак подняли восстание и даже захватили крепость Пайперта (Байбурта) на юге фемы. Мятеж был решительно подавлен доместиком схол Иоанном Куркуасом, главари его лишились имущества, некоторые были ослеплены (Тацак) или пострижены в монахи (Варда Воила). Восстание имело, видимо, социальную базу и в низах: источники упоминают «убогих и незнатных», которых, однако, Куркуас отпустил, не подвергнув наказанию[34]. Восстание, видимо, не затронуло Трапезунда и приморских городов фемы. Сам магистр и доместик схол Куркуас, армянин по происхождению, был виднейшим полководцем Византии, он одержал немало побед в войне с арабами, восстановил границу Византии на Востоке по Евфрату и Тигру, а на Кавказе — по реке Фасис (Аракс) и даже породнился с императором Романом. Его сын, патрикий Роман, был стратигом многих фем, а род Куркуа-

---

[31] HDSE, P. 322.1389–1390, 328.1495–1496.

[32] HDSE, P. 274.532–534.

[33] HDSE, P. 278.574–579, 282.652–662.

[34] Theophanes Continuatus. Ioannes Cameniata. Symeon Magister. Georgius Monachus / Rec. J. Bekker. Bonn, 1838: *Theoph. Cont.* De Romano Lacapeno, VI, 12, P. 404; *Symeon Magister.* P. 734.8–18; Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Изд. подг. Я. Н. Любарский. СПб., 1992. С. 168; *Каждан А. П.* Деревня и город в Византии. IX–X вв.: Очерки по истории византийского феодализма. М., 1960. С. 359–360.

сов[35] сумел укорениться в феме Халдия, где двоюродный брат Иоанна, патрикий Феофил (дед императора Иоанна Цимисхия) стал стратигом и, как и Иоанн Куркуас, одержал много славных побед, в частности, отвоевал у арабов Феодосиуполь (Карин)[36]. Быть может, именно при императорах Македонской династии, или даже раньше, и началась традиция правления наследственных полководцев — стратигов и дук Халдии, связанных с Понтом, владевших там землей или происходивших из тех мест. В их числе был и упомянутый выше дука Халдии и Трапезунда Иоанн Халд[37]. И знаменитые мятежи X в., возможно, имеют некоторые корни в предшествующем периоде. Интересные данные об этом мы встречаем в еще недостаточно изученном корпусе агиографических произведений, посвященных св. Евгению Трапезундскому, увидевшем свет недавно в новом критическом издании Я. О. Розенквиста.

Жители богатых внутренних областей Халдии, прежде всего долины Пайперта, приезжали в Трапезунд на праздники и снабжали монастыри (и города) морского побережья продуктами. Они, как уже отмечалось, составляли своего рода семейный клан, управлявший какое-то время монастырем св. Евгения[38]. По косвенным данным можно судить, что отношения этих «пайпертцев» или, шире, «халдов» и жителей Трапезунда и его округи не были, несмотря ни на что, слишком хорошими.

Примечателен не получивший должной оценки в историографии рассказ о едва не произошедшем в Трапезунде восстании в правление Василия I (867–886). Иоанн Лазаропул рассказывает историю с откровением св. Евгения о дате его рождения 24 июня. Сначала святой сообщает об этом благочестивому клирику Льву Фотину, брату протопсалта Антония. Лев немедленно рассказывает о чуде игумену монастыря св. Евгения Антонию. Игумен, однако, почти год не открыл сообщенного ему, ожидая, как писал агиограф, удобного случая, за что сам святитель, явившись Антонию накануне праздника, упрекнул его в небрежении и заботе о суетном. Игумен колебался. И лишь после третьего явления святого некоей благочестивой жене сапожника Панфария решился устроить празднование, но и тогда лишь на свои соб-

---

[35] См. о нем: *Каждан А. П.* Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975. С. 13–14; *Он же.* Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974. С. 96, 105, 120, 125, 149, 176, 179, 201, 212.

[36] *Theoph. Cont.* De Romano Lacapeno. VI, 40–42, P. 426–428. Продолжатель Феофана... С. 176–177; *Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Изд. Г. Г. Литаврин и А. П. Новосельцев. М., 1989. С. 194–203.

[37] HDSE. P. 212.154–157.

[38] HDSE. P. 206–212.

[39] HDSE. P. 206.36–210.118.

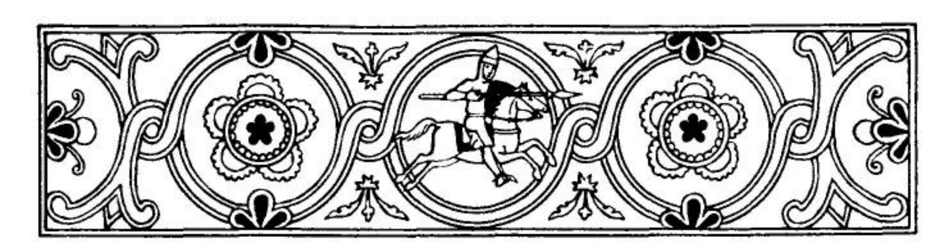
ственные средства[39]. Что побуждало игумена к осторожности? Неверие или небрежение? Рассказ Лазаропула не оставляет такого впечатления. Установление нового летнего праздника было явно выгодно монастырю, когда многочисленные паломники могли прийти и принести ему обильное подаяние. Тогда что же? Халд Антоний долго не решался открыть трапезундцам чудо, опасаясь их противодействия «из-за боязни слабости и неверия человеческой природы» местных жителей[40]. Праздник стал готовиться Антонием лишь при содействии брата, племянника, иных кровных родственников и близких, приглашенных на торжество и обеспечивших его деньгами и всем необходимым[41] . После очередного чуда, явленного Антонию опять-таки в присутствии близких родственников, племянника и его жены, Антоний отправил гонцов за деньгами и с приглашением к иным богатым родственникам, а также «неким избранным из тамошних мест и стратиотам» прибыть в Трапезунд[42] . Видимо, халды монастыря хотели сделать праздник «своим», особым. Лишь затем последовало объявление о чуде и о празднике дуке фемы, также халду Иоанну и митрополиту Афанасию Демонокаталиту (после 843 — ок. 886), «изгонятелю бесов»[43], дабы праздник обрел официальный статус[44]. С их согласия, в присутствии клира, высших оффициалов и приглашенных начали празднование. Но это вызвало резкое столкновение с жителями самого Трапезунда, не приглашенными и не допущенными в монастырь. Среди недовольных были и видные стратиоты, и богатые купцы, и монахи и клирики других обителей и церквей, и простонародье. Они стали оскорблять грубыми словами игумена и его монахов, пытались схватить «чужаков» и расправиться с «людьми из Пайперта» (τοὺς τ' 'εκ Παΐπερτ συνεληλυθότας... ἅπαντας)[45]. Конфликт имел и социальную окраску. Трапезундцы из низов упрекали настоятеля в том, что он созывал лишь знать и клириков, отвергая тех простых людей, которые много лет заботились о раке святого. Лишь вмешательство и вразумление мудрого архиерея, почитаемого чудотворцем, предотвратило кровавые эксцессы[46]. Не изгнание ли и этих бесов утвердило за ним прозвище, с которым он вошел в историю? Удивительно, что исследователи, как кажется, не оценили должным образом эти уникальные

[40] HDSE. P. 210.127–131.
[41] HDSE. P. 210.131–136.
[42] HDSE. P. 210.137–212.152.
[43] См. о нем: *Пападопуло-Керамевс А. И.* 'Αθανάσιος ὁ Δαιμονοκαταλύτης // **ВВ, 1906. Т.** 12. С. 138–141; *Chrysanthos.* 'Η 'Εκκλησία... Σ. 152–153, 217–221.
[44] HDSE. P. 210.127–212.163.
[45] HDSE. P. 212.164–174.
[46] HDSE. P.212.174–214.189.
[47] HDSE. P. 214.189.

сведения о социальных антагонизмах на Понте в IX в., закрепившихся в памяти трапезундцев (а вероятно, и не изжитых) и в веке XIV, когда писал хлебнувший немало горя в гражданской войне преемник владыки Афанасия митрополит Иоанн Лазаропул. Между тем, он называет их достаточно выразительно — ἔνστασις — это еще не мятеж или выступление, но противоборство, протест[47]. Я. Розенквист предполагает, что эти столкновения имели этнический характер из-за влияния армян-халкидонитов в монастыре и возможности (впрочем, не очевидной) армянского происхождения игумена и его родственников[48]. Но Лазаропул не называет армян, а более абстрактно говорит об обитателях Пайперта, жителях окрестных мест и пограничья и о «халдеях»[49], что не дает оснований для слишком смелых заключений, хотя, конечно, армянское население было значительным в долине Пайперта в течение всего средневековья. Халды периферии оставались реальной этнической группой понтийского населения, все более заметной компонентой которой, возможно, становились и армяне-халкидониты[50].

[48] HDSE. P.72.
[49] HDSE. P.210.124–125.
[50] Работа выполнена в рамках Гранта РГНФ № 00–01–001080.

Н. Ю. Ломоури

ВИЗАНТИЙСКАЯ ПОЛИТИКА В ЗАПАДНОЙ ГРУЗИИ В VI–VIII вв.

Активная внешняя политика императора Юстиниана I нашла свое отражение и в положении закавказских стран, которые также превратились в арену довольно острых столкновений Византии и сасанидского Ирана, где на престол в 531 г. вступил достойный соперник Юстиниана шах Хосров I Ануширван. Не ставя в данном случае своей целью рассмотрение довольно сложных и изменчивых противостояний Византии и Ирана, мы хотим показать положение одной из закавказских стран — древней Колхиды, Лазики византийских источников, т. е. Западной Грузии. Этот регион еще с 60-х гг. I в. до н. э. вошел в непосредственное подчинение Рима и с тех пор оставался в этом же положении, хотя статус его менялся. С IV в. проживающие на территории Западной Грузии племена, во II–III вв. имевшие формально собственных правителей, но остававшиеся в вассальной зависимости от Рима, стали постепенно объединяться под руководством племени лазов, занимавших центральную часть Западной Грузии, и здесь постепенно вновь сложилось единственное царство, подчинившее как мегрело-чанские и сванские, так и абхазо-адыгские племена (зидритов, лазов, апсилов-абазгов, санигов, мисимиан, сванов), и занявшее всю территорию, некогда занимаемую Колхидским царством[1].

Объединение всей Западной Грузии под эгидой лазов и постепенное приобретение Лазским царством все большей независимости, являлось следствием значительного ослабления со второй половины IV в. позиции Восточно-римской империи на Востоке. К 70-м гг. IV в. факти-

---

[1] *Ломоури Н. Ю.* Грузино-римские взаимоотношения. Тб., 1981. С. 208–242, 266–291; *Он же.* История Эгрисского царства. Тб., 1968. С. 67. (на груз. яз; здесь основная литература).

чески все Закавказье — бо́льшая часть Армении, Албания, Иберия — оказалось в руках сасанидского Ирана. В таких условиях Риму нужен был в Закавказье сильный союзник, ему было важнее иметь в Западной Грузии не покорных, но слабых вассалов в лице мелких княжеств, а сильного союзника, имевшего возможность противостоять Ирану и способствовать сохранению Римом хотя бы этого плацдарма. Стимулировалось это положение и активизацией северных кочевников и их набегами на восточные провинции Римской империи. Реальной преградой и здесь должно было служить относительно сильное Лазское царство[2]. Следовательно, усиление Лазского царства происходило не вопреки интересам Рима, а, наоборот, при его политической поддержке.

Объединив всю Западную Грузию, цари лазов продолжали оставаться в вассальной зависимости от византийского императора, но эта зависимость носила лишь формальный характер. На территории Лазики в IV–V вв. уже нигде не были расквартированы имперские гарнизоны. Византийские историки прямо пишут, что лазы не платили дани и ни в чем другом не подчинялись ромеям, их единственной обязанностью была защита северных рубежей от набегов кочевых племен[3].

Внешним выражением вассальной зависимости от Византии являлся обычай назначения царя: «Когда у них (у лазов. — *Н. Л.*) умирал царь, — пишет Прокопий, — царь ромеев посылал наследнику престола символы власти»[4]. А Агафий подробно перечисляет те знаки царской власти, которые по издревле принятому обычаю император посылал лазским царям[5]. Царь лазов имел и собственных вассалов, которые на разных условиях подчинялись ему. Так, абхазско-адыгское племя апсилов, некогда имевшее собственного правителя, частично присоединялось к абазгам, и южной границей этого апсило-абазгского объединения стала река Кодори. Непосредственно входило в состав Лазики и проживающее в ущелье реки Кодори сванское племя мисимиан. Своих правителей, хотя и подчинявшихся лазскому царю, имели абазги, жившие северо-западнее них, саниги (мегрело-чанское, т. е. занское племя), высокогорные сваны и сквимнийцы, т. е. жители области Лечхуми[6].

Политическая ситуация в Западной Грузии не всегда была одинаковой. Известны попытки лазских царей освободиться от всякой зави-

---

[2] *Меликишвили Г. А.* К истории древней Грузии. Тб., 1959. С. 379–380; Очерки истории Грузии. Т. II, Тб., 1988. С. 112–117.

[3] *Ломоури Н. Ю.* К выяснению некоторых сведений Notitia Dignitatum и вопрос о так называемом Понтийском лимесе // ВВ. Т. 46, 1986. С. 59–74.

[4] *Prokop.* De BP. II, 15.

[5] *Agath.* Hist. III, 15.

[6] Подробно об этом: *Мусхелишвили Д. Л.* Основные вопросы исторической географии Грузии, Тб., 1977. С. 117–131 (на груз. яз.); Очерки истории Грузии. Т. II. С. 117–118.

симости от Византии; в 50–70-х гг. горная Сванетия вышла из-под подчинения лазского царя и временно примкнула к Ирану. Однако в основном Западная Грузия оставалась в сфере влияния Византии.

Ситуация резко изменилась при имп. Юстиниане, который провел ряд решительных мероприятий для укрепления позиций Византии в Западной Грузии, чем вызвал сильное недовольство в правящих кругах Лазики, открыто перешедших на сторону Ирана. С 40-х гг. VI в. Западная Грузия стала ареной длительных, почти 20-летних военных действий между Византией и Ираном; в войне активно участвовали местные жители, причем неоднократно меняли свои позиции, борьба шла с переменным успехом; имели место восстания против Византии и самой Лазики в Апсилии, Абазгии, Кодорском ущелье, в Сванетии. Однако окончательного успеха добилась все же Византия. По мирному договору 562 г. Лазика осталась в подчинении империи, и Иран был вынужден примириться с потерей своих позиций в Западной Грузии, хотя конфликт не был полностью исчерпан, ибо Сванетия не признавала ни власть Византии, ни верховенство лазского царя. Лишь в 90-х гг. VI в., при императоре Маврикии, Византия смогла подчинить Сванетию и, более того, она на какое-то время смогла проникнуть и в Иберию[8].

Борьба между Византией и Ираном на территории Лазики имела также следствием ослабление Лазского царства, распад его внутренней структуры. В течение последующих десятилетий некогда бывшие вассалами лазского царя абазги и саниги, апсилы, мисимиане и высокогорные сваны ему фактически не подчиняются. Антивизантийские выступления этих племен были реально направлены против власти лазского царя. Имперское правительство использует это обстоятельство для ослабления и расчленения Лазского царства. Происходит это не сразу, поэтапно, и, к сожалению, не всегда точно известно конкретно, когда и как этот процесс происходил.

Основные результаты нам представляются в общих чертах следующим образом: уже в середине VI в., после восстания абазгов, о котором повествует Прокопий[9], византийское правительство отторгло Абазгию от Лазского царства и непосредственно подчинило себе. Поскольку после этого в византийских источниках уже не упоминаются саниги, надо полагать, что административная область империи — Абазгия включала в себя и расположенную к северо-западу от

---

[7] *Ломоури Н. Ю.* История Эгрисского царства. С. 80–84.

[8] События эти изложены во всех работах по истории Византии этого периода; особенно подробно даны они в исследованиях грузинских историков: Ив. Джавахишвили, С. Джанашиа, С. Каухчишвили, Г. Гозалишвили и др.

[9] *Procop.*, De BG. VIII, 3.

нее территорию санигов. Что касается апсилов и мисимиан, то они продолжают оставаться в юрисдикции эгрисских царей, хотя византийская администрация все активнее вмешивается во внутренние дела этих областей. Конечно, после того как в Даре в 561 г. был заключен мир между империей и Ираном и последний отказался от Лазики, власть Византии в Западной Грузии все больше усиливалась, а лазские цари теряли и формальные признаки независимости, которые они имели до того. Таким образом, северо-западная граница Лазского царства, не так давно проходившая по реке Шахе или Псоу, теперь переместилась значительно южнее, примерно на реку Гумиста[10].

Еще больше укрепляются позиции Византии в результате иранских походов императора Ираклия, осуществленных при участии закавказских стран и обеспечивших на какое-то время усиление господства империи не только в Лазике, но и в Иберии. Примечательно, что, по сведениям Феофана, к Ираклию прибыли вспомогательные отряды из лазов, абазгов и иберов[11]. Таким образом, это сведение подтверждает раздел Лазики и абазгов[12]. Надо полагать, именно в это время была упразднена в Лазике царская власть и во главу Лазики был поставлен администратор, носящий титул патрикия[13].

Патрикий Лазики упоминается в связи с более поздними событиями, когда, согласно рассказу Феофана Исповедника, в 697 г. патрикий Лазики Сергий, сын Барнука, восстал против императора (подразумевается Лев Исаврийский) и подчинился арабам[14]. Ясно, что в это время Лазикой правит уже не царь, а византийский администратор патрикий, и реально упразднение царской власти скорее всего, как правильно предполагает С. Н. Джанашиа, должно было осуществляться при Ираклии[15]. Таким образом, примерно в 30-х гг. VII в., после победоносного завершения войны с Ираном, император с целью окончательного упрочения своей власти во всем Закавказье лишил и Западную Грузию всякой, даже формальной, самостоятельности, поставив здесь своего правителя. Следовательно, в результате мероприятий византийского правительства некогда единое и формально самостоятельное Лазское царство, простиравшееся вдоль всего восточного побережья Черного моря — от реки Псоу до сектора устья реки Чоро-

---

[10] *Ломоури Н. Ю.* Абхазия в позднеантичную и раннесредневековую эпохи // Разыскания по истории Абхазии / Грузия. Тб., 1999. С. 100–101 (далее — Разыскания...).

[11] *Theophanis* Chronographia. I. P. 309.

[12] *Ломоури Н. Ю.* Иранские походы императора Ираклия и Грузия, // Византийские очерки. М., 1991. С. 31–44.

[13] Очерки истории Грузии. Т. II. С. 170–171 (здесь же литература).

[14] *Theophan.* Chronogr. I. P. 566.

[15] *Джанашиа С. Н.* Феодальная революция в Грузии // Труды. Т. I. 1949. С. 88–89 (на груз. яз.).

хи, было разделено на две части: Абазгию во главе с архонтом и Лазику под управлением патрикия. Такие мероприятия имели целью противопоставить друг другу различные области Западной Грузии, заселенные разными племенами, и ослабить Лазское царство, обеспечив полное господство империи.

Однако появление на политической арене арабов и их проникновение в Закавказье привели к противоположным результатам, к ослаблению византийских позиций во всем Закавказье, в частности, и в Западной Грузии.

Какое-то время апсилы и мисимиане оставались в составе Лазского царства, но к началу VIII в., как явствует из анализа грузинских источников, эти области также вошли в состав Абазгии, и к этому времени завершился процесс образования отдельной политической единицы, независимой от Лазики, непосредственно подчиненной Византийской империи, именуемой византийскими источниками архонтством Абазгия, а грузинскими — эриставством Апхазети[16]. Граница между Лазикой и Абхазией (Абазгией) проходила примерно по реке Келасури, т. е. чуть южнее Себастополиса — Сухуми. В научной литературе высказано мнение, что «Абхазское владетельство» (Абхазское эриставство) охватывало область от реки Келасури на юге до реки Нечепсухо на севере[17].

На каком основании З. В. Анчабадзе считает северной границей Абхазского эриставства реку Нечепсухо (у древнего города Никопсиса, северо-западнее нынешнего Туапсе), уже для этого времени сказать трудно. Ссылка на автора X в. Епифания Кипрского или на грузинские летописи XI в. не может быть оправдана для воспроизведения ситуации VII–VIII вв., поскольку именно после IX в. в этом регионе произошли значительные перемены. Если мы примем во внимание то обстоятельство, что в архонтство Абазгии вошли и проживающие северо-западнее абазгов саниги, а северо-западная граница последних, согласно имеющимся сведениям древних авторов (Арриан, Аноним V в., Прокопий и др.), проходила примерно по реке Шахе[18], надо полагать, что именно эта последняя и являлась границей Абхазского эриставства.

Здесь следует обратить внимание на сведения византийских списков церковных кафедр, т. н. «Эктезисов», или «Нотиций», где среди

[16] Эристави — буквально «глава народа»; в Грузии эриставы были первоначально административными правителями политических единиц, назначаемыми царями, а позднее владетелями крупных феодальных вотчин.

[17] *Анчабадзе З. В.* Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959. С. 66–69; *Он же.* Очерки этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976. С. 48–52.

[18] *Tomaschek W.* RE. 2 Bd. S. 1890; *Müller C*, GGM. Parisii, 1855; *Инадзе М. П.* Древнее население Абхазии // Мнатоби, 1992, № 3. С. 165 (на груз. яз.); *Ломоури Н. Ю.* Абхазия в античную и раннесредневековую эпохи. Тб., 1999. С. 19.

кафедр, подчиненных Константинопольскому патриарху, отдельно упоминается автокефальные епископы Джикетии и Абазгии, а также митрополит Лазики. В епархии Джикети[19] названы три епископа с резиденциями в Херсонесе, Боспоре и Никопсисе, а центром епархии Абазгии указан г. Себастополис. Митрополит Лазики имеет резиденцию в г. Фазисе. Такая картина представлена в «Нотициях» VII–IX вв.[20]

По нашему мнению, все это означает, что в то время, когда составлялись вышеуказанные списки, Джикети и Абазгия являлись отдельными не только церковными, но и административными областями. Ведь такую картину имеем мы и в Абазгии и Лазике — их административному разделению соответствует и церковное. Следовательно, область Никопсиса не входила в состав Абхазского эриставства, и северо-западная граница последнего проходила значительно юго-западнее реки Нечепсухо.

Лишь позже, когда абхазские цари осуществили объединение всей Западной Грузии и отделились от Византийской империи, очевидно, они присоединили и часть Джикетии с городом Никопсисом (Никопсия грузинских источников). Об этом повествуют и источники X–XI вв. и, что самое главное, более поздняя группа церковных «Нотиций», отображающих ситуацию, когда западно-грузинская Церковь вышла из юрисдикции Константинопольского патриарха. В этих поздних «Нотициях» уже нет упоминания ни фазисского митрополита, ни епископа Себастополиса, т. е. Абазгии, ни епископа Никопсийского, тогда как епископ Херсона и Боспора продолжают фигурировать в составе Джикетской епархии[21].

Сами по себе сведения названных «Нотиций» интересны и в том смысле, что отображают общее направление политики Византийской империи в Западной Грузии. Мы, к сожалению, не знаем, каковы были структура и статус западно-грузинской Церкви до VII в. (этим веком датируется самая ранняя из дошедших до нас «Нотиций»), но высказано предположение, что система подвластных Константинопольскому патриарху кафедр сложилась при Юстиниане I, т. е. в VI в. По другим предположениям, система эта окончательно сформировалась при импе-

---

[19] Джики — в греч. источниках Ζικχοί (Ζηκχοί), адыгские племена, проживающие северо-западнее санигов, на реке Шахе.

[20] Церковные «Нотиции», или «Эктезисы», изданы, как известно Г. Гельцером и Г. Партеем. Мы в данном случае пользуемся изданием С. Г. Каухчишвили (греческий текст и грузинский перевод), поскольку им дана классификация и соответствующая интерпретация этих сведений; см.: Георгика: Сведения византийских писателей о Грузии. Т. IV. Вып. II, Тб., 1952. С. 126–202.

[21] Георгика. IV, 2. С. 192–208; *Бердзенишвили Н. А.* Вазират в феодальной Грузии // Вопросы истории Грузии. Т. III. Тб., 1966. С. 42; *Лордкипанидзе М. Д.* Политическое объединение феодальной Грузии. Тб., 1963. С. 182 и сл. (обе на груз. яз.); Разыскания... С. 108–103.

раторе Ираклии, в начале VII в.[22] Так или иначе, в то время когда происходит отделение Абхазского эриставства от Лазского царства, произошло и церковное разделение Западной Грузии: Абазгия получила самостоятельный не только административный, но и церковный статус.

Разделение Западной Грузии на две части, упразднение в Лазике царской власти имели своей целью упрочение господства империи в этом регионе и, по замыслу правящих кругов Византии, создание здесь более прочного плацдарма для распространения своего влияния в Закавказье. Однако реальные результаты оказались совершенно иными. Борьба с арабами развивалась в VII в. успешнее для последних, и, как было указано, в 697 г. патрикий Лазики призвал арабов и передал им свою страну. Воспользовавшись тяжелым внутриполитическим положением империи при Юстиниане II, рядом поражений на внешней арене, патрикий Лазики Сергий пытается с помощью арабов, обосновавшихся довольно прочно в Армении и Картли-Иберии, освободиться от своей зависимости от Византии. Арабы в то время, как видно, довольно прочно обосновались в Западной Грузии. По сведениям того же Феофана, в период вторичного воцарения Юстиниана II (705–711) арабы владеют фактически всей Западной Грузией, в том числе и Абазгией, их войска стоят в столице Лазики Археополисе и крепостях Кодорского ущелья. Попытки Юстиниана восстановить свою власть в этом регионе не дали никаких результатов[23].

Ситуация несколько меняется после прихода к власти Исаврийской династии, основатель которой Лев III смог разбить арабов на подступах к Константинополю в 717 и 718 гг. и отобрать у них инициативу[24]. Правда, арабы не прекращают борьбы, и Армения с Картли вновь остается подвластной им, и они даже ожесточают здесь свой режим, но Западную Грузию, как видно, Византия смогла вернуть, во всяком случае последующие события дают основание это предполагать.

Самой реальной иллюстрацией этого является сохранившийся в грузинской летописи и в агиографическом произведении рассказ о нашествии арабского полководца Мервана ибн-Мухамеда. Сведения о том, что Мерван совершил поход в Хазарию в 30-х гг. VIII в. и по дороге разорил и опустошил также страны Закавказья, имеются и у арабского историка Баладзори[25], и у армянского историка Иоанна

[22] *Kollautz A.* Abazgen, heute Abchasen, Reallexikon der Byzantinistik. 1. Bd., Abt. S. 31, 3b (здесь же литература).

[23] *Theoph.* Chronogr. I. P. 600–607; История Византии. Т. II, М. 1967. С. 45–47.

[24] *Schenk K.* Kaiser Leon III. Halle, 1880. С. 71–80; *Guilland R.* Etudes byzantines. Paris, 1959. P. 109–133.

[25] Из сочинения Баладзори «Книга завоевания стран». Текст и перевод П. К. Жузе. Баку, 1927.

Драсханакертци[26], но упоминания о походах Мервана в Картли и Западную Грузию сохранились лишь в грузинских источниках. В рассказе грузинской летописи обращает на себя внимание то обстоятельство, что тогдашний правитель Стефаноз разделил свои владения между своими сыновьями Арчилом и Михром; последнему отдал Эгриси, т. е. Западную Грузию, или Лазику, и здесь очень определенно указано, что Западная Грузия делится на две части — Эгриси и Абхазети, граница между которыми проходит по Клисури (скорее всего река Клисури или река Кодари), и в Абхазети правит подвластный грекам («бердзени»), т. е. византийцам, эристав Леон[27].

В то время, согласно летописи, в Картли против арабов восстал эрисмтавари («глава эриставов») Арчил, который, разбитый Мерваном ибн-Мухамедом (за свою жестокость прозванным грузинами Мурваном Глухим), укрепился в Эгриси у своего брата Михра. Мерван вторгся в Западную Грузию, опустошил страну, разорил города и, перейдя через реку Келасури, вторгся в пределы уже «Сабердзнети», т. е. Византии, взял город Цжуми и подступил к городу Анакопии, где заперлись Арчил и Михр, в то время как эристав Абхазии Леон укрылся в крепости Собгиси. У Анакопии Мерван потерпел поражение, отступил в центральную часть Эриси, потом в южные области Грузии, все здесь опустошил и в 737 г. направился уже в Хазарию[28].

Примечательно, что во всех этих событиях ни в каком аспекте не упоминается Византия, хотя, казалось бы, она должна была оказать хоть какую-либо помощь своим вассалам. Конечно же, грузинским летописям не во всем можно доверять, особенно такому автору, как Джуаншер, описавшему эти события и неоднократно допускающему анахронизмы и неточности[29], но общая ситуация, подтверждаемая и агиографическим памятником, и некоторыми данными археологии, кажется в основном верной. Несмотря на отдельные успехи императоров Исаврийской династии в борьбе с арабами, последние прочно обосновались в Закавказье, а в самой империи развернулась острая борьба между ортодоксальной Церковью и иконоборцами, обострились конфликты с Римским папой; все это делало империю внутренне нестабильной, что и ослабляло ее позиции в Западной Грузии.

---

[26] *Драсханакертский Иоанн.* История Армении / Груз. перевод Е. Цагарейшвили. Тб., 1965.

[27] Мы используем перевод данной летописи Г. В. Цулая в его книге: Летопись Картли // Памятники грузинской исторической литературы. Кн. IV. Тб., 1982. С. 36–41.

[28] См. указ. перевод. Г. В. Цулая. С. 36–41 и также: Мученичество Давида и Константина // Хрестоматия древнегрузинской литературы. Кн. I. Тб., 1946. С. 238 (на груз. яз.).

[29] Об отрицательных и явно неправдоподобных сведеииях Джуаншара см. нашу работу: Грузино-византийские взаимоотношения в V в. 1989. С. 29 сл. (на груз. яз.) и с. 87 (русского резюме).

6 Зак. 3958

Есть еще один важный момент, который также способствовал усилению антивизантийских позиций в Западной Грузии, как в Лазике, так и в Абхазии. Дело в том, что в VIII–IX вв. происходит процесс консолидации грузинских этнических групп в единый грузинский народ под главенством племени картов, т. е. восточно-грузинской этнической группы; если точнее выразиться, этот сложный и многоплановый процесс в названные века приближается к своему завершению, а начался он задолго до того, еще в эллинистическую эпоху (если не раньше), когда в Западную Грузию, первоначально в ее восточные, пограничные с Иберией, и затем и в центральные области проникают не только восточно-грузинские культурные влияния, но, очевидно, и первые потоки самого восточно-грузинского населения. Это способствовало в определенную эпоху установлению и политического господства в этих регионах Иберии[30]. Установление арабского господства в Восточной Грузии (особенно тяжелый характер оно носило в центральной части Иберии) способствовало оттоку здешнего населения в окраинные районы Грузии, в том числе и в Эгриси, и форсированию консолидации как картвельских — сванских, мегрело-чанских, так и некартвельских — абхазо-адыгских этнических групп в единый картвельский народ. Этот процесс, сопровождавшийся стремлением к единому языку, культуре, письменности, Церкви, этническому самосознанию и политическому единству, являлся значительным стимулом в борьбе как с арабским игом, так и с византийским господством.

Таким образом, политическая ситуация, сложившаяся в Западной Грузии в результате мероприятий византийских властей, включение в противоборство на территории Закавказья арабов и, в особенности, процессы, протекающие в самой Грузии — консолидация грузинских племен в единую народность, куда оказались интегрированы и абхазо-адыгские племена апсилов и абазгов, привели к все большему ослаблению византийской власти и влияния в Западной Грузии, что завершилось в конце VIII в. полной потерей империей всей Западной Грузии, притом потерей окончательной, безвозвратной.

В конце VIII в., согласно грузинским источникам, эристави Абхазии, т. е. архонт Абазгии, Леон II, при поддержке хазарского хакана, используя внутренние неурядицы в Византии, объявляет свою независимость от империи и принимает титул «царя абхазов», как царь — Леон I. Одновременно он присоединяет всю остальную Западную Гру-

---

[30] Мы не рассматриваем здесь подробно этот процесс, поскольку он достаточно хорошо исследован в грузинской историографии; сошлемся на основные работы: *Бердзенишвили Н. А.* Вопросы истории Грузии. Тб., 1990. С. 590–597, 604–605: *Хоштария-Бросе Э.* Средневековая история Абхазии и вопрос национальной консолидации абхазов // Мнатоби, 1992, № 4. С. 160–165 (обе на груз. яз.); *Лордкипанидзе О.* Наследие древней Грузии. Тб., 1989. С. 189 сл.; Очерки истории Грузии. Т. II. С. 177 сл.

зию, т. е. Эгриси, и, таким образом, возникает независимое царство абхазов, т. е. Абхазское царство[31]. Надо помнить, что это была эпоха, когда на всей территории Грузии формируются и другие крупные княжества и царство: на востоке — Кахетское и Эретское княжества, впоследствии объединившиеся в Кахет-Эретское царство, в юго-западной части Грузии — т. н. Тао-Кларджетское княжество, во главе которого стоял род Багратионов, наиболее известный из них носил титул куропалата; область города Тбилиси — Тбилисский эмират был оплотом власти арабов, но по составу населения и социальной структуре являлся одним из грузинских объединений. Остальная часть центральной Картли, управляемая эрисмтаварами из рода Багратиони, после ухода последних в Тао-Кларджети в начале IX в. оставалась во власти крупных феодалов[32]. И вот с IX в. между этими крупными феодальными образованиями начинается борьба за первенство, что приводит в конце X в. к созданию единого грузинского государства — по-грузински «Сакартвело».

Именно в эти процессы активно включается Абхазское царство, сыгравшее в дальнейшем значительную роль в формировании объединенной Грузии.

На этом фактически можно было бы завершить представленную работу, однако мы считаем необходимым вкратце коснуться реальной сущности Абхазского царства. Дело в том, что названия, утвердившиеся в источниках — «Абхазети» в грузинских и «Абазгия» в византийских, — дают основание некоторым историкам считать это царство абхазским государственным образованием. Такое решение вопроса абсолютно неверно и не имеет никаких реальных оснований. При рассмотрении этой проблемы надо иметь в виду ряд обстоятельств.

Во-первых, как это неоднократно отмечалось в научной литературе, на территории, где позже сложилось Абхазское эриставство, издревле проживали не только предки абхазов — апсилы и абазги, но и картвельские — мегрело-чанские и сванские племена: саниги, сванолхи, мисимиане, причем эти последние, т. е. картвельские племена, занимали более обширную территорию и являлись ведущим этническим компонентом, что со всей достоверностью подтверждается

---

[31] *Джанашиа С. Н.* Труды. Т. II. С. 339; *Анчабадзе З. В.* Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959. С. 96–105; *Бердзенишвили Н. А.* Вопросы истории Грузии. С. 563; *Лордкипанидзе М. Д.* Политическое объединение феодальной Грузии. Тб., 1963. С. 180–185 (на груз. яз.); *Она же.* Возникновение новых феодальных государств // Очерки по истории Грузии. Т. II. С. 180 сл.

[32] *Лордкипанидзе М. Д.* Политическое объединение феодальной Грузии; *Она же.* Возникновение новых феодальных государств // Очерки по истории Грузии. Т. II. Глава VI. С. 246–354.

полным господством здесь сперва колхской, затем лазской культуры во всех ее отраслях[33]. И в античную, и в раннефеодальную эпоху апсилы и абазги, несмотря на абхазо-адыгское происхождение, в этнокультурном смысле представляли собой неотъемлемую часть картвельского (сперва колхо-лазского, затем общекартвельского) этнического единства, так же как эгри, сваны, кахи, месхи и др.[34]

Во-вторых, подавляющее большинство населения созданного Леоном I Абхазского царства было грузинским: вся Сванетия, Рача, Лечхуми, Мингрелия, Верхняя и Нижняя Имеретия, Гурия, Аджария входили в состав этого царства, а все эти области были населены картвелами — мегрелами, сванами, картами, следовательно, и по составу населения это было именно грузинским политическим образованием.

В-третьих, наименование этого царства, так же как и титул его царей — «царей абхазов», возникло в результате того, что основателем его был эристав абхазов (архонт абазгов); закономерно, что присвоив царский титул, он оставил без изменения название политической единицы, царем которой он стал — династия именовалась «эриставы абхазов». Кто были по этническому происхождению эти эриставы — неизвестно; они могли быть абазгами, апсилами, санигами и греками-византийцами. В списке эриставов и царей Абхазии или т. н. «Диване царей», составленном при царе объединенной Грузии Баграте III (978–1014), перечисленные здесь правители в основном носят греческие имена, но это, конечно же, не может указывать на их национальную принадлежность[35]. Основным является их политическая направленность, а она, вне всякого сомнения, была по всем параметрам грузинской: перенесение столицы из Анакопии в Кутаиси, династические браки с грузинскими княжескими династиями, активное участие в борьбе за объединение Грузии. И, наконец, один весьма важный момент: в IX в. Абхазское царство отделилось от Византии и в церковном отношении, и митрополит Фазиса, епископы Себастополиса и Никопсии вышли из юрисдикции Константинопольского патриарха, западно-грузинская Церковь все теснее стала сотрудничать с восточно-грузинской автокефальной Церковью и примерно в X в. окончательно подчинилась католикосу всея Грузии[36]. Это

---

[33] См.: *Ломоури Н. Ю.* Абхазия в античную и раннесредневековые эпохи. С. 44–47 (здесь вся литература).

[34] Подробнее см.: Разыскания... С. 105–109.

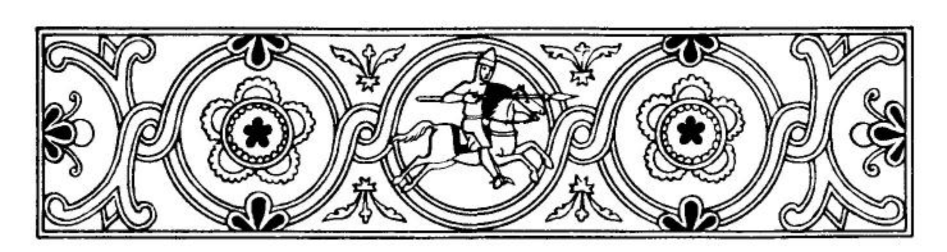
[35] *Takaischvili E.* Les sources des notices du patriarche de Jerusalem: Dosithee sur les rois d'Apkhazie // Jurnal Asiatique, 1927, № 210. P. 364; *Tokmanoff C.* Chronology of the Kings of Abasgia // Museon, № 69; 1956. P. 82; *Kollautz A.* Abazgen... S. 33–37.

[36] *Бердзенишвили Н.* Вазират в феодальной Грузии // Вопросы истории Грузии. Т. III, 1966. С. 47–57; *Лордкипанидзе М. Д.* Политическое объединение... С. 188–194; Очерки истории Грузии. Т. II. С. 286–292; *Мусхелишвили Д.* Исторический статус Абхазии в грузинской государственности // Разыскания... С. 115–126.

весьма примечательное обстоятельство несомненно явилось следствием многовекового процесса объединения грузинских и проживающих на территории Грузии других этнических групп в единый грузинский народ, а сама эта акция повлекла за собой распространение в Западной Грузии грузинского языка как государственного, церковного и литературного (см. цитированную выше литературу).

Таким образом, отделившись от Византийской империи, Абхазское, или как его часто именуют — Эгрис-Абхазское, царство окончательно вошло в орбиту общегрузинской этнической и государственной общности. Этим и объясняется тот факт, что Византия окончательно потеряла политическое влияние на Западную Грузию.

И. П. Медведев

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПЕРВОГО РУССКОГО ПЕРЕВОДА ЛЬВА ДИАКОНА

Издание в 1988 г. под редакцией нашего юбиляра нового русского перевода «Истории» одного из крупнейших византийских писателей X в. Льва Диакона[1] дает нам повод вспомнить об истории создания первого русского перевода этого историка — перевода, пусть даже «исполненного ошибок и неточностей», который «не только безнадежно устарел — он давно стал поистине библиографической редкостью»[2].

Осуществленный известным петербургским филологом-эллинистом Дмитрием Прокопьевичем Поповым (1780–1864)[3] чуть ли не «на другой день» (в 1820 г.) после первой полной публикации греческого оригинала, русский перевод византийского историка мыслился его инициаторами — а ими были государственный канцлер граф Николай Петрович Румянцев (1754–1826) и государственный секретарь, первый директор Имп. Публичной библиотеки Алексей Николаевич Оленин (1763–1843) — как неотъемлемая составная часть французско-русского научного проекта по первому изданию «Истории» Льва Диакона[4]. Ознакомившись с опубликованным в парижской печати

---

[1] *Лев Диакон.* История / Пер. М. Копыленко. Ст. М. Я. Сюзюмова. Комм. М. Я. Сюзюмова и С. А. Иванова. Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Наука, 1988.

[2] Там же. С. 5 (предисловие Г. Г. Литаврина).

[3] См. о нем: *Вахтина П. Л.* Попов Дмитрий Прокопьевич // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. Т. I: Императорская Публичная библиотека (1795–1917). СПб., 1995. С. 420–422.

[4] Именно поэтому уместно привести полные выходные данные в обоих изданиях в одной сноске: Leonis Diaconi Caloensis Historia, scriptoresque alii ad res Byzantinas pertinentes, e Bibliotheca Regia nunc primum in lucem edidit, versione Latina et notis illustravit Carolus Benedictus Hase. Parisiis: E Typographia Regia, 1819: История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей, изданные в первый раз с рукописей Корол. Парижской библиотеки и объясненные примечаниями Карлом Бенедиктом

знаменитым парижским эллинистом немецкого происхождения Карлом Бенедиктом Газе (1780–1864) предварительным отчетом о рукописи Королевской библиотеки (нынешней Paris. gr. 1712) с текстом «Истории» Льва Диакона и о проделанной им работе над текстом памятника[5], Н. П. Румянцев пишет (на французском языке) письмо к А. Н. Оленину от 18 марта 1813 г. следующего содержания: «Заметка г-на Газе о рукописи Императорской библиотеки Франции, содержащей "Историю", сочиненную Львом Диаконом, достаточна, чтобы возбудить большой интерес и особенно у русских. Нельзя не согласиться с ученым в том, что было бы в высшей степени полезно опубликовать этот труд, напечатав его. Г-н Газе, который, как никто другой, способен осуществить его прекрасное издание, признается, что с этой целью оставалось завершить латинский перевод, который он сделал. И поскольку этот перевод сделан, почему бы не появиться и самому изданию? Нет необходимых для предприятия финансовых средств? Нужен был бы аванс? О какой сумме могла идти речь? А не было бы возможным приобрести за деньги простую копию греческого текста *с правом напечатать ее здесь в сопровождении русского перевода* (курсив мой. — *И. М.*)? Сколько может стоить такая копия?»[6].

В свою очередь, А. Н. Оленин обратился за содействием в этом деле к академику Филиппу Ивановичу Кругу (1764–1844), поручив ему связаться как с самим Газе, так и с его шефом, редактором журнала Magazin encyclopédique Обэном-Луи Милленом (1759–1818), на предмет прояснения вопроса: «Статс-секретарь Оленин, — говорится в письме к Кругу (без подписи, писано канцеляристом) от 28 марта 1813 г., — препровождает при сем к Его Высокоблагородию Филиппу Ивановичу Кругу подлинную записку, полученную от Государственного Канцлера Графа Николая Петровича Румянцева. Статс-секретарь

Газе, профессором новейших восточных языков в особенном Корол. училище, агентом по части греческих и латинских рукописей в вышеозначенной Библиотеке, членом Берлинской Академии наук и проч., ордена св. Владимира 4-й ст. кавалером. Переведенные с греческого на российский язык Д. Поповым. В Санкт-Петербурге, печатано при Императорской Академии наук, 1820.

[5] Имеется в виду: Notices et Extraits de manuscrits de la Bibliothèque Impériale et autres Bibliothèques. 1810. T. 8. P. 254–296.

[6] ОР РНБ. Ф. 542 (Оленины), д. 25, л. 14. Письмо (без подписи, писано также не самим Н. П. Румянцевым) сопровождается запиской канцеляриста по-русски: «Государственный Канцлер, препровождая при сем к Его Превосходительству Алексею Николаевичу особую записку касательно известной рукописи Льва Диакона, покорнейше просит Его Превосходительство употребить благосклонное свое содействие в рассуждении разных вопросов, в сей записке заключающихся, посредством частных сношений, между учеными людьми, вероятно, сохранившихся. Государственный Канцлер с особенным удовольствием пользуется сим случаем, для засвидетельствования Его Превосходительству своего истинного почтения. Марта 19-го дня 1813». (Там же. Л. 15).

Оленин просит Филиппа Ивановича изготовить, на точном основании изложенных в сей бумаге пунктов, письмо к г-ну Миллену или к г-ну Газе относительно к получению копий с упоминаемых в записке рукописей и прочего; также покорно просит доставить сие письмо к нему за открытою печатью (cachet volant), дабы Граф Румянцев мог видеть содержание онаго, так как доставление сего письма он принимает себе. Статс-секретарь Оленин для лучшего в сем деле успеха просит написать два письма, одно к г-ну Миллену, а другое к г-ну Газе. 28 марта 1813»[7]. К письму была приложена и «подлинная записка» канцлера (на самом деле, как мы предполагаем, составленная в канцелярии Оленина в духе вышеприведенной, действительно подлинной и адресованной А. Н. Оленину, записки канцлера), причем фраза о копии была выражена в ней следующим образом (приводится в оригинале): «Il desireroit aussi savoir: si Mr Hase ne veut pas lui céder une copie exacte du texte grec qu'il a retouché, avec le droit de le faire paraitre imprimé avec une traduction russe qui se faroit (sic!) à Pétersbourg? Et quel est le prix d'une pareille copie accompagnée du droit de sa publication?»[8]

Круг, несомненно, выполнил возложенное на него задание, но отправленные им письма не дошли до адресатов[9]. Это видно, во-первых, из одного сохранившегося в бумагах Оленина черновика французского письма (Оленина к Газе? Тогдашняя манера авторов писать о себе в третьем лице и не подписываться затрудняет идентификацию), в котором, между прочим, говорится (в нашем переводе с французского): «В начале прошлого года Государственный секретарь Оленин обязал г-на Круга из Петербургской Академии наук написать г-ну Миллену из Парижа письмо, чтобы постараться получить копию с рукописи Льва Диакона. Г-н Круг тотчас же снизошел к просьбе Государственного секретаря Оленина, но, к сожалению, еще не получил ответа: причиной могла быть война! Соответственно, г-н Круг охотно взялся бы снова написать г-ну Миллену, который является шефом г-на Газе. Он бы написал даже прямо этому последнему, хотя и не знаком с ним персонально, если бы у него были возможности доставить письмо, которое бы не затерялось, а также получить ответное письмо, т. е. то, что г-н Круг на себя не берет»[10].

---

[7] Архив РАН. СПб филиал. Ф. 88, оп. 2, д. 60, л. 1.

[8] Там же. Оп. 1, д. 186, л. 1–2.

[9] Черновик его письма к Газе от (?) марта 1813 г. сохранился в его бумагах. Между прочим, сообщая о петербургском богаче, ревнителе отечественных древностей, который хотел бы способствовать изданию Льва Диакона, Круг уточняет: «Derselbe G nner wünscht ferner zu wissen, ob Sie ihm wohl eine ganz genaue von Ihnen revidirte Copie des griechischen Textes von Leo Diac. überlassen wollen, die er hier in St. Pet., begleitet von einer russischen Übersetzung, könnte im Druck erscheinen lassen; und was Sie dafür verlangen? Er erwartet eine schnelle Beantwortung dieser Fragen» (Архив РАН. СПб филиал. Ф. 88, оп. 1, д. 138. С. 209–210 об).

[10] ОР РНБ. Ф. 542, д. 25, л. 16.

Во-вторых, об этом свидетельствует сам К. Б. Газе в своем первом письме к Кругу от 24 сентября 1814 г. «Из расспросов, — говорится в нем, — с которыми ко мне несколько месяцев назад подступил один молодой офицер, г. Берто, я предположил, что Вы имели любезность писать мне; а на основании письма барона фон Штрандмана, секретаря русского посольства в Англии, я убеждаюсь в этом еще раз: этот последний (...) сообщает мне из Лондона, что ныне находящийся там г-н Крузенштерн (выдающийся мореплаватель и географ И. Ф. Крузенштерн. — *И. М.*) спрашивает, получил ли я Ваши письма ко мне, отправленные во время войны. К сожалению, ни одно из них не дошло до меня. Предполагаю, что, как и многие другие, они были вскрыты и утаены бонапартистской полицией. Мне этот инцидент особенно досаден, ибо, с одной стороны, эти письма, возможно, содержали заказы и запросы от Вас, которые остались и поныне неисполненными и безответными; с другой стороны, как пишет г-н Штрандман, в них, по его мнению, речь шла об одном историческом сочинении, относящемся к русской истории, которое г-н Рейхсканцлер Румянцев хотел иметь напечатанным или списанным в Париже. Я не сомневаюсь, что это сочинение — “История” Льва Диакона; по крайней мере, я несколько дней назад получил письмо г-на госсекретаря Оленина, в котором речь идет также об этом сочинении (...) Князь Волконский также прислал мне записку следующего содержания: хотят, чтобы рукопись оригинального текста Льва была послана в Петербург, с тем чтобы она была напечатана там, ибо я, возможно, откажусь от его (Льва) издания. Я ответил, что мое намерение (опубликовать “Историю” Льва Диакона в луврской серии Corpus Byzantinae Historiae. — *И. М.*) не изменилось и что Лев уже готов к печати. Несколько дней назад г. Дювиньо, прибывший из Петербурга, привез мне письмо графа Оленина, в котором тот требует пересылки рукописей Амартола и Льва. Первый не входит в мои планы, и я указал его (Оленина? — *И. М.*) посланнику, графу Поццо ди Борго, путь, на котором он должен искать разрешение министра, которое он несомненно получит. Но что касается Льва, то я Вас самого спрашиваю, справедливо ли лишать меня возможности первым выпустить его после того, как я обратил внимание публики на этого автора и на протяжении нескольких лет тратил на его обработку те немногие часы, которые оставляли мне дела по службе. Мои предварительные исследования, рукописи нашей Библиотеки, все мои шестилетние штудии дают мне в руки средство сделать такое издание полнее, чем это может быть где-то в другом месте. И как позорно было бы для меня, если бы я, публично пообещав ученой Европе стать первым издателем, не сдержал слова. Но почему бы Льву не быть напечатанным здесь? Я принимаю это предложение, так как оно, согласно сообщению г-на Штрандмана, содержится в

Вашем письме и так как оно действительно для нас всех и выгодно, и почетно. За 3000 франков г. Эберхард (у него вышли Плутархи Кораиса) выражает готовность выпустить 500 экземпляров[11] (греческий текст с латинским переводом, словарем и предисловием). Из этих экземпляров 50 я бы зарезервировал себе, чтобы распределить их здесь; остальные г. Эберхард направил бы ближайшим и надежнейшим путем г-ну Оленину, г-ну Романцову (sic!) или же тому, кто покроет расходы на печатание. Таким образом, Лев мог бы появиться как предтеча и провозвестник моего большого тома, который затем, разработанный не спеша, последовал бы через год или два. Само собой разумеется, что в предисловии я бы помянул с благодарностью и прославлением Вас и того, кто бы поспособствовал изданию. Все это я написал и г. Оленину (письмо не сохранилось? — *И. М.*); поговорите с ним, ведь Вы наверняка знаете его»[12].

Ответ Ф. И. Круга нам неизвестен, но зато известен результат дела: editio princeps оригинального греческого текста «Истории» Льва Диакона стало осуществляться (стараниями К. Б. Газе и на средства графа Н. П. Румянцева) в Париже, растянувшись на несколько лет (1814–1819)[13], в то время как первый перевод труда на «российский язык» предполагалось сразу же по появлении оригинала изготовить и издать в Петербурге — также на средства Н. П. Румянцева.

Инициатива в подыскании кандидатуры на роль переводчика опять же принадлежит А. Н. Оленину. Во всяком случае, много лет спустя, а именно 9 января 1837 г. он пишет Д. И. Языкову о том, что «предложил в 1820 году библиотекарю Императорской Публичной библиотеки, бывшему экстраординарным профессором греческого и латинского языков при Санкт-Петербургском университете г. статскому советнику Попову, перевесть с греческого языка историю Льва Диакона Калойского (современника нашего великого князя Святослава Игоревича и свидетеля военных его действий), изданную в 1819 году на греческом и латинском языках, знаменитым библиотекарем Парижской Королевской библиотеки г. Газем (sic!) на иждивение покойного государственного канцлера графа Николая Петровича Румянцева, любителя наук и художеств, столь много услуг оказавшего — в пользу отечественной науки!»[14]. Память, правда, немного изменила Оленину: во-первых, тогда Д. П. Попов еще не был экстраординарным профессо-

[11] Окончательный тираж парижского издания «Истории» Льва Диакона был установлен в 400 экземпляров, 125 из которых погибли во время кораблекрушения при перевозке их в Петербург на корабле «Меркурий» в 1820 г.

[12] Архив РАН. СПб филиал. Ф. 88, оп. 2, д. 21, л. 1–4 об.

[13] Подробнее об этом см.: *Медведев И. П.* Новые данные по истории первого издания Льва Диакона // ВВ. 2002. Т. 61(86). С. 5–23.

[14] ОР РНБ. Ф. 542, д. 155, л. 6.

ром университета (назначен им 27 июня 1824 г.), занимал в ИПБ должность помощника библиотекаря, а во-вторых, контракт на выполнение работы Д. П. Попов заключил еще до выхода в свет парижского издания Льва, в 1818 году.

Составленный на немецком языке и датированный 22 декабря 1818 г. договор хранится сейчас в бумагах Ф. И. Круга[15], откуда он нами и перепечатывается:

Im Auftrag Sr. Erlaucht des Herrn Reichskanzlers, Grafen Rumänzoff ist zwischen mir, dem Akademiker Krug, einerseits und dem Professor — Adjunkt Popoff, andererseits, die Uebereinkunft getroffen worden, dass ich letzterem für die genaue Russische Uebersetzung des Leo Diaconus, wie solcher von Haase (sic!) edirt ist, samt einer Auswahl der von uns besprochenen Noten, 500. Rubl. B. H. (?) sage fünf Hundert Rubel B. A. zu zahlen mich schuldig hatte.

St. Petersburg 22 Dez. 1818. Ph. Krug
A. Professor D. Popoff

В деле хранится и расписка в получении Д. П. Поповым 500 рублей, причем двумя частями: первые 250 рублей получены им 30 апреля 1819 г., а оставшиеся 250 рублей — 13 декабря 1819 г.[16] Думается, что и перевод «Истории» Льва Диакона на русский язык к тому времени был выполнен — по тем корректурным листам, которые К. Б. Газе присылал Кругу. Так, письмом от 3 мая 1816 г. Газе извещает последнего: «Со следующей оказией, которая отправится примерно через десять дней, Вы получите через посольство (России во Франции? — *И. М.*) корректуры до конца Льва, и в то же время, я надеюсь, уже начало Тактики Никифора (...). С тех пор, как я писал Вам в последний раз, мне нанес визит г-н Тургенев, молодой офицер из Генерального штаба Русского наблюдательного корпуса (des Russischen Obserwationskorps), который стоит в Пикардии. Он лишь на несколько дней в Париже и послан ко мне г-ном Олениным, чтобы отправить к г-ну Оленину экземпляры Льва, буде он напечатан, ибо он хочет, говорит Тургенев, дать их для использования Карамзину. Я мог бы, пожалуй, достать ему из Королевской типографии один экземпляр, т. е. все листы текста, сколько их до сих пор оттиснуто, но, естественно, я не мог этого сделать без Вашего согласия и поэтому ответил, что хотел бы то, что уже готово, послать к Вам, а Вы уже направьте это Оленину и Карамзину. Мне кажется справедливо, чтобы эти господа более

---

15 Архив РАН. СПб филиал. Ф. 88, оп. I, д. 133, л. II.

16 Там же. Л. 15. Впрочем, в черновике одного из писем Круга (от 27 апреля 1819 г.) говорится о том, что сумма, которую полагалось выплатить двумя этапами за выполненную работу Д. П. Попову, устанавливалась в 700 рублей (Там же. Д. 138, л. 38).

ранним сообщением были обязаны Вам. Получите, следовательно, со следующей почтой помимо новых корректурных листов, которые я прошу Вас любезно просмотреть, еще один (может быть, уже совсем полный) экземпляр текста Льва для г-на Оленина, если Вам и Рейхсканцлеру будет угодно ему его дать»[17].

Так, по-видимому, Круг и поступил, обеспечив тем самым «фронт работ» для Д. П. Попова. Тем не менее, к марту 1820 г. «русский Лев Диакон» существовал еще в рукописи, которая находилась, по всей вероятности, у графа Н. П. Румянцева. Об этом свидетельствует письмо Круга к графу от 6 марта 1820 г., в котором, между прочим, говорится (в нашем переводе с французского): «Если Ваше Сиятельство хочет, чтобы я спросил у фактора Академической типографии, сколько будет стоить in 4^{0} 600 экземпляров Льва на русском языке, то соблаговолите прислать мне рукопись с тем, чтобы я смог показать ее ему в следующий понедельник»[18]. 8 марта 1820 г. «фактор при Имп. Академической типографии Иван Вельдбрехт» предъявляет счет, согласно которому каждый из 40 листов книги (в четвертую долю листа, тиражом в 600 экземпляров) «обойдется в 42 рубля»[19], а уже в письме Круга к Румянцеву от 14 октября 1820 г. речь идет о распределении тиража. Вот его текст (в нашем переводе с французского): «Монсеньор! Я получил 590 экземпляров русского перевода Льва Диакона, из которых три я прилагаю к письму, в ожидании распоряжений Вашей Светлости относительно всего издания. На мой взгляд, было бы целесообразно (сделав подарки, которые Вам угодно будет сделать) поручить одному или двум книготорговцам продать некоторое число, скажем, около 200; таким образом, цель, которую Ваша Светлость преследовала, обогащая русскую литературу этим трудом, была бы достигнута. Следовало бы им предоставить обычную 20-процентную прибыль и установить для них цену, по которой они должны его продавать, с тем чтобы они не могли отягощать покупателей и тем самым затруднять сбыт. Доход мог бы быть использован на какое-нибудь аналогичное предприятие. Из денег, отпущенных мне Вашей Светлостью на напечатание этого труда, осталось еще почти 300 рублей, которыми Вы можете располагать. Г-н Попов нижайше просит Вас (Vous prie très humblement) соблаговолить сделать ему подарок в виде пяти или десяти экземпляров с тем, чтобы он мог их представить своему начальству и друзьям»[20].

---

[17] Там же. Оп. 2, д. 21, л. 13–13 об.

[18] Там же. Оп. 1, д. 138, л. 50 об.

[19] Там же. Д. 133, л. 14. Ср. также счет, составленный на немецком языке и датированный 3 октября 1820 г. (Там же. Л. 3: «фактор» — Johann Weldbrecht).

[20] Там же. Д. 138, л. 61.

О рассылке экземпляров идет речь и в письме Круга к Румянцеву от 11 ноября 1820 г.: «Из (тиража) перевода Льва я послал г-ну Буссе в Варшаву 3 экземпляра — для него, для Линде и Каковицкому (Kakoviecki); дал из него также г-ну Попову, который за это приносит нижайшую благодарность (qui en fait ses très humbles remercimens); 7 зарезервировал для подарков; 10 дал Мишину с тем, чтобы он их отправил Вам в Гомель; остается 20 для Вашей библиотеки, куда я откладываю также подарки университетам и гимназиям; однако останется еще больше, чем книготорговцы смогут купить. Я пригласил г-на Нестеровича к себе, чтобы поговорить с ним о продаже оставшегося от издания, каковую Вы ему поручили, но он еще не явился»[21]. О том же — в письме Круга Румянцеву от 13 января 1821 г.: «Ваша Светлость еще не ответила мне на вопрос относительно 40 экземпляров русского перевода Льва, которые находятся еще у меня, а также относительно использования 300 (примерно) рублей, оставшихся от суммы, отпущенной на этот труд (...) Обязанный нашей Академией и ее Президентом — засвидетельствовать Вашей светлости их уважение и нижайшую благодарность за презент, который Ваша светлость соблаговолила им сделать в виде экземпляра Льва Диакона, — я с удовольствием выполняю здесь как это поручение, так и поручение графа Турна, письмо которого я присовокупляю»[22].

Что касается самого переводчика, то, получив по «нижайшему прошению» несколько экземпляров своего перевода, Д. П. Попов первым делом преподнес экземпляр своему начальнику по Императорской Публичной библиотеке — А. Н. Оленину (хранится в архиве последнего)[23], получив в ответ весьма развернутое и содержательное письмо (цитируется по черновику, без датировки): «Экземпляр перевода Вашего Истории Льва Диакона, которым Вы меня почтили, доставил мне много удовольствия. Вы порадовали меня книгою, которую давно желательно было видеть на русском языке, и, вместе с тем, вы подали мне новый способ заняться самым приятнейшим для меня делом, а именно: археологическими исследованиями и в особенности о древней России. Наконец, она же открыла мне средство употребить в

---

[21] Там же, л. 62–62 об. Об упомянутых как в этом письме, так и в других, лицах см. Указатель имен в кн.: *Козлов В. П.* 1) Колумбы российских древностей. М., 1985^2; 2) Российская археография конца XVIII—первой четверти XIX века. М., 1999. Что касается И. И. Нестеровича, доверенного лица графа Румянцева, то ему поручалась и рассылка полученных экземпляров парижского издания Льва Диакона (см.: Архив РАН. СПб филиал. Ф. 88, оп. I, д. 133, л. 5–6 об.).

[22] Архив РАН. СПб филиал. Ф. 88, оп. I, д. 138, л. 64–64 об.

[23] ОР РНБ. Ф. 542, д. 66. Судя по тому, что среди бумаг Оленина А. Н. встречаются отрывки рукописи перевода Попова Д. П. (Там же. Д. 65), последний снабжал своего патрона материалами уже по ходу работы над переводом.

пользу давно мною заготовленное приложение к собранию разных сведений о великом [*следует зачеркнутое:* русском] князе Святославе Игоревиче. Побежденный Вашим трудом, я решился приложить к нему и собственный мой труд, сколько мне позволит малый досуг и весьма слабое мое знание греческого языка. Работу мою расположил я под названием "Примечания на некоторые места в истории Льва Диакона". К ним я старался присоединить ясные доказательства моим заключениям посредством выписок и ссылок на других писателей, а более еще того, верными изображениями памятников искусства тех самых времен, относящихся к предметам моих примечаний; для этого я рассудил пометить, между сими последними, приготовленные мною еще в 1813 году три гравированные доски. На них изображен Святослав по описанию Льва Диакона и найденные в Днепровских порогах (уповательно в том месте, где Святослав был убит печенегами) церковный старинный греческий сосуд, наполненный монетами императора Никифора Фоки и Иоанна Цимискія, с изломанным древним медным ключем. Памятники, современные Святославу, изображены на тех досках с самою тщательною точностью (...)»[24].

Действительно, в личном архиве А. Н. Оленина до сих пор хранится рукопись указанной в письме работы, причем даже в двух вариантах — в первоначальном, с заглавием «Археологические и технические примечания к истории Льва Диакона»[25], и в переработанном и дополненном (автограф А. Н. Оленина), датируемом 1821 г., с заглавием «Примечания к Истории Льва Диакона, перебеленные и исправленные»[26]; труд включает в себя следующие главы: 1) О морской византийской силе; 2) О морской русской силе; 3) О греческом огне; 4) О сухопутном византийском войске; 5) О сухопутном русском войске; 6) О некоторых византийских обычаях; 7) О некоторых особенных греческих выражениях; 8) О некоторых русских обычаях; 9) О великом князе Святославе Игоревиче; 10) О смерти Игоревой; 11) О мисянах или болгарах; 12) О некоторых обычаях у агарян или аравитян; 13) О некоторых обычаях пацинаков или печенегов; 14) О императоре Иоанне Цимиские; 15) О местоположении Переяславля[27]. Разуме-

[24] Там же. Д. 24. л. 28–39.

[25] Там же. Д. 25. л. 23–115. В деле также немало всякого рода выписок, справок и рисунков к «Примечаниям» Оленина А. Н., в частности, письмо Д. П. Попова к Оленину от 8 июля 1835 г., которым он препровождает свой рукописный перевод с греческого «Из Витона», с описанием военных машин. «Не могу не признаться, — говорится в нем, — что перевод весьма во многих местах бестолков, потому что и греческий текст таков же. Эти заброшенные греческие писатели требуют еще многотрудного критического исправления и пополнения» (Там же. Л. 143–143 об.).

[26] Там же. Д. 29 (141 с.).

[27] Отметим также наличие в личном архиве А. Н. Оленина составленного им предметного указателя к русскому переводу Льва Диакона: Там же. Д. 30 (65 листов).

ется, и этот неопубликованный труд высокопоставленного «ученого дилетанта» (А. Н. Оленина частенько обвиняли в научном верхоглядстве)[28] наверное заслуживает того, чтобы его изучить и оценить, если не публиковать.

К сожалению, нам нечего сказать о достоинствах или недостатках перевода Д. П. Попова. По не очень-то авторитетному мнению того же А. Н. Оленина (сам он, если верить О. Д. Голубевой, приступил к изучению греческого, «когда ему было за сорок»[29], т. е. где-то в начале XIX в.), «Г-н Попов выполнил сие поручение надлежащим, по мнению моему, образом. Он не заботился о красоте и гладкости слога, но держался буквального смысла подлинника, писанного во время упадка греческой словесности»[30]. Больше доверия вызывает отзыв академика А. А. Куника, считавшего перевод «излишне вольным»[31].

Во всяком случае, авторам нового русского перевода, о котором было сказано в начале статьи, не помешало бы высказаться более определенно в этом отношении, тем более, что, как мы успели заметить, перевод Д. П. Попова ими использован довольно основательно. Ясно, что филолог-классик Попов испытывал трудности при переводе византийских текстов, особенно в условиях спешки. Позднее, приняв участие в «византийском» проекте Российской академии (подготовка издания корпуса византийских историков в русском переводе) и даже заключив с ней контракт в 1837 г. с обязательством «перевести с греческого на российский язык» целый ряд византийских авторов (Константина Багрянородного, Агафия, Георгия Пахимера, Михаила Глику), Д. П. Попов включил в это число и Льва Диакона[32] — с намерением, как пояснил он в письме к Д. И. Языкову от 18 июля 1841 г., «снова его пересмотреть и, где можно, испра-

---

[28] *Голубева О. Д.* А. Н. Оленин. СПб., 1997. С. 143.

[29] Там же. С. 142.

[30] ОР РНБ. Ф. 542, д. 155. л. 6 (письмо к Д. И. Языкову от 9 января 1837 г.). В другом своем письме — к Д. П. Попову, писанном в 1820 г. (черновик, без начала), А. Н. Оленин позволяет себе даже исправлять переводчика (ссылки на печатный вариант). Так, слова πρὸς τὴν αὐτοκράτορα δυναστείαν (Кн. II. Гл. 5), переведенные Поповым как «К его Императорскому Величеству» (с. 15), Оленин рекомендует переводить «К самодержавной власти или Величеству»; знаменитое κριὸν (Кн. I. Гл. 7), переведенное Поповым как «баран» (с. 16), следует, согласно Оленину, переводить как «таран» (авторы нового русского перевода, кстати, оставили поповское «баран»); слова τὸν ἵππον κεντρίσας (Кн. II. Гл. 7), неудобоваримо переведенные Поповым «кольнув коня» (с. 17). А. Н. Оленин вполне обоснованно переводит «пришпорив коня» (так же у авторов нового перевода) и т. д. (Там же. Д. 24. л. 1–27 об.)

[31] *Куник А. А.* Содействие Круга канцлеру графу Румянцеву в пользу русской истории // ЖМНП. 1850. № 1. С. 9.

[32] *Файнштейн М. Ш.* Из истории отечественной византинистики: забытый проект Российской академии // Рукописное наследие русских византинистов в архивах С.-Петербурга. СПб., 1999. С. 527.

вить»[33], но затянувшаяся работа по переводу Обрядника византийского двора Константина Багрянородного, а затем и ликвидация самого проекта не позволили реализовать это намерение: в перечне византийских авторов, перевод которых был «окончен и представлен в Академию», а также тех, перевод которых «еще не был кончен»[34], Лев Диакон не значится.

В заключение считаем целесообразным публиковать целиком ранее цитированное письмо А. Н. Оленина к Д. И. Языкову от 9 января 1837 г. по поводу основанного А. С. Шишковым, возглавлявшим Российскую академию с 1813 по 1841 гг., «византийского проекта» (ОР РНБ, ф. 542, д. 155, л. 6–7 б.: черновик; л. 8–9 об.: чистовая копия; л. 10–11 об.: еще одна копия, неполная; орфография и пунктуация приближены к современным языковым нормам, напр., «русский» вместо «русской» и т. д.):

9-го Генваря 1837 года
Его Прев-ву Д. И. Языкову

Милостивый Государь Дмитрий Иванович

Я весьма охотно согласился с предложением почтенного нашего Президента Его Высокопревосходительства Александра Семеновича Шишкова о переводе на русский язык византийских авторов вполне! Сему полезному и по мнению моему — необходимому предприятию, к усовершенствованию отечественной нашей истории, я имел щастие положить первый, смею сказать, опыт; предложив в 1820-м году Библиотекарю Императорской Публичной Библиотеки, бывшему экстраординарным профессором греческого и латинского языков при С.-Петербургском университете, г. статскому советнику Попову, перевесть с греческого языка историю Льва Диакона Калойского (современника нашего великого князя Святослава Игоревича и свидетеля военных его действий), изданную в 1819 году на греческом и латинском языках знаменитым библиотекарем Парижской Королевской библиотеки г. Газем на иждивение покойного государственного канцлера графа Николая Петровича Румянцева, любителя наук и художеств, столь много услуг оказавшего — в пользу отечественной нашей истории! Г-н Попов выполнил сие поручение надлежащим, по мнению моему, образом. Он не заботился о красоте и гладкости слога, но держался буквального смысла подлинника, писанного во время упадка греческой словесности. В этом виде я бы желал, чтобы и прочие византийские писатели были переведены и напечатаны, буде можно, с греческим текстом. К сим pia desideria я присовокупляю еще одно, состоящее в

[33] *Файнштейн М. Ш.* Указ. соч. С. 530.
[34] Там же. С. 532–534.

том, чтобы знающие греческой древней (sic!) язык, которым важное дело перевода на русский язык византийских авторов будет поручено, изучились бы предварительно не токмо греческому византийскому наречию, чтоб ясно, сколько можно, понимать византийских писателей. Г-н Газе тем начал, но и тут (sic!) не избегнул недоумений. Он в одном месте Льва Диакона принял военное звание человека (πυρφόρος — огненосец, носящего зазженный светоч перед войском) за именование особого рода судов, снабженных греческим огнем!

Я здесь осмеливаюсь повторить, что без знания греческого византийского и нынешнего наречия нет возможности верно переводить многие сочинения византийских авторов, как, например, тактики Арриана, Маврикия и Льва Премудрого, об управлении Империи греческой Константина Порфирогенета, его же сочинение о чиноположении двора византийского, где между прочим находится наше русское речение "шишак", которое византийцами и нами в старину писалось "чичак", по-греческому произношению τζιτζάκια — слово, пропущенное даже знаменитым и неутомимым Дюканжем, который, между тем, не пропустил словено-русского речения "сваха", по византийскому *τζουβάχα*. Но я слишком далеко увлекся от настоящего моего предмета подробностями, и потому поспешаю заключить мое к вам писание не токмо подтверждением моего согласия на предложение почтенного нашего г. Президента, но и усерднейшею просьбою — начать это благое дело как можно поспешнее! Если услуги г. Попова могут быть приняты, то я уверен, что он часть сего труда охотно на себя возьмет.

Кончив с византийцами, я должен еще молвить слово о других авторах Западной Европы, как-то: о греке Прокопие, о готфе Иорнанде (sic!), о Лиутпранде и о многих других. Переводы их сочинений, как равно и побасенок исляндских, могут быть весьма полезны для русской истории, особенно, если переводы сии будут печататься вместе с подлинными текстами, и с надлежащими к тому азбучными указателями дел, имен и речений, содержащихся в тех сочинениях — по примеру издания классиков ad usum Delphini. — Seberi index vocabulorum in Homeri etc. etc. etc. или подобно ключу к Истории Государства Российского Карамзина, трудов г. Строева. Жаль, что он выписал одни только имена, не указывая ни на дела или произшествия, ни на старинные русские речения!

Несколько лет тому назад я сделал небольшой опыт по сему предмету и составил указатели имен, лиц, земель, морей, озеров, рек, городов, произшествий и проч., о которых упоминается в русских летописях Нестора и Никона, а также в новгородских временниках. К сим предметам я присоединил в моем указателе многие обветшалые слова в словено-русском языке, коих настоящий смысл затруднителен и не

7 Зак. 3958

может иначе объясниться как по соображению разных обстоятельств, в которых сии слова употреблены. Я намерен пожертвовать сим трудом в пользу Императорской Российской академии, буде г. Президенту оной и моим сочленам благоугодно будет пожертвование мое принять для напечатания онаго в помощь занимающихся (sic!) чтением наших летописей.

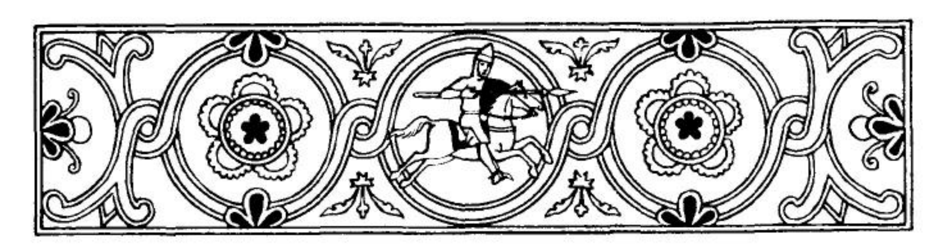
Если Ваше Превосходительство найдете полезным письмо это сообщить гг. членам сей Академии в одно из ее заседаний, то не угодно ли будет о том предварительно доложить г-ну Президенту.

Имею честь быть с истинным почтением и совершенною преданностию.

Вашего Превосходительства

Алексей Оленин

Л. С. Ряшко

ОБ ИДЕЯХ ПЛАТОНА В ТРАКТАТЕ НИКИФОРА ВЛЕММИДА «ЦАРСКАЯ СТАТУЯ»

Античная традиция никогда не прерывалась в Византии. Однако по мнению ряда исследователей[1], в XIII в. намечается переход к новому, более глубокому и целостному пониманию византийцами античной культуры, результаты которого скажутся в полной мере только в XIV–XV вв. Византийские авторы XIII в. заимствуют из античного наследия уже не только отдельные мотивы, жанры, мифы, образы и персонажи, но и некоторые теоретическое концепции, критически перерабатывая их и согласуя с положениями христианского учения. По мнению Л. А. Фрейберг[2], этот поворот от чисто внешнего, формального, во многом догматичного подхода к античному наследию, к творческому использованию идей отчетливо проявляется прежде всего в трудах ученого и богослова эпохи Никейской империи Никифора Влеммида (1197–1271/1272)[3].

Произведение Никифора Влеммида «Царская статуя» (Βασιλικὸς Ἀνδριάς)[4] содержит богатый материал для исследования того масси-

---

[1] См.: *Praehter K.* Antikes in der Grabrede des Georgios Akropolites auf Johannes Dukas // BZ. 1905. 14. S. 479; *Медведев И. П.* Византийский гуманизм XIV–XV вв. Л., 1976. С. 9; *Фрейберг Л. А., Попова Т. В.* Византийская литература эпохи расцвета IX–XV вв. М., 1978. С. 163–187; *Жаворонков П. И.* Гуманистические мотивы в культуре Никейской империи // ВВ. 1989. 50. С. 147–153.

[2] *Фрейберг Л. А., Попова Т. В.* Указ. соч. С. 186–187.

[3] О Никифоре Влеммиде см.: *Барвинок В. И.* Никифор Влеммид и его сочинения. Киев, 1911; *Καραπιπερες Μ.* Νικηφόρος Βλεμμύδης ὡς παιδαγώγης καὶ διδάσκαλος. Jerusalem, 1921; PLP. № 2897; Blemmydes Nikephoros // ODB, I, 296.

[4] В данной работе использовано следующее издание «Царской статуи»: *Hunger H., Ševčenko I.* Des Nikephoros Blemmydes «Basilikos Andrias» und dessen Metaphrase von Georgios Galesiotes und Georgios Oinaiotes: Ein weiterer Beitrag zum Verständnis des byzantinischen Schriftkoine // Wiener byzantinische Studien. 1986. Bd. XVIII. S. 42–117 (далее: ЦС).

ва знаний, который был унаследован и освоен византийцами. Он особенно ценен тем, что сам Никифор Влеммид являлся одним из наиболее выдающихся мыслителей своего времени, и, следовательно, по его работе можно с большой достоверностью судить о достижениях образования и науки в Византии. Несмотря на сравнительно небольшой объем трактата, в нем нашло отражение огромное количество фактов древней истории. Влеммид демонстрирует прекрасное знание античной мифологии, библейских сюжетов. Он включает в трактат многочисленные извлечения из трудов Гомера, Аристотеля, Полибия, Ксенофонта, Геродота, Диодора Сицилийского и других античных авторов, нередко цитирует Библию. Не вызывает никаких сомнений то, что Никифор Влеммид глубоко изучил античную философию[5]. Из текста видно, что он прекрасно ориентировался в различных философских течениях (Демокрит, Зенон, Гераклит, Пиррон). Более того, относительно каждого философского учения у него имелось свое собственное, часто весьма критическое, мнение. Так, например, в одном из своих высказываний он, с почти светским остроумием, основанном на игре слов, охарактеризовал суть философских систем Демокрита, Зенона и Гераклита (ЦС. 120). Иными словами, отношение Никифора Влеммида к античным авторам никак нельзя назвать догматическим.

«Спрессованная» в трактате информация будет детально проанализирована в последующих публикациях. Здесь же мы сосредоточим внимание только на одном вопросе: в какой степени и в какой форме концепция платоновского государства нашла отражение в «Царской статуе».

Мнение, что именно Платон оказал наиболее глубокое влияние на мировоззрение Никифора Влеммида, не является новым. Так, в работе В. И. Барвинока «Никифор Влеммид и его сочинения» сравниваются взгляды Никифора Влеммида и Платона на государственное устройство[6]. Французский исследователь L.-P. Raybaud полагает, что к написанию трактата Никифора Влеммида вдохновили платоновские идеи, которые он стремился соединить с догмами христианского учения[7]. В обобщающем труде «Культура Византии» отмечается, что «Государство» Платона оказало значительное влияние на «Царскую статую»[8]. Согласно И. П. Медведеву, «идея о благородном и разумном правлении, гуманности и доброте правителя, обусловленная платонической традицией, стала доминирующей в пространных трактатах византийских писателей, где изучались и анализировались основы

---

[5] *Жаворонков П. И.* О философских взглядах Никифора Влеммида // Культура и общественная мысль. Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М., 1988. С. 94–99.

[6] *Барвинок В. И.* Указ. соч. С. 285–289.

[7] *Raybaud L.*-P. Le gouvernement et l'administration centrale de l'empire byzantin sous les premiers Paléologues (1258–1354). Paris, 1968. P. 22–23.

[8] Культура Византии XIII — первой половины XV вв. М., 1991. Т. 3. С. 69.

императорской власти»[9]. В подтверждение автор приводит цитату из «Царской статуи» Никифора Влеммида. Л. А. Фрейберг замечает, что в «Царской статуе» присутствуют заимствования из «Государства» и «Законов» Платона[10]. Так, призыв к царю «всегда слушать священные гимны» (ЦС. 16) она связывает с советом Платона идеальному государю (Законы. Кн. VII. 799е–800а); к Платону же восходит идея о необходимости соединения философии и власти.

В указанных работах отсутствует, однако, последовательное и детальное сравнение платоновского «Государства»[11] и «Царской статуи». Для решения поставленного вопроса мы провели такое сравнение путем сопоставления сходных положений из обеих работ. Рассмотрим основные выводы, которые следуют из анализа этого материала.

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что анализируемые сочинения относятся к разным жанрам. «Государство» Платона представляет собой философско-политическое сочинение. В нем Платон на базе своего учения об идеях создает абстрактную государственную систему, в которой исследователи находят черты сходства с самыми разными социально-политическими системами древности. Ее отличительной чертой является гипертрофированная роль государства, контролирующего полностью частную и общественную жизнь граждан. Функционирование системы описывается Платоном как сложный механизм взаимодействия ее отдельных частей, каждая из которых добросовестно выполняет свои функции во имя общего блага под бдительным контролем государства. Непременным условием бесперебойного функционирования государственного организма является, согласно Платону, «идеальность» граждан, которая представляется им как набор определенных качеств. В этой связи Платон первостепенное внимание уделяет воспитательной функции государства. Следуя логике жанра, Платон облекает свои мысли в форму философско-этических категорий.

Напротив, «Царская статуя» является политико-дидактическим сочинением, адресованным Влеммидом конкретному правителю конкретного государства. В нем философские идеи как таковые отсутствуют, хотя, возможно, автор подразумевает, что адресат хорошо знаком с ними. Влеммид в отличие от Платона не ставил цели создать какую-либо новую политическую систему; он стремился лишь улучшить функционирование существующих институтов власти. В соответствии с византийской политической доктриной Влеммид рассматривает власть в качестве единственной гарантии стабильности

---

[9] *Медведев И. П.* Указ. соч. СПб, 1997. С. 161.

[10] *Фрейберг Л. А., Т. В. Попова.* Указ. соч. С. 181–182.

[11] Издание: *Платон.* Государство // Собр. соч.: В 4-х т. Т. 3. М., 1994. С. 79–420 (далее — ПГ).

и порядка в государстве и связывает ее исключительно с персоной правителя. Последний как основа государства должен быть в состоянии решать стоящие перед ним задачи. В связи с этим на первый план у Влеммида выдвигается проблема идеального императора, лишенного человеческих слабостей и пороков. Автор подробно останавливается на качествах, которые необходимы василевсу для управления государством. Основные черты жизнедеятельности государства затрагиваются им лишь в той мере, насколько они касаются фигуры самого правителя. Можно сказать, что в «Царской статуе», в отличие от «Государства» Платона, отсутствует целостная картина устройства и функционирования государственного механизма. Перед нами предстает лишь образ идеального правителя, помещенного в сложную систему государственных отношений.

Неизбежным следствием политической направленности «Царской статуи» явилось отражение в трактате некоторых черт политической и экономической ситуации Никейской империи середины XIII в. Так, озабоченность автора вопросами финансовой, кадровой и внешней политики императора Феодора II Ласкариса проявилась, соответственно, в разделах «Царской статуи» о корыстолюбии (ЦС. 67–85), подборе кадров на высшие государственные должности (ЦС. 155–171) и военной подготовке (ЦС. 123–154).

Специфика жанра требовала от Влеммида более конкретного и практичного, нежели у Платона, подхода к изложению материала. Последнее определило иную трактовку некоторых философских понятий Платона. Так, например, отвлеченные рассуждения Платона о свойствах души, ведущиеся на уровне категорий (познающее, гневное и вожделеющее начала души и соответствующие им добродетели — мудрость, мужество, рассудительность) (ПГ. 435с–444а), принимают в «Царской статуе» форму обличения обычных человеческих пороков (гнев, телесные удовольствия и корыстолюбие) (ЦС. 9–85), при этом меняется и их смысловое значение.

Платон конструирует свое идеальное государство, следуя античной полисной традиции. Он считает, что только строго ограниченное, замкнутое в себе государство образует более совершенное единство, чем любое другое, большей площади и с большим населением (ПГ. 423b–d). По-видимому, этой точки зрения придерживается и Влеммид. Об этом, в частности, свидетельствует несогласие Влеммида с попытками никейских императоров расширить границы империи за счет других православных государств, правители которых, по его мнению, обладают теми же наследственными правами[12]. Оба

---

[12] *Angold M. J.* Byzantine «Nationalism» and the Nicaean Empire // Byzantine and Modern Greek Studies. 1976. I. P. 61.

автора единодушны и в том, что целостность такого государства может быть достигнута только в случае, если все члены общества будут добросовестно выполнять свои обязанности (ПГ. 423d, 433a, 434e; ЦС. 2–4). Однако если Влеммид считает главной обязанностью подданных уплату податей царю, то для Платона важно другое: каждый человек в государстве должен заниматься только тем одним делом, к которому он больше всего способен по своим природным задаткам. В этом Платон видит главное условие целостности и устойчивости всего государственного организма. Тем самым, по крайней мере для низших сословий, он низводит роль гражданина в государстве до уровня функции.

Платон жил в эпоху упадка Афинского государства и был очевидцем вырождения демократии. В это же время спартанские институты власти казались относительно более устойчивыми и привлекательными. Поэтому в предлагаемой модели государства Платон фактически дает описание олигархической формы правления (ПГ. 412e–414a, 543a–b), хотя и не считает ее таковой (ПГ. 550c–553a). Напротив, Влеммид следует византийской традиции. Он безоговорочно отдает предпочтение монархии как единственно возможной форме государственного устройства (ЦС. 4–7). Этот момент отражает наиболее принципиальное различие в политических взглядах Платона и Влеммида.

В то же время структура общества в обоих случаях оказывается очень похожей и включает в себя три сословия: правители (у Влеммида — правитель); люди философского склада души, способные к познанию высшей истины (у Платона они называются стражами, а у Влеммида — «занимающиеся серьезно разумом и истиной»); и люди, занятые производительным трудом (крестьяне, ремесленники, торговцы и др.) (ПГ. 396b–374d, 412b–414a, 484a–486e; ЦС. 5). Это разделение труда на умственный и физический отражает аристократизм общества, в котором умственный труд считается высшей сферой деятельности, предназначенной лишь для избранных. Платон, однако, идет дальше Влеммида: в его «Государстве» стражам категорически запрещено заниматься производительным трудом (ПГ. 374 a–e). Сделай Платон еще один шаг, он пришел бы к кастовому характеру спартанского общества. В этом отношении взгляды Влеммида не были столь радикальными и отражали реалии Византии.

Ни в одно из перечисленных сословий Платон не включает судей и врачей. Он считает, что в совершенном государстве функции суда и медицины должны быть сведены к минимуму, а судьям и врачам следует заботиться лишь о полноценных гражданах государства, предоставляя прочим вымирать (ПГ. 405a–410a). Из текста «Царской статуи» неясно, относит ли Влеммид представителей данных про-

фессий к какому-нибудь сословию. Однако, в отличие от Платона, необходимость их существования в государстве не подвергается им сомнению, причем руководящими принципами деятельностей судей и врачей провозглашаются справедливость и гуманность (ЦС. 151–158), что коренным образом отличается от платоновского принципа «государственной выгоды» (или «общего блага»), ведущего к полному подавлению личности государственной машиной. Так, например, Влеммид глубоко убежден, что врачи должны использовать любую возможность, чтобы вылечить больного. Асклепиады и подобные им врачи, которым предлагает следовать Платон (ПГ. 407с–408с), воспринимаются им как антиподы настоящих врачей и осуждаются (ЦС. 151).

Оба автора придавали большое значение государственной идеологии, которая, с их точки зрения, должна решать задачу единения всех граждан. Для Влеммида вопрос о том, какой следует быть этой идеологии, по-видимому, не существовал: в основе ее должна находиться христианская религия, ревностным служителем которой он являлся. Платон подходит к данной проблеме чисто прагматически. Он избирает в качестве идеологии своего «Государства» веру в миф о матери-земле, которая, по его мнению, должна целенаправленно «внедряться» в сознание граждан (ПГ. 414с–415d). В отличие от христианской доктрины, этот миф закреплял изначальное неравенство людей и отвечал делению общества на сословия, хотя и не отрицал возможность перехода граждан из низшего разряда в высший (ПГ. 415а–с).

Большое сходство обнаруживается во взглядах Платона и Влеммида на вопрос о налогах. Последние рассматриваются обоими авторами как добровольные подношения граждан правителям (правителю) в уплату за свою безопасность и сохранность имущества (ПГ. 416d–е; ЦС. 2–5). Согласно Платону, налоги включают в себя лишь самый необходимый для жизни правителей и стражей минимум одежды и пищи, то есть имеют натуральный характер. Влеммид же, по-видимому, считает, что только часть налогов должна взиматься в натуральном виде. Об этом можно заключить из следующего его высказывания: «Итак, хорошо, чтобы с людей, занятых материальными благами, взимать должную часть производства, или эту самую, или с обменивающих и использующих ее согласно решению правителя» (ЦС. 5).

Военная доктрина в платоновском «Государстве» носит преимущественно оборонительный характер, поскольку завоевательные войны Платон рассматривает как симптом разрушения первоначального идеального порядка (ПГ. 373а–е). Соответственно, армия, хотя и является профессиональной, носит название армии стражей, набираемых из числа граждан. Главную цель воинской подготовки Платон видит в закаливании духа, а не тела, поэтому умению пользоваться оружием и дру-

гим солдатским навыкам не придается им особого значения (ПГ. 410b). Главное качество воина — умение спокойно созерцать ужасы войны. Воспитание этого качества начинается с детского возраста путем военных игр и созерцания детьми настоящих сражений и продолжается всю жизнь (ПГ. 466e–467e). Не вдаваясь в детали, Платон намечает только основное направление гимнастической подготовки воинов и формулирует ряд общих требований, а именно: воздержание от пьянства, обильной еды и телесных излишеств, простота гимнастических упражнений (ПГ. 403c–404e). В эпоху Никейской империи (1204–1261) армия профессиональных наемников (главным образом, из числа латинян) представляла собой главную ударную силу византийского войска. Предпринятая императором Феодором II Ласкарисом попытка создать национальную армию окончилась неудачей[13]. По-видимому, взгляды Никифора Влеммида в основном отображают эти реалии, хотя прямые указания на это в тексте отсутствуют. В отличие от Платона, Влеммид дает ряд практических советов по подготовке воинов и тактике ведения военных действий. Он считает, что воины должны быть физически выносливы и опытны. Эти качества достигаются регулярными упражнениями и практикой (ЦС. 123–127, 140). Физическая подготовка воинов должна состоять из простых, но хорошо известных упражнений (бег, прыжки и езда на лошади в полном вооружении, борьба и метание копья) (ЦС. 127, 131). В отношении спортивных игр Влеммид настроен скептически (ЦС. 128–130). Правителю он предлагает придерживаться тактики внезапного и быстрого наступления (ЦС. 141, 151, 154). Особо следует отметить, что в «Государстве» Платона флот отсутствует, в то время как Влеммид упоминает о нем в своем трактате (ЦС. 133–135).

Платон отрицает необходимость государственных законов. Он глубоко убежден, что эффективное воспитание восстанавливает благородные традиции (уважение к старшим, почитание родителей и др.) и вырабатывает в людях некоторые абсолютные нормы поведения, согласно которым должна строиться жизнь в обществе (ПГ. 423e–427a). В заботе правителей нуждаются только законы о культе (ПГ. 427b–c). По мнению В. Йегера, здесь Платон ориентировался на образец спартанского государственного устройства, поскольку «недооценка механизма государственного управления, замена законодательства властью обычаев и системой общественного воспитания, пронизывающей всю жизнь человека... — все это черты, свойственные Спарте»[14]. Напротив, по Влеммиду, жизнь общества, и в том числе деятельность самого императора (ЦС. 212), регулируется законом. Его древнее про-

---

[13] *Жаворонков П. И.* Военное искусство Никейской империи // ВО. М., 1996. С. 145–146.

[14] *Йегер В.* Пайдейя. М., 1997. С. 228.

исхождение особо подчеркивается автором (ЦС. 1). В то же время тема законотворческой деятельности правителя им вовсе не затрагивается. Из текста источника неясно, о каком древнем законе ведет речь Влеммид. Так, под этим законом он мог понимать традицию, библейское положение, а также юридическую норму, выработанную еще в Римской империи, или ее более позднюю рецепцию. В любом случае здесь проявляется тот традиционализм правосознания византийцев, на который указывал А. П. Каждан[15] и который в некоторой степени сближает их с жителями платоновского государства.

На частную собственность в государстве Платоном и Влеммидом вводятся ограничения. Рассматривая частную собственность как фактор дезинтеграции общества, Платон лишает права на нее правителей и стражей, действиями которых, по его мнению, достигается единство и целостность государства (ПГ. 416d–417b). Аналогичных взглядов, по-видимому, придерживается и Влеммид. Однако, поскольку в монархическом государстве правитель является единственным гарантом стабильности и порядка, это радикальное решение распространяется Влеммидом на него одного (ЦС. 2).

Основополагающим условием существования государства как Платон, так и Влеммид считают нравственное совершенство его граждан. Решение этой проблемы является, по их мнению, одной из основных задач правителя (ПГ. 412a, 424d–e, 540a–c; ЦС. 23–28). В этой связи тема идеального царя в сочинениях Платона и Влеммида ставится в ряд важнейших. Следует, однако, отметить, что, в отличие от Платона, изобразившего в «Государстве» некого абстрактного правителя, царь у Влеммида — это собирательный образ. В нем исследователи отмечают присутствие многих реальных черт никейских императоров Иоанна III Ватаца (1222–1254) и Феодора II Ласкариса (1254–1258)[16]. Здесь проявилась та особенность мироощущения византийцев, в отношении которой Ф. Тиннефельд отметил, что «византийцу был незнаком абстрактный дух времени»[17]. Иными словами, их мировоззрение обычно носило конкретно-личностный характер.

Представление о правителе-философе является наиболее существенным элементом сходства во взглядах Платона и Влеммида на идеального царя (ПГ. 473c–e; ЦС. 6–7). При этом философия понималась обоими авторами в самом широком смысле слова и включала в

---

[15] *Каждан А. П.* Византийская культура X–XII вв. М., 1968. С. 87–88.

[16] *Андреева М. А.* Указ. соч. С. 9–10; 149–150; *Васильев А. А.* История Византийской империи: От начала крестовых походов до падения Константинополя. СПб., 1998. С. 229; *Ряшко Л. С.* Императорская справедливость в интерпретации Никифора Влеммида: риторика и реальность // АДСВ, 1997, 28. С. 67–71.

[17] *Tinnefeld F. H.* Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Procop bis Niketas Choniates. M nchen. 1971. S. 190–191.

себя весь комплекс наук того времени, изучив которые, человек получал глубокое всестороннее образование. Особо следует отметить, что в соответствии со взглядами Платона правителем в «Государстве» может стать, в принципе, любой человек, обладающий природными способностями и получивший философское образование (ПГ. 415a–c). Эти взгляды разделял и Влеммид, считавший образованность важнейшим требованием к претенденту на царскую власть, хотя в Византии уже утверждалась практика ее наследования[18].

При рассмотрении вопроса о богоподобности правителя оба автора придают большое значение понятию «мимесиса». Как Платон, так и Влеммид полагают, что только подражание божественной мудрости путем философских размышлений уподобляет царскую власть власти Бога (ПГ. 500c–d; ЦС. 7). Власть же сама по себе, без философии, воспринимается ими как средоточие зла и пороков. Однако в другом месте Влеммид следует традиции Евсевия Кесарийского, которая трактует саму по себе императорскую власть как отображение власти Бога на земле и наделяет ее сакральным характером (ЦС. 7). Эта попытка Влеммида соединить два разных взгляда на власть приводит его к некоторому противоречию.

Платон и Влеммид создают образ идеального правителя в рамках почти одного и того же набора добродетелей, причем Влеммид уделяет этим вопросам несравнимо больше внимания. Так, правителю (у Платона — правителям и стражам), считают они, следует уметь управлять собой (ПГ. 389d–e; ЦС. 10), он должен быть некорыстолюбивым (ПГ. 485e–486a; ЦС. 67–85), невысокомерным (ПГ. 486b; ЦС. 92–99), всегда стремиться к истине (ПГ. 389b–d, 490b; ЦС. 110–116). Жизнь правителя должна проходить в трудах на благо общества и отличаться сдержанностью и строгостью (ПГ. 388e, 535c; ЦС. 105). В частности, Влеммид полагает, что высокомерие, о котором Платон упоминает лишь мельком, часто является причиной распущенности. Последняя, в свою очередь, приводит к гибели целые государства. Это положение иллюстрируется Влеммидом примерами из мифологии. Интересно также отметить, что Платон, высоко ценивший истину, в то же самое время полагает, что во имя государственного блага правитель может иногда пренебрегать ей.

Однако тот же принцип «государственной выгоды» заставляет Платона, в отличие от Влеммида, относиться к женщине объективно и рационально. Он признает, что женщина обладает теми же способностями и правами, что и мужчина, хотя и слабее его физически (ПГ. 455d–e). В частности, она должна получать такое же воспитание,

[18] *Angold M. J.* Byzantine government in exile: Government and Society under the Laskarids of Nicaea (1204–1261). London, 1975. P. 45.

как и мужчина (ПГ. 456c–d), и может занимать любые должности, вплоть до самых высших (ПГ. 540 с). Если у Платона отношение к женщине — один из принципов его системы, то у Влеммида это одна из черт его характера. Неприятие женщины как существа, равного мужчине, было отчасти связано у Влеммида с крайними проявлениями религиозного чувства, что, по-видимому, не было необычным для того времени (ЦС. 13–33). В то же время тезис Влеммида о необходимости правителю-философу вести целомудренный образ жизни соответствует положению Платона о том, что истинному философу чужды телесные удовольствия (ПГ. 485d–e).

Лингвистический анализ близких по смыслу положений двух авторов подтверждает наш тезис о том, что в отношении «Царской статуи» можно говорить лишь о заимствовании идей. Во всяком случае, в трактате Влеммида мы не находим ни одного пассажа, который бы текстуально совпадал с соответствующим местом у Платона. Авторы используют разные языковые средства для выражения одной и той же мысли. Например, полагая, что все граждане идеального государства должны быть родственниками, Платон, пишет: «Ἅτε οὖν συγγενεῖς ὄντες πάντες...» (415a). Влеммид явно следует за ним: «...Ὅτι τὸ ἀρχόμενον συγγενὲς...» (ЦС. 35). В другом месте Платон говорит о необходимости запрета всякой частной собственности у стражей и правителей: «Πρῶτον μὲν οὐσίαν κεκτημένον μηδεμίαν μηδένα ἰδίαν...» (416d). Аналогичное требование в отношении правителя мы встречаем и у Влеммида: «...Τὸν δὲ μηκέτι μηδὲν ἴδιον ἔχοντα...» (ЦС. 2) и т. д.

Лингвистические совпадения встречаются лишь на уровне отдельных слов. Однако Влеммид и здесь проявляет авторскую индивидуальность, нередко вкладывая в эти слова совершенно иной смысл, нежели Платон. В частности, другие значения в «Царской статуе» приобретают такие известные платоновские добродетели, как ἀνδρεία и σωφροσύνη.

У Платона σωφροσύνη в переводе означает рассудительность, благоразумие и представляет собой философскую категорию, суть которой — подчинение худшего лучшему. В частности, рассудительностью является покорение разумом инстинктов, порождаемых вожделеющим началом души. В «Царской статуе» σωφροσύνη следует переводить как умеренность, воздержание, целомудрие. У Влеммида эта добродетель лишена философского смысла и отвечает авторским представлениям об идеальном образе жизни правителя.

Другое свойство человеческой души — ἀνδρεία — означает у обоих авторов храбрость, мужество. Однако у Платона, как и в предыдущем случае, ἀνδρεία — философская категория, обозначающая некоторую силу души, помогающую разуму в борьбе с внутренними врагами человека (жажда телесных удовольствий и стремление к богатству).

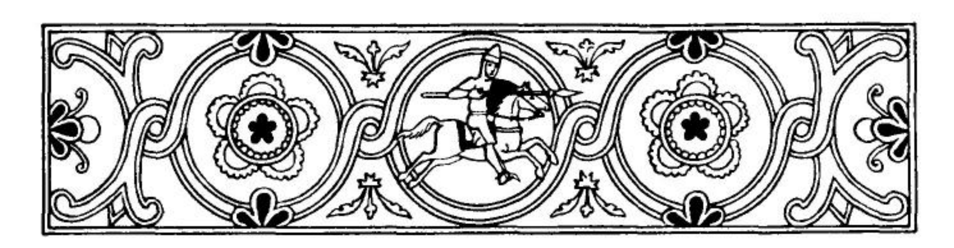
Влеммид же употребляет это слово в его прямом смысле: мужество в борьбе с внешними врагами государства.

И у Платона, и у Вламмида понятие гнева определяется словом θυμός. Однако у Платона гнев выступает в качестве благородной силы, борющейся за справедливость на стороне разума. Напротив, Влеммид описывает гнев как разрушительную силу, вышедшую из-под контроля разума и направленную на подданных.

Оба автора в число основных человеческих пороков включают корыстолюбие, обозначая его словом φιλοχρηματία, но при этом вкладывают в него различный смысл. Платон считает корыстолюбием любое взаимодействие с деньгами. Он видит в нем суету, чуждую душе истинного философа, сосредоточенного на познании высшей истины. Влеммид имеет более практичный взгляд, полагая, что деньги, казна, налоги должны входить в круг обязанностей правителя-философа. Под корыстолюбием автор понимает прежде всего чрезмерную жадность при взимании налогов с подданных.

Таким образом, можно утверждать, что в лингвистическом отношении «Царская статуя» сильно отличается от платоновского «Государства», хотя в идейном плане аналогии очевидны. Отдельные ключевые слова используются обоими авторами. Однако изменение их смысла у Влеммида ведет к изменению их идейного содержания. Поэтому сочинение Влеммида можно рассматривать как вариацию на темы и сюжеты, обозначенные в «Государстве» Платоном. «Царская статуя» — это самостоятельное сочинение, быть может, не претендующее на оригинальность, но написанное с определенными целями и задачами для определенной аудитории. Оно, несомненно, несет на себе отпечаток личности автора, его религиозных убеждений, а также отражает многие конкретно-исторические реалии эпохи.

П. П. Толочко

СТРАСТИ ПО МИТРОПОЛИТАМ КИЕВСКИМ

В 1159 г. Киевом овладел волынский князь Мстислав Изяславич. Конечно, ему хотелось самому утвердиться на великокняжеском столе, однако, не будучи уверенным в своих силах, он предлагает его дяде Ростиславу, который сидел в Смоленске. При этом выставляет условие, чтобы Ростислав, став великим князем, вернул на митрополичью кафедру Клима Смолятича. Условие, нечего и говорить, было весьма пикантным. На Руси ведь был митрополит, и выполнение этого условия означало бы создание конфликтной ситуации не только внутри страны, но и вне ее. Изгнание митрополита Константина, поставленного в Киев по всем правилам Греческой Православной церкви, угрожало обострением отношений с Константинополем.

Ростислав ответил отказом. Начались напряженные и длительные переговоры. Мстислав заявил прибывшему в Киев послу смоленского князя Иванку, что он решительно настаивает на изгнании с митрополичьей кафедры Константина и возвращении Клима. Вернувшись в Смоленск, Иванко передал Ростиславу речь Мстислава. Тот и на этот раз не поддался давлению племянника. В Киев он шлет новое посольство во главе с сыном Романом и вновь пытается убедить Мстислава в нецелесообразности замены Константина на Клима. Трудные переговоры двоюродных братьев произошли под Вышгородом. Оба упорно отстаивали своих кандидатов. «Ростиславу же Клима не хотящю митрополитом, а Мстиславу Константина не хотящю, иже бяше священъ патриархомъ и великимъ соборомъ Костянтина града»[1].

В процессе переговоров Роман, по-видимому, связывался с отцом, но тот оставался непреклонен. В конце концов, удалось найти компромиссное решение: отказаться от услуг и Константина, и Клима, а при-

---

[1] Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). М.; Л., 1962. Т. I. Стб. 503.

гласить из Константинополя на киевскую митрополичью кафедру нового иерарха.

«Рѣчи продолжившися, и пребывши крѣпцѣ межи ими и тако отложиста оба, яко не сѣсти има на столѣ митрополитьстемь, и на том целоваста хрестъ, яко иного митрополита привести им ис Царягорода»[2].

Отчего же князья так упорствовали в своих решениях? Чтобы ответить на этот вопрос, необходим небольшой экскурс в недалекое прошлое.

Клим Смолятич стал митрополитом по воле великого киевского князя Изяслава Мстиславича. Случилось это в 1147 г. Воспользовавшись тем, что предыдущий митрополит Михаил, рассорившись с Всеволодом Ольговичем, отбыл в Константинополь и продолжительное время не возвращался, Изяслав решил избрать на митрополичью кафедру русина Клима Смолятича. Его ближайшим помощником в этом неординарном деле был епископ черниговский Онуфрий. По его инициативе был созван церковный собор в Киеве, чтобы в стенах Софии Киевской избрать нового митрополита. На приглашение Онуфрия откликнулись не все русские епископы. Согласно Ипатьевской летописи, в Киев прибыло семь епископов: Онуфрий Черниговский, Феодор Белгородский, Ефимий Переяславльский, Демян Юрьевский, Феодор Владимиро-Волынский, Нифонт Новгородский и Мануил Смоленский. Как свидетельствует Новгородская первая летопись, Нифонт не принимал участия в соборе. Возможно, так же поступил и Мануил. Оба епископа имели четко выраженную провизантийскую ориентацию и решительно воспротивились акции Изяслава—Онуфрия. В летописях нет сведений относительно остальных епископов (всего их к этому времени на Руси было 10), но здесь нет большой загадки. Церковный собор 1147 г. не считался каноническим и всеобщей поддержки не имел. Его бойкотировали епископы прежде всего тех земель (Ростово-Суздальской, Галицкой и Полоцкой), князья которых находились в активной оппозиции к Изяславу Мстиславичу.

Наиболее последовательными противниками поставления Клима Смолятича были Нифонт и Мануил. Они мотивировали свою позицию тем, что издавна не было такого закона, чтобы епископы ставили митрополита без патриарха и без благословения Святой Софии Константинопольской: «Не взялъ еси благословения у святоѣ Софьи, ни отх патриарха»[3].

В литературе иногда можно встретить мысль, что Нифонт и Мануил воспротивились акции Изяслава—Онуфрия оттого, что на митрополичью кафедру избирался не грек, а русин. Вряд ли это было так. Они не

---

[2] Там же.
[3] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 340.

могли смириться с нарушением канонической чистоты обряда, согласно которому исключительное право на освящение киевского митрополита имел Константинопольский патриарх. «Не есть того в законе, яко ставити епископом митрополита без патриарха, но ставить патриархъ митрополита»[4].

С точки зрения практики поставления митрополитов в Русь позиция Нифонта и Мануила выглядела безукоризненной. Нарушение заведенных порядков действительно имело место. Но так ли уж справедливы были эти порядки? Оказывается, нет. Как гласит 28-е правило IV Вселенского собора (Халкидонского, 451 г.), патриархи имели право только поставлять или освящать митрополитов «между варварами», но их избрание относилось к компетенции собора епископов соответствующей митрополии[5]. Константинопольские патриархи вопреки каноничным правилам присвоили себе право избирать киевских митрополитов, что они и делали вместе с архирейскими соборами. На Руси молчаливо согласились с таким порядком, который с течением времени обрел каноническую силу.

Таким образом, собор русских епископов имел право избрать митрополита. Каноничность этой части акции не была нарушена. Другое дело его хиротония. По мнению Нифонта и Мануила, она должна происходить в Святой Софии Константинопольской и обязательно с благословения патриарха.

Епископ Онуфрий полагал, что и это не обязательно. Он предложил освятить митрополита Клима мощами святого Климента, которые были одной из важнейших святынь Русской Православной церкви. При этом сослался на традицию Византийской церкви, когда патриархи ставятся рукой св. Иоанна.

«Азъ свѣде, достоить ны поставити, а глава у нас есть святаго Климента, яко же ставять грѣци рукою святаго Иоанна»[6]. Близкое сообщение находим в «Константинопольском паломнике» новгородского архиепископа Антония, в котором говорится, что в Св. Софии Константинопольской находится «Германа рука, ею же ставятся патриархи»[7]. Таким образом, константинопольский обычай стал примером для Русской Православной церкви.

Предложение Онуфрия поддержали присутствовавшие епископы, и Клим Смолятич был поставлен на киевскую митрополию. «И тако сгадавше епископы, главою святаго Климента поставиша митрополитом»[8]. Очень содержательное сообщение об этом событии содержит-

[4] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 340.

[5] *Милаш Никодим.* Правила Православной Церкви с толкованиями. СПб., 1911/1912. Т. 2. С. 126.

[6] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 340.

[7] *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. М., 1901. Т. 1. С. 306.

[8] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 341.

ся в Лаврентьевской летописи. «В лѣто 6655. Изяславъ постави митрополита Клима, калугера Русина, особь с шестью епископы, месяца июля в 27, на память святаго Пантелѣимона»[9].

Решения собора в Св. Софии Киевской, однако, не получили всеобщей поддержки и, по существу, привели к церковному расколу на Руси. Фактически Клим Смолятич исполнял митрополичьи обязанности только тогда, когда великим князем был Изяслав Мстиславич. Когда же он уходил под давлением Юрия Долгорукого из Киева, покидал свою кафедру и Клим. После смерти Изяслава Мстиславича в 1154 г. и утверждения в Киеве Юрия Долгорукого Клим и вовсе был смещен с митрополии.

Ряд исследователей высказались о церковном соборе 1147 г. в том смысле, что это была, по существу, попытка отделить Русскую Православную церковь от Константинопольского патриарха, подчеркнуть вселенскость русского христианства через признание первого места в Христовой Церкви Римского папы. Источники, имеющиеся в нашем распоряжении, как и вся история Русской Православной церкви, не дают для такого ответственного вывода и наименьших оснований. Ни Изяслав, ни Онуфрий не ставили перед собором таких далеко идущих планов. На нем не было даже и упоминаний о Риме и Римском папе. Наоборот, ссылка Онуфрия на обычай освящения Константинопольских патриархов рукою св. Иоанна Крестителя свидетельствовала каноническое единство двух Православных церквей. Изяслав не послал митрополита Клима в Константинополь для хиротонии его патриархом, но и не предпринял каких-либо действий, чтобы связаться с Римом. Максимум, чего хотел Изяслав, это вывести Русскую Православную церковь от жесткой ее зависимости от Константинопольского патриархата.

В 1156 г. из Константинополя прибыл на Русь новый митрополит. Им был крупный греческий богослов Константин I, который как будто был знаком с Русью еще до своего поставления. В Киеве торжественно встретили греческого иерарха. Накануне сюда прибыл и новгородский архиепископ Нифонт, чтобы оказать почести Константину, но осуществить свою мечту ему не удалось. Он умер в Киеве еще до прибытия митрополита. Среди встречающих были епископы Мануил Смоленский, Полоцкий, а также великий князь Юрий Долгорукий. Вот как описана эта встреча в Ипатьевской летописи. «Тогда же митрополит Константин приде исъ Царягорода, и прия и князь Дюрги съ честью, и Полоцкий епископ и Мануилъ Смоленьскии епископъ, иже бѣ бѣгалъ перед Климомъ»[10].

Пользуясь особым расположением Юрия Долгорукого и, по-видимому, пытаясь услужить великому князю, Константин занялся ликви-

[9] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 315.

[10] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 2. Стб. 485.

8 Зак. 3958

дацией церковного раскола. Прежде всего он предал анафеме Клима Смолятича и Изяслава Мстиславича, сместил с кафедр тех епископов, которые поставили и поддерживали Клима. Все его рукоположения были объявлены недействительными. От тех дьяконов, которые желали служить новому митрополиту, были взяты письменные осуждения бывшего митрополита.

«И тако испровергъши Климову службу, и ставления, и створивше божественную службу, и благословиша князя Дюргя Володимирича, а потомъ и дьякономъ ставление отда, иже бѣ Климъ ставилъ митрополитъ, писаша бо к нему ркописание на Клима»[11].

Тотальная чистка клира Русской Православной церкви, несомненно, осуществлялась с благословения Юрия Долгорукого, хотя инициировалась, безусловно, Константинопольский патриархией. Крутость, с которой митрополит Константин принялся наводить порядок во вверенной ему епархии, должна была продемонстрировать, кто в доме хозяин, а заодно и исключить подобные отступления от церковных правил в будущем.

Но Константин несколько переусердствовал. Его действия не принесли желаемого результата. Наоборот, породили еще бóльшие противоречия. Беспрецедентная акция проклятия Изяслава Мстиславича создала ему сильную княжескую оппозицию в лице сыновей покойного великого князя — Мстислава и Ярослава. Можно сказать, что положение митрополита Константина было ничуть не лучшим, чем его предшественника. Если Клим был всецело обязан покровительству Изяслава, то Константин в такой же мере зависел от поддержки Юрия Долгорукого. После смерти последнего он потерял опору власти, а вскоре и вовсе вынужден был оставить митрополичью кафедру.

Когда в 1159 г. в Киев вошли войска волынского князя Мстислава Изяславича, Константин бежал в Чернигов. Летописец так прокомментировал это событие: «Бѣ бо в то время выбѣглъ ис Кыева Мстислава дѣля Изяславича»[12]. Конечно, Константин боялся расплаты за проклятие Изяслава. Но почему он ушел, скажем, не в Константинополь, как это сделал в свое время митрополит Михаил, а в Чернигов? Исследователи объясняют это тем, что в Чернигове на епископской кафедре сидел грек Антоний, и там Константин рассчитывал найти надежное убежище. К этому, видимо, следует прибавить и то, что черниговским князем был один из наиболее верных союзников Юрия Долгорукого Святослав Ольгович, и Константин рассчитывал, по-видимому, на его поддержку в возвращении оставленной кафедры.

---

[11] Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 2. Стб. 485.
[12] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 349.

Надеждам его не суждено было сбыться. Святослав Ольгович хотя и приютил опального митрополита в своем городе, участия в его судьбе не принял. Не озаботились происшедшим и другие русские князья. Кроме Ростислава Мстиславича, готовившегося к роли великого князя, никто из них не выступил в защиту Константина. Мстислав Изяславич не мог простить ему проклятие отца, а поэтому решительно настаивал на смещении с кафедры. Да, видимо, и Ростислав не особенно усердствовал в отстаивании его прав. Принципиальной его позиция была только по отношению Клима, и, когда она, в конце концов, нашла понимание у Мстислава Изяславича, Ростислав легко согласился на то, что митрополичью кафедру должен занять новый человек.

В летописях нет сведений, как вел себя в этой ситуации епископат Русской Православной церкви. Он целиком состоял из иерархов, поставленных Константином, и, по логике вещей, должен был вступиться за своего митрополита. Тем не менее, епископы, видимо, тоже промолчали. Уж очень одиозной представлялась личность Константина на Руси, чтобы ее можно было защищать без собственных нравственных потерь.

Заняв Киев, Ростислав отправил в Константинополь посольство с просьбой посвятить на Русь нового митрополита. При этом, вероятно, были объяснены причины, по которым кафедру не может занимать далее Константин. В патриархии с должным уважением отнеслись к этой просьбе, но с присылкой митрополита не торопились. Только под 1161 г. Ипатьевская летопись сообщает о прибытии в Киев митрополита Феодора. «Том же лѣте приде митрополитъ Федоръ ис Царягорода, месяца августа, бяшеть бо посылалъ по нь князь Ростислав»[13]. Здесь несколько смещена хронология событий, в действительности митрополит Феодор прибыл в Киев в августе 1160 г., но и эта дата отстоит от просьбы Ростислава более чем на год.

Столь длительные раздумья Константинополя объясняются, по-видимому, необычностью ситуации. На Руси был канонический иерарх, и поставление туда еще одного не предусматривалось церковными правилами. Неизвестно, как долго бы длилась эта неопределенность, если бы трудную проблему не разрешил сам Константин, а вернее, его смерть, наступившая в 1159 г.

Рассказав о кончине митрополита Константина, летописец заметил, что «народи же вси дивишася о смерти его». Удивляться и вправду было чему. Чувствуя близкий конец, Константин призвал к себе епископа Антония и сообщил ему следующее завещание: после смерти тело его не должно быть предано земле, но выволочено при помо-

[13] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 515.

щи веревки, привязанной к ногам, за город и там оставлено на съедение собакам.

Согласно Московскому летописному своду 1479 г., завещание свое Константин подготовил письменно. Запечатав его, он передал епископу Антонию и взял с него клятву, что тот исполнит все в точности, как записано в этой грамоте. Когда Антоний распечатал грамоту в присутствии Святослава Ольговича и прочитал ее, то «обрете в ней страшную вещь».

Конечно, было от чего ужаснуться Антонию и Святославу. Таких похорон они еще не знали. Однако клятва была дана, и Антоний выполнил последнее слово Константина.

Чем была вызвана столь необычная просьба митрополита? Объяснение некоторых историков, что Константин таким образом искупал свою вину за неканонически длительное отсутствие в Киеве или же за суровое обхождение со сторонниками Клима Смолятича, вряд ли корректно. Не таков был у него характер, чтобы раскаиваться в содеянном. Скорее всего, это действительно был вызов обществу, отвергнувшему его, протест против совершенной над ним несправедливости[14].

По истечении трех дней Святослав приказал подобрать тело митрополита, внести в город и похоронить его у св. Спаса. Это было вызвано якобы тем, что за все это время тело оставалось цело и никто к нему не посмел притронуться. «На утрий же день Святославъ князь здумавъ с мужи своими и съ епископомъ, вземше тѣло его и похорониша в церкви у святаго Спаса Черниговѣ»[15].

Нетронутость тела Константина была расценена современниками как первое чудо. За ним последовали и другие. Тот же Московский свод сообщает, что во время похорон митрополита в Киеве «солнце помрачися и буря зѣлна бѣ», тряслась земля, блистали молнии, грохотала гроза. Великий князь Ростислав в это время находился под Вышгородом. Буря сорвала его шатер. Князь наполнился страха и, вспомнив о смерти Константина, о которой ему поведал Святослав Ольгович, послал к Святой Софии и иным церквам, чтобы служили всенощную по митрополиту.

В Чернигове в это время сияло солнце, а ночью было видно над телом митрополита три столба огненных до небес, а когда свершилось погребение, установилась необычайная тишина. Эти явления послужили основанием для провозглашения Константина святым Русской Православной церковью.

---

[14] *Толочко О.* Смерть митрополита Константиіна // Medievalia Ucrainica: Ментальність та історія ідей. Т. 2. К., 1993. С. 32.

[15] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 349.

Итак, Константин умер, митрополичью кафедру занял грек Феодор, а Клим, по-видимому, коротал свои дни во Владимире-Волынском. Казалось, о нем совсем забыли, но судьба готовила ему еще одно испытание. В 1163 г. неожиданно умирает митрополит Феодор и Ростислав принимает, наконец, решение вернуть на кафедру Клима. В Константинополь снаряжается посольство с просьбой признать его законным митрополитом Руси. К сожалению для Клима, русские послы встретились в Олешье с греческим посольством, которое сопровождало на Русь нового митрополита. Пришлось им возвращаться в Киев.

Такая необычайная торопливость патриархии возмутила Ростислава. Первой его реакцией было отказать митрополиту в приеме и отправить обратно в Константинополь. Затем он поменял гнев на милость, но при этом произнес такие слова: «Я сего митрополита за честь и любовь царскую нынѣ прийму, но впредь ежели патриарх безъ ведома и определения нашего, противно правил святыхъ апостол в Русь митрополита поставитъ, не токмо не прииму, но и закон сдѣлаемъ вечный избирать и поставлять епископамъ Рускимъ с повеления великого князя»[16].

Свидетельство В. Н. Татищева, несмотря на определенный скепсис историков, находит подтверждение и в древнерусской летописи. Вот что сообщает об этом событии Ипатьевская летопись в статье 1164 г.: «Прииде митрополитъ Иванъ в Русь, и не хотѣ его Ростиславъ прияти, занеже отрядил бяше Ростиславъ Гюряту Семковича къ цареви, хотя оправити Клима въ митрополью: и възвратися опять Гюрята изъ Олешья с митрополитомъ и царевомъ посломъ»[17].

Из дальнейшего изложения видно, что между Ростиславом Мстиславичем и императорским послом произошел серьезный разговор. Посол передал великому князю послание императора. «Молвить ти царь, аще приемши с любовью благословение отъ святыя Софья...»[18]. Дальше в летописи пропуск и, по-видимому, не случайный. Еще Е. Е. Голубинский полагал, что бдительный цензор убрал из летописи резкие высказывания Ростислава, чтобы смягчить конфликтную ситуацию[19]. Какими были эти слова в протографе статьи Ипатьевской летописи, мы не знаем, но очень возможно, что именно такими, какие содержатся в летописи В. Н. Татищева.

Кроме уверений в уважительном отношении императора к великому князю Ростиславу, последнему были поднесены и богатые царские дары («присла царь дары многы Ростилаву, оксамиты и паволоки

[16] *Татищев В. Н.* История российская. Т. 3. М.; Л., 1964. С. 79.
[17] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 522.
[18] Там же.
[19] *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. М., 1901. Т. 1. С. 344.

и вся узорочья различныя»), что несомненно повлияло на его окончательное решение.

Сработал старый и испытанный способ хитрых византийцев: лесть и подкуп. Они лишили Ростислава его непреклонности в возвращении на митрополичью кафедру Клима Смолятича. Правда, следует признать, что его «прозрение» было несколько запоздалым. Если бы он не смалодушничал в 1159 г., возможно, прецедент с поставлением русского митрополита Киеву, случившийся в 1147 г., имел бы продолжение. Широкой поддержки он, как известно, не получил ни в церковных, ни в светских кругах, но кто знает, как бы все сложилось, уступи Ростислав настояниям Мстислава и верни на кафедру Клима. Возможно, пришлось бы смириться с таким порядком избрания и Константинопольскому патриархату. Наверное, хиротония киевского митрополита все равно происходила бы в Софии Константинопольской при участии патриарха и архирейского собора Византийской Православной церкви, но кандидатура его определялась бы в Киеве.

К сожалению, этого не случилось. Страсти по киевским митрополитам, продолжавшиеся в течение семнадцати лет, не привели к изменению устоявшихся порядков, хотя и показали, что на Руси они не всеми воспринимались как безусловные.

А. А. Чекалова

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНСУЛАТА В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

Восходивший к древним временам титул консула уже во времена империи потерял свое фактическое значение главнейшей некогда римской магистратуры, став хотя и важным, но все же лишь почетным титулом — honor sine labore. Константин попытался поднять значение консулата, хотя смысл его мероприятий сводился, как кажется, в первую очередь к тому, чтобы поднять престиж своего окружения, прежде всего военачальников, нередко являвшихся варварами или выходцами из этой или подобной среды[1].

Затем, однако, намечается все большая разница между римскими и константинопольскими консулами. В Риме, где сохранялось влияние старой сенаторской знати, консульства все чаще удостаиваются истинные родовитые аристократы, подобно семейству консула 371 г. Проба, дед, отец и три сына которого также были удостоены консульского звания, или рода Симмахов, представители которого достигали консульства в 330, 391, 446, 485 и 522 гг. Если в начале V в. старинные аристократы составляли четвертую часть римских консулов, то на рубеже V–VI вв. из 47 консулов 46 являлись представителями старой сенаторской знати[2].

Чтобы проанализировать эволюцию консулата на Востоке, попробуем обратиться к просопографическим данным и посмотреть, кто назначался консулом на тот или иной год. Жирным шрифтом мы обозначили императоров и их родственников, курсивом — военачальников и обычным — гражданских чиновников; подчеркнуты имена тех, которые были удостоены консульства без исполнения той или иной должности, хотя, возможно, этот факт просто остался неизвестным. Должности указаны лишь самые высшие. До 395 г., т. е. времени окон-

[1] *Alföldy G.* Römische Sozialgeschichte. Wiesbaden, 1975. S. 174.

[2] *Bagnal R. S., Cameron A. L., Schwartz S. R., Work K. A.* Consuls of the Later Roman Empire. Atlanta (Georgia), 1987. P. 7.

чательного разделения империи на две части, приняты в расчет лишь те консулы, которые назначались специально для Востока.

Год консульства	Имя консула	Статус в имперской иерархии	Родственные отношения	Примечание
352	**Констанций**	**император**		
352	**Констанций**	**император**		во второй раз
385	**Аркадий**	**император**		
388	**Феодосий I**	**император**		
392	**Аркадий**	**император**		во второй раз
393	**Феодосий I**	**император**		во второй раз
394	**Аркадий**	**император**		в третий раз
396	**Аркадий**	**император**		в четвертый раз
397	Фл. Кесарий	префект претория Востока 395–397 гг.		
398	Фл. Евтихиан	префект претория Востока 399–400 гг.; 404–405 гг. (во второй раз)		
399	Евтропий	препозит священной спальни 395–399 г.		
400	Аврелиан 3[3]	префект претория Востока 399 г.; 414–416 гг. (во второй раз)	сын Тавра, консула Запада 361 г.	
401	*Фл. Фравитта*	магистр милитум praesentalis 400 г.		
402	**Аркадий**	**император**		в пятый раз
403	**Феодосий II**	**император**		
404	Аристенет	префект города 392 г.		
405	Анфимий 1	префект претория Востока 405–414 гг.		
406	**Аркадий**	**император**		в шестой раз
407	**Феодосий II**	**император**		во второй раз
409	**Феодосий II**	**император**		в третий раз
410	*Варан*	магистр милитум 409 г.		
411	**Феодосий II**	**император**		в четвертый раз
412	**Феодосий II**	**император**		в пятый раз
413	Фл. Лукий	комит священных щедрот 408 г.		
414	*Констант 3*	магистр милитум Фракии 412–414 (?) гг.		

[3] Цифровые обозначения после имени здесь и далее даются по: The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 1 / Ed. A. H. M. Jones, J. R. Matrindale, J. Morris. Cambridge, 1971 (Далее — PLRE. I); Vol. 2 / Ed. J. R. Martindale. Cambridge, 1980 (Далее — PLRE. II).

Продолжение

Год консульства	Имя консула	Статус в имперской иерархии	Родственные отношения	Примечание
415	**Феодосий II**	**император**		в шестой раз
416	**Феодосий II**	**император**		в седьмой раз
418	**Феодосий II**	**император**		в восьмой раз
419	Фл. Монаксий	префект претория Востока 416–420 гг.		
	Фл. Плинта	магистр милитум praesentalis 419–438 гг.		
420	**Феодосий II**	**император**		в **девятый раз**
421	Фл. Евстафий 12	префект претория Востока 420–421 гг.		
422	**Феодосий II**	**император**		в **десятый раз**
423	Асклепиодот 1	префект претория Востока 423–425 гг.		
424	Виктор 2			
425	**Феодосий II**	**император**		в одиннадцатый раз
426	**Феодосий II**	**император**		в двенадцатый раз
427	Фл. Гиерий	префект претория Востока 425–428 гг.; префект претория Востока (?) 432 г.		
	Фл. Ардавур	магистр милитум 424–425 гг.	отец Аспара	
428	Фл. Тавр	префект претория Востока 433–434 гг., 445 г. (во второй раз)	сын Аврелиана 3	
429	Фл. Флорентий	префект претория Востока 428–429 гг., 438–439 гг. (во второй раз)		
	Фл. Дионисий	магистр милитум Востока 428–441 гг.; магистр милитум 434–435/440 гг.		
430	**Феодосий II**	**император**		**в тринадцатый раз**
431	Фл. Антиох	префект претория Востока 430–431 гг.		
432	**Валерий 6**		Брат императрицы Евдокии	
433	**Феодосий II**	**император**		в четырнадцатый раз

Продолжение

Год консульства	Имя консула	Статус в имперской иерархии	Родственные отношения	Примечание
434	*Фл. Ареовинд 2*	магистр милитум 434–449 гг.		
435	**Феодосий II**	**император**		в пятнадцатый раз
436	Фл. Анфимий Исидор	префект претория Востока 435–436 гг.		
	Фл. Сенатор 4			
438	**Феодосий II**	**император**		в шестнадцатый раз
439	**Феодосий II**	**император**		в семнадцатый раз
440	*Фл. Анатолий 10*	магистр милитум Востока 433–ок. 446 гг.; магистр милнтум 450–451 гг.		
441	Фл. Тавр Селевк Кир 7	префект города 426 г.; префект города (во второй раз) и префект претория Востока 439–441 гг.		
442	Фл. Евдоксий 6	комитет rei privatae 440 г.		
444	**Феодосий II**	**император**		в восемнадцатый раз
445	Ном	магистр оффиций 443–446 гг.		
447	*Ардавур Младший*	магистр милитум Востока 453–466 гг.	сын Аспара	
448	*Фл. Зинон*	магистр милитум Востока 447–451 гг.		
449	Фл. Флорентий Роман Протоген	префект претория Востока до 448 г.; 448–449 гг. (во второй раз)		
451	**Маркиан**	**император**		
452	*Фл. Спораккй 3*	комит доместиков 450–452 гг.		
453	Иоанн Винкомал	магистр оффиций 451–452		
454	*Фл. Аетий*	комит доместиков 451 г.		
	Студий 2			
455	*Анфимий 3*	магистр милитум 454–467 гг.		
456	Иоанн 21 Варан 2			
457	Фл. Константин 22	префект претория Востока 447 г.; 456 г. (во второй раз); 459 г. (в третий раз)		

Продолжение

Год консульства	Имя консула	Статус в имперской иерархии	Родственные отношения	Примечание
	Фл. Руф, консул posterior			
458	**Лев I**	**император**		
459	**Юлий Патрикий**		сын Аспара. муж дочери императора Льва, Леонтии	
460	Аполлоний 4	префект претория Востока 442–443 гг.(?) или магистр (?) милитум praesentalis 443–451 гг.		
461	Фл. Дагалаиф 2		сын Фл. Ареовинда 2, муж внучки Аспара Годисфеи	
462	**Лев I**	**император**		во второй раз
463	Фл. Вивиан 2	префект претория Востока 459–460 гг.		
464	*Фл. Рустикий 5*	магистр милитум Фракии ок. 464 г.		
	Аниций Олибрий 6		муж внучки Феодосия II Плакидии	
465	**Фл. Василиск 2**		шурин императора Льва I	
	Ерминерих		сын Аспара	
466	**Лев I**	**император**		в третий раз
	Татиан 1	префект города 450–452 гг.	внук префекта претория Востока 388–392 гг. Татиана 5	
467	Пусей	префект претория Востока 465 г. 467 г. (во второй раз)		
	Иоанн	комит и магистр оффиций 467/468 гг., префект претория Иллирика 479 г.		
469	**Фл. Зинон 7**	магистр милитум Востока 466–469 гг.	зять императора Льва I	будущий император
470	*Фл. Йордан 3*	магистр милитум Востока 466–469 гг.		
471	**Лев I**	**император**		в четвертый раз

Продолжение

Год консульства	Имя консула	Статус в имперской иерархии	Родственные отношения	Примечание
472	**Фл. Маркиан 17**		внук императора Маркиана, зять императора Льва I	
473	**Лев I**	**император**		в пятый раз
474	**Лев II**	**император**		
475	**Зинон**	**император**		
476	**Василиск**	**император**		
	Армат		племянник императора Василнска и императрицы Верины	
478	Илл 1	магистр оффиций 477–481 гг.		
479	**Зинон**	**император**		во второй раз
482	*Фл. Аппалий Илл Трокунд*	магистр милитум Востока 479–482 гг.	брат Илла I	
484	*Фл. Теодорих 7*	магистр милитум praesentalis 483–487 гг.		будущий король остготов
486	**Фл. Лонгин**	магистр милитум	брат императора Зинона 485 (?)–486 г.	
489	Фл. Евсевий	магистр оффиций 492–497 гг. (?)		
490	**Фл. Лонгин**	магистр милитум 485 (?)– 486 г.	брат императора Зинона	во второй раз
491	**Оливрий 3**		праправнук императора Феодосия II	
492	**Анастасий** Фл. Руф. консул posterior	**император**		
493	Фл. Евсевий	магистр оффиций 474 г. (?), магистр оффиций 492–497 гг.		
496	Павел 26		брат императора Анастасия	
497	**Анастасий**	**император**		во второй раз
498	*Иоанн Скиф*	магистр милитум Востока 483–498 гг.		
499	*Фл. Иоанн Кирт 93*	магистр милитум praesentalis 492–499 гг.		

Продолжение

Год консульства	Имя консула	Статус в имперской иерархии	Родственные отношения	Примечание
500	*Фл. Патрикий 14*	магистр милитум praesentalis 500–518 гг.		
	Фл. Ипатий 6		племянник императора **Анастасия**	
501	**Помпей**	магистр милитум 528 г.	племянник императора **Анастасия**	
502	**Пров**		племянник императора **Анастасия**	
503	Фл. Дексикрат			
505	*Савиниан 5*	магистр милитум Иллирика 505 г.		
506	**Фл. Ареовинд Дагалаиф Ареовинд 1**	магистр милитум Востока 503–504 гг. 505 г. (?)	муж Юлианы Аниции, правнучки императора Феодосия II	
507	**Анастасий**	**император**		в третий раз
511	**Секундин**	префект города, 492 г.	зять императора Анастасия	
512	Фл. Павел 34		сын префекта претория Востока 459–460 гг. Вивиана 2. брат префекта города 474/479 гг. Адамантия	
	Фл. Мосхиан		брат Секундина, зятя императора Анастасия (?)	
513	Фл. Тавр Клементин Армоний Клементин	комит **священных** шедрот **511 (?)–513 гг.**	потомок Тавра и Аврелиана 3	
515	**Прокопий Анфимий 9**		внук императора Маркиана	
517	**Фл. Анастасий Павел Пров Савиниан Помпей Анастасий**		родственник императора Анастасия	
518	**Фл. Анастасий Павел Пров Мосхиан Пров Маги**		родственник императора Анастасия	
519	**Юстин I**	**император**		

Продолжение

Год консульства	Имя консула	Статус в имперской иерархии	Родственные отношения	Примечание
520	*Виталиан 2*	магистр милитум praesentalis 518–520 гг.		
521	**Фл. Петр Савватий Юстиниан**		племянник императора Юстина I	
524	**Юстин I**	**император**		во второй раз
525	*Фл. Феодор Филоксен Сотерих Филоксен 7*	магистр милитум Фракии 491/518 гг.		
526	Фл. Аниций Олибрий	возможно, консул Запада		
528	**Юстиниан I**	**император**		во второй раз
529	Деций (?)	возможно, консул Запада		
533	**Юстиниан I**	**император**		в третий раз
534	**Юстиниан I**	**император**		в четвертый раз
535	*Велисарий*	магистр милитум per Orientem 529–531,533–542, 549–551 гг.		
538	Иоанн Каппадокийский	префект претория Востока 531–январь 532, 532–541 гг.		во второй раз
539	Фл. Апион Стратигий Апион	комит доместиков 539 г. (должность почетная)	сын комита священных щедрот 535–538 гг. Стратигия	
540	**Фл. Петр Валентин Рустикий Вораид Герман Юстин**	магистр милитум 557–566 гг.	племянник императора Юстиниана I	
541	Аниций Фауст Альбин Василий			римский аристократ, переселившийся в Константинополь
566	**Юстин II**	**император**		
579	**Тиверий**	**император**		
583	**Маврикий**	**император**		с 25 декабря

Окончание

Год консульства	Имя консула	Статус в имперской иерархии	Родственные отношения	Примечание
603	**Фока**	**император**		с 25 декабря
611	**Ираклий**	**император**		с 14 января
639	**Ираклий II**	**император**		
642	**Констант II**[4]	**император**		

Подведем некоторые итоги. За период с IV по середину VII в. в Византии было всего 145 консулов. 75 из них — это императоры (часто во второй, третий и прочее число раз) и члены их семей. 541 г. отмечен последним консулом, не принадлежавшим к императорской фамилии. Эта дата традиционно считается последним годом существования ординарного консулата, который затем был заменен императорским консульством[5]. Однако приведенные выше данные позволяют, на наш взгляд, скорректировать этот вывод, ибо тенденция к отправлению консульства в первую очередь самими императорами проявилась в Византии с самого начала ее существования. Поэтому точнее, на наш взгляд, было бы утверждать, что в Византийской империи имела место плавная трансформация ординарного консульства в консульство императорское по преимуществу. Показательно также, что, став исключительной прерогативой императоров, отправление консульства превратилось в своего рода необходимый церемониальный обряд, совершавшийся вскоре после вступления императора на престол, обычно в ближайшие январские календы (т. е. в то же время, когда начиналось консульство и в Риме). Но и тут уже имели место известные отклонения. Императоры Маврикий и Фока отпраздновали свое консульство 25 декабря (т. е. на Рождество)[6], а император Ираклий — 14 января[7]. В период иконоборчества празднование консульства передвинулось на Пасху, оставив после себя лишь подобие трабеи римских консулов — лор, эту наиболее торжественную часть орната византийских василевсов[8]. Так кардинально изменились внутренняя сущность и внешнее оформление важнейшей римской магистратуры.

---

[4] Это был последний консул, давший свое имя году.

[5] *Stein E.* Histoire du Bas-Empire. Paris; Bruxelles; Amsterdam, 1949. T. 2. P. 462; *Guilland R.* Le Consul (ὁ ὕπατος) // Guiland R. Recherches sur les institutions byzantines. Berlin; Amsterdam, 1967. T. 2. P. 46; *Bagnal R. S., Cameron Al.* Op. cit. P. 7–12.

[6] *Theophanis* Chronographia / Ed. C. De Boor. Lipsiae, 1883. V. 1. P. 253, 291; *Кулаковский Ю. А.* История Византии. Т. 3. СПб., 1996. С. 23.

[7] Chronicon Paschale / Rec. L. Dindorf. Bonnae, 1832. Vol. 1. P. 702; *Кулаковский Ю. А.* Указ. соч. С. 28. Примеч. 1.

[8] *Беляев Д. Ф.* Byzantina. Кн. 2. Ежедневные и воскресные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм Св. Софии. СПб., 1913. С. 218.

Возвращаясь к нашим подсчетам, отметим, что из упомянутого числа 145 лишь 14 человек стали консулами, не занимая определенного статуса в имперской администрации (причем 2 из них, возможно, были консулами на Западе); 32 консула принадлежали к высшей гражданской администрации (в первую очередь, к префектам претория Востока); 24 являлись высшими военными чинами. Таким образом, можно сделать вывод об известном преобладании среди консулов гражданских чиновников над военными. Следует напомнить, что уже в ранневизантийскую эпоху императоры далеко не всегда были полководцами. Отметивший 18 раз консульство император Феодосий II был человеком далеким от военных предприятий, интересуясь, в первую очередь, вопросами веры и благочестия, церковного единства империи, кодификации права и гражданского устройства страны. Словом, на примере консулата можно говорить об известном усилении гражданского элемента в империи.

Можно отметить и другие тенденции. Так же как и в Риме, на Востоке имелись попытки к созданию своих консульских династий. К подобным династиям относится, например, род Тавра, который сам был консулом в 361 г.[9] В 397 г. был удостоен консульства его сын Кесарий, в 400 г. — его другой сын Аврелиан; в 428 г. консулом стал сын Аврелиана, названный по деду Тавром, в 513 г. последний известный нам представитель этого рода — Тавр Клементин Армоний Клементин[10]. Показательно, однако, что четыре первых представителя этого рода, ставшие консулами, являлись префектами претория Востока. Другой известной консульской династией на Востоке являлась семья видных военачальников. Это — консул 419 г. Плинта, затем его зять Ардавур — консул 427 г., сын Ардавура, могущественный магистр милитум Аспар, ставший консулом в 434 г., затем сын Аспара — Ардавур Младший, удостоенный консульского звания в 447 г.[11] Но чаще всего эту традицию усваивают императорские фамилии.

---

[9] Основатель этого рода Тавр был консулом Запада, куда он был направлен Констанцием II, при котором он выдвинулся из простых нотариев, для отправления должности префекта претория Италии и Африки. Все его потомки жили и служили на Востоке. См.: PLRE. I. P. 879–880; Flavius Taurus 3, где правда, одним из его сыновей назван Евтихиан 5 (консул 398 г.); в действительности им был Кесарий 6 (консул 397 г.). См.: *Barnes T.* Synesius in Constantinopole // GRBS. Vol. 27. N 1. P. 99–100; *Cameron Al., Long J.*, with a contribution by Sherry L. Barbarians and Politics at the Court of Arcadius. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1993. P. 175–182.

[10] PLRE. I. P. 171: Fl. Caesarius 6 (о его родстве с Тавром см. выше, примеч. 9); Ibid. P. 128–129; Aurelianus 3; PLRE. II. P. 1056–1057: Fl. Taurus 4; Ibid. P. 303: Fl. Taurus Clementinus Armonius Clementinus.

[11] PLRE. II. P. 892–893; Fl. Plinta; Ibid. P. 137–138: Fl. Ardabur 3; Ibid. P. 164–169; Fl. Ardabur Aspar (Аспар был консулом Запада. Ibid. P. 166); Ibid. P. 135–137; Fl. Arbabur junior 1.

В целом, в сравнении с Западом, на Востоке число ординарных консулов в IV–начале VI вв. уменьшается, консулами, как уже отмечалось, все чаще становятся сами императоры или их родственники.

Согласно законам Маркиана (450–457 гг.) и Зинона (474–491 гг.), консульство в Византии обходилось в 100 либр золота[12]. При этом в законе Маркиана настоятельно предписывается, чтобы назначенные консулами лица «не швыряли деньги толпе, а отдавали их в казну на починку акведуков». Иными словами, консульство в Византии, при всей почетности этого звания, в чем-то оказывается похожим на претуру, а именно в том, что расходы на его празднование, в отличие от Рима, все более строго регламентируются, а сами эти расходы неизмеримо ниже, чем в Риме и больше походят на государственное налоговое бремя, нежели на общественную литургию[13].

Все же и в Византии еще можно было встретиться с фактами, свидетельствующими о том, что и здесь имелись лица, мечтавшие потягаться с римскими консулами размахами своих трат на это торжество. Так, по сообщению Иоанна Лида, сын префекта претория Востока 459–460 гг. Вивиана Павел отпраздновал в 512 г. небывало пышно, почти по-римски, свое консульство[14]. Однако в результате он попал в чрезвычайно тяжелое материальное положение, не видя выхода из которого, он занял у своего друга Зенодота две тысячи либр золота. Тот, в свою очередь, не имея возможности взыскать с должника, пожаловался на него императору Анастасию. Император, видя, что Павел совершенно не в состоянии уплатить долг и вообще находится на грани полного разорения, пожаловал ему две тысячи либр, с тем чтобы половина была отдана Зенодоту, а вторая половина была истрачена на то, чтобы помочь Павлу встать на ноги.

В 521 г. будущий император Юстиниан отпраздновал свое консульство с совершенно несвойственной для Константинополя экстравагантностью и пышностью. На празднество ушло, как сообщает Марцеллин Комит, 4000 либр золота[15]. Поскольку Юстиниан приходился племянником правящему императору, расходы на столь дорогостоящие игры, вне всякого сомнения, были оплачены казной.

В самом деле, в VI в., по сообщению Прокопия Кесарийского, расходы на консулат в 2000 либр золота были обычным явлением, однако, историк при этом добавляет весьма важную деталь — большая часть

---

[12] См.: Cod. Just. XII. 3.3.

[13] О претуре см.: *Чекалова А. А.* Претура: основа комплектования сената Константинополя или налоговое бремя сенаторов? // АДСВ, 1993. С. 37–45.

[14] См.: *Joannis Lydi* De magistratibus populi Romani libri tres / Ed. Wünsch. Lipsiae, 1903. III. 48.

[15] *Marcellini Comiti* Chronicon // MGH. AA. T. XI. Vol. 2. Fasc. 1. P. 101.

9 Зак. 3958

средств для празднеств выделялась не самим консулом, а императором[16], т. е. государством. Иными словами, частным лицам подобные расходы были уже не под силу.

В этой связи заманчивая гипотеза Ал. Камерона о том, что консулат в Византии исчез исключительно по причине сопернических чувств императоров, не желавших ни с кем делить свою популярность[17], при всем том, что полностью ее игнорировать невозможно, представляется все же не вполне доказанной.

Итак, на примере консулата, отправление которого, в конце концов, превратилось в церемониальный обряд, связанный со вступлением нового императора на трон, можно видеть, как существенно трансформировались в Византии римские магистратуры. Эта трансформация свидетельствует также о глубоком различии судеб Запада и Востока. Если на Западе вплоть до VI в. продолжала сохранять свое значение старая сенаторская знать, то на Востоке, где высшим социальным слоем стала служилая аристократия (чиновная и военная знать), над всем доминирует фигура императора, все более укрепляющего свою власть.

---

[16] *Procopii Caesariensis* Opera omnia. Lipsiae, 1963. Vol. 3: Historia arcana. XXVI. 12.

[17] *Bagnal R. S, Cameron Al.* et al. Op. cit. P. 9; ср.: *Cameron Al., Schauer D.* The Last Consul: Basilius and his Diptych // JRS. 1982. Vol. 72. P. 126–143. Еще до Ал. Камерона тщеславие императора Юстиниана, при котором прекратилось назначение ординарных консулов, как возможную причину угасания консулата рассматривал Г. Гийан. См.: *Guilland R.* Op. cit. P. 45.

Василка Тъпкова-Заимова,
Рая Заимова (София)

ЙОРДАН ИВАНОВ И ЕГО СВЯЗИ С ФРАНЦУЗСКИМИ СЛАВИСТАМИ

Йордан Иванов (1872–1947) — один из тех болгарских ученых-филологов и историков конца XIX–начала XX в., которые создали лицо болгарской гуманитаристики. Его исследования охватывают широкий диапазон научных дисциплин — историю, археологию, фольклор, литературу, публикацию текстов. Энциклопедизм интересов Йордана Иванова проистекает из его неизменного желания раскрыть все аспекты болгарской истории и культуры, а также развития болгарского языка и древней болгарской литературы. Красноречивым в этом отношении является факт, что его первая лекция из прочитанного им в 1927 г. курса болгарского языка в парижском Училище живых восточных языков была посвящена болгарской народности и языку. Согласно свидетельству Христо Бырзицова, журналиста и современника ученого, Йордан Иванов, всегда спешивший закончить как можно больше исследований в широкой области своих интересов, однажды сказал: «Чтобы разыскать... прошлое болгарского народа, одной жизни недостаточно».

Существует немало исследований научной и общественной деятельности Йордана Иванова, как это видно из его библиографии, опубликованной в 1972 г. в БАН[1]. Такие исследования проводятся и позднее, когда интерес направлен в основном к его деятельности как филолога-исследователя староболгарской литературы и как историка-медиевиста и археолога. Существует и несколько исследований, в которых рассматриваются научные связи Й. Иванова с французскими

[1] *Гечева К.* Йордан Иванов: биобиблиография. Вступительная статья П. Динекова. С., 1974.

славистами[2]. Именно в этом направлении мы хотели бы внести некоторые дополнения, поскольку за последние годы архив этого болгарского ученого пополнился новыми материалами.

Й. Иванов, изучавший главным образом славянскую филологию в Софийском университете, продолжил свою специализацию в Швейцарии, в Лозаннском университете с 1892 по 1894 гг., где он основательно изучал французский язык и специализировался по французской литературе и культуре. В архиве Йордана Иванова (БАН) имеется немало материалов: докладов на конгрессах, отчетов, высланных официальным институтам и пр., написанных им собственноручно на безупречном французском языке. Еще студентом он переводит с болгарского на французский язык небольшие материалы, относящиеся к болгарской истории и культуре. А во время своей преподавательской деятельности в Париже Й. Иванов переводит на французский тексты из прозы и поэзии И. Вазова, Хр. Ботева, Елина-Пелина и других болгарских писателей, а также с французского на болгарский из Montaigne, Hugues le Roux и т. д. Эти тексты, сохранившиеся в его архиве, свидетельствуют о степени его познаний французского языка[3]. Кроме того, будучи учителем в городе Сливен в Болгарии (в 1899 г.), а затем преподавателем в Софийском университете, он подготовил несколько учебников французского языка, а одну его хрестоматию, изданную впервые в 1896 г., продолжали издавать до 1934 г. С 1899 по 1910 гг. он работает лектором французского языка в Софийском университете, причем в учебный 1909/10 гг. уже сочетает свои лекции по французскому языку с лекциями по древнеболгарской литературе.

В 1920 г. Й. Иванов назначен профессором (professeur détaché) болгарского языка в Училище живых восточных языков в Париже.

Однако вернемся немного назад, чтобы пояснить, каким образом в этом училище были введены болгарский язык и болгарская литература (вместе с историей) как отдельные дисциплины в 1920/21 гг., а в 1930 г. была основана кафедра[4].

Еще в XVII в. Франция, имеющая традиционные дипломатические связи с Османской империей и определенные интересы в этой части

---

[2] *Заимова Р.* Йордан Иванов и френско-българските културни отношения // Език и литература. 1978, 3. С. 86–89; *Колев Н.* Българистнката въ Франция. Литературна мисъл, 1981, 10. С. 98, 113; *Он же.* Преподаванията по славистика и българистика в Колеж дьо Франс (Париж). 1846–1923. 1983; Там же, 6. С. 107–124; *Он же.* Сътрудничеството между българистите във Франция с български учени и други дейци от България // Проблеми на културата, 1981, 4; *Он же.* Леон Болио — пръв редовен професор по българистика във Франция // Български език. 1983, 5. С. 447–452. Об Антоан Мейе см.: *Сарафов Т.* Антуан Мейе (по повод на 20-годишнината от смъртта му) // Български език: 1957. 1. С. 103–105.

[3] *Заимова Р.* Указ. соч. С. 86; Архив Й. Иванова. Фонд 52, оп. II. а. е. 30, 79.

[4] Archives Nationales: Ecole des langues orientales, 62 AJ 13.

Европы, создает широкую сеть консульств в Леванте. Значительное число консулов, послов и драгоманов, а также и купцов, пребывали долгое время в Леванте, но мало кто из них владел языком османской администрации. По примеру Венеции, Франция создаст в 1669 г. Школу восточных языков в Стамбуле, вверенную ордену капуцинов. Цель обучения — научить французских подданных турецкому, арабскому и персидскому языкам и постепенно заменить ими левантийциев, работающих драгоманами в посольстве в Стамбуле и в других консульствах. В то же самое время на французской территории, в королевском Collège de France существовала кафедра восточных языков, созданная еще во второй половине XVI в. известным ориенталистом Guillaume de Postel. Но в XVII в. оба института — школа в Стамбуле и кафедра восточных языков в Париже — функционировали отдельно и независимо друг от друга. В то время как обучение в Collège de France имело в основном исследовательский характер, левантийская школа давала детям, поступавшим в нее в возрасте десяти лет, практические знания. Однако среди этих учеников впоследствие оформились не только драгоманы, но и ученые-ориенталисты с широкими познаниями и опытом, а их деятельность была непосредственно подчинена желанию французской дипломатии проникнуть в османское общество и его атмосферу, ознакомиться с политической надстройкой османского государства[5].

Во время Французской революции вся система консульств в Леванте, заботливо организованная Кольбером, постепенно распалась. Это отразилось и на школе в Стамбуле, окончательно закрытой в 1873 г. В 1795 г. кафедра восточных языков в Collège de France была переведена во Французскую национальную (бывшую королевскую) библиотеку, куда в течение многих лет, по королевскому распоряжению, поступали рукописи из Леванта. Со временем и эта кафедра подверглась преобразованиям в новосформированное Училище живых восточных языков[6].

Одновременно с этим в 30-е гг. XIX в. во Франции создаются условия для развития славистики. Ряд политических событий на Балканах, в Польше и пр., заставляют французскую общественность обратить свой взор и к этим народам, судьба которых, целиком или частично, связана с Османской империей. В 1840 г. при Collège de France создана кафедра славянских языков и литературы, вверенная Адаму Мицкевичу (1798–1855). По этому поводу французский славист

[5] Archives de la Chambre de commerce de Marseille, J 46, J 55; *Mantran R.* L'Empire ottoman du XVIe au XVIIe s. Variorum Reprints, 1984, VI. P. 113; L'Orient des Provencaux dans l'histoire. Marseille, [1984]. 115–120.

[6] *Заимова Р.* Училището за източни езици в Цариград и Париж (XVII–XVIII вв.). // Известия на държавните архиви, 1994, 68. С. 249–263.

Роже Бернар (1908–1997) иронически замечает, что французская общественность того периода едва ли знала, что существует больше одного славянского языка[7]! Преемнику Мицкевича Сиприену Роберу (1807–1878) уже удалось развить неполитизированную славистику и обратить внимание на славянские культуры и славянскую историю на Балканах. С 1855 г. кафедру возглавил бывший ориенталист Ал. Ходско, учеником которого был Луи Леже (1843–1923). Итак, в 1874 г. Луи Леже был назначен в Collège de France, где сперва преподавал сербский, а с 1875 г. и древнеболгарский языки, а Огюст Дозон, известный дипломат и фольклорист, начал свою деятельность преподавателя болгарского языка и литературы в Училище живых восточных языков в Париже в 1885 г. курсом сербского и болгарского языков[8]. Едва ли можно оценить в достаточной мере вклад этих обоих ученых-славистов, исследования которых и до сих пор не потеряли своего значения. Их деятельность характеризует, с одной стороны, путь, по которому во Франции развивается славистика, ее постепенное движение, после того как в эпоху гуманизма там достигло высокого уровня развитие византологии и ориенталистики. С другой стороны, их деятельность показывает атмосферу, создавшуюся в основном в Париже в связи с ознакомлением со славянским миром. К уже указанным личностям следует добавить и имя Поля Буайе, который стал заместителем Дозона с 1891 г. и был администратором Училища живых восточных языков с 1908 по 1937 гг., провел множество реформ, необходимых в основном в послевоенный период, среди них — создание курса сравнительной грамматики славянских языков, вверенный известному слависту Антуану Мейе (1866–1936)[9].

Вот какова была в сущности атмосфера в училище, когда Й. Иванов поступил туда в круг весьма авторитетных ученых. Он установил близкие отношения с Андрэ Мазоном, учеником этого училища и одновременно преподавателем в Collège de France, где остался (как заместитель Луи Леже) до 1952 г. Основные интересы Мазона были направлены к русскому языку и русской литературе и к чешскому языку. Однако он стал известен главным образом благодаря своей книге «Contes slaves de la Macédoine Sud-occidentale» (1923). Впрочем, его связи не только с Й. Ивановым, но и вообще с болгарскими славистами продолжались до конца жизни. Вторая часть его книги «Documents slaves de l'Albanie du Sud» вышла в соавторстве с М. Филиповой-Байровой в 1965 г., т. е. за два года до его смерти.

[7] *Бернар Р.* Преглед върху изучаването на славянските езици във Франция. Български език. 1957, 7. С. 78.
[8] *Въгленов М.* Българският език във Франция. Български език. 1968, 4–5. С. 445.
[9] Archives Nationales: Ecole des langues orientales, 62 AJ 13.

Как мы уже сказали, эти ученые-слависты, которые в значительной степени были и пионерами болгаристики во Франции, поддерживали между собой хорошие коллегиальные отношения. Р. Бернар пишет о Й. Иванове следующее: «Его сильная личность внушила мне любовь и привязанность к болгарскому народу, которым я остался верен еще долгие годы». Одновременно он вспоминает и о Л. Болио (другом своем учителе): «Красивая и благородная фигура, проф. Л. Болио был ученым большой величины, обладающим редкой интеллектуальной честностью, человеком исключительной преданности и верным другом Болгарии»[10].

Мы уже упомянули имя Л. Болио — он стал заместителем Й. Иванова и одним из его наиболее близких французских коллег. Л. Болио начал изучать болгарский язык по совету А. Мейе и с 1921 по 1931 гг. ежегодно посещал Болгарию, поддерживая связи с семьей Ивановых. Курс Й. Иванова в Училище живых восточных языков продолжался до 1930 г. (с перерывом с 1923 до 1924 гг.). Болио продолжил этот курс, который был «свободным и бесплатным», в том же 1930 г., а с 1932 г. по решению французского правительства была создана самостоятельная кафедра болгарского языка и литературы. Болио был назначен профессором и руководителем этой кафедры. Он остался на этом посту до 1947 г., а с 1950 по 1956 гг. продолжил преподавать русский язык в Бордо. Среди языковедческих публикаций наибольший интерес представляет «Grammaire de la langue bulgare», изданная в Париже в 1933 г. Это первая болгарская грамматика, изданная иностранцем, и ее значение огромно именно для всех иностранцев, желающих освоить болгарский язык[11].

Сам же Роже Бернар является наиболее ярким ученым и преподавателем, учеником обоих своих учителей. В течение тридцати лет (с 1947 до 1977 гг.) он продолжает их дело, а инициатива стать болгаристом исходит от Поля Буайе, как сказал сам Бернар в своей речи, произнесенной в Училище живых восточных языков по случаю его восьмидесятилетней годовщины.

В том же училище Бернара заместил Жак Фейе. Но он был преподавателем по средневековой болгарской литературе также и в Сорбонне (Париж IV) в 1962–1978 гг. А в Revue des Etudes Slaves он занимался исследованиями, также касающимися средневековой болгарской истории[12].

---

[10] *Бернар Р.* Професор Йордан Иванов // Известия на института за български език и литература, 1958, 6. С. 21–23; Рукопись доклада проф. Р. Бернара по случаю 80 года его рождения. Париж, 1988.

[11] Langues'o. 1795–1995. Inalco. Deux siècles d'histoire des langues et civilisations orientales. Paris; Hervas, 1995. P. 256.

[12] *J[acques] F[euillet]*. En hommage au professeur Roger Bernard // Revue des Etudes slaves. T. 60. Fasc. 2, Paris, 1988. P. 287–290; См. также библ. в статьях Н. Колева (здесь примеч. 2).

Проф. Бернар является олицетворением той высококвалифицированной энциклопедичности, которая характерна для самого Й. Иванова и очень необходима при формировании кадров. Он является носителем духа взаимного доверия между преподавателями и учениками, которые характеризуют этот круг. Вот почему заслуживают внимания и имена некоторых других, менее известных болгаристов во Франции, которые вышли из школы Й. Иванова. Один из них, Ж. Ансел, автор книги «Les Balkans face à l'Italie», вышедшей в 1928 г., был преподавателем в колледже Шантал. В одном из своих докладов Министерству народного просвещения в Софии о своей работе в течение 1922/1923 гг. Й. Иванов упоминает о нем в числе других. В корреспонденции Й. Иванова часто встречается имя его ученика Жоржа Ато, который был очень популярен в Болгарии как директор Французского культурного института и как преподаватель Софийского университета до 1946 г. Он является автором в «Panorama de la littérature bulgare contemporaine» (Paris, 1937).

К более скромным болгаристам и славистам, которые представляли, так сказать, практическую славистику и болгаристику во Франции, Й. Иванов относился с таким же вниманием. В архиве Й. Иванова есть, например, одно, несколько юмористическое, письмо одного из его неуспевавших учеников, который на плохом болгарском языке благодарит его за все заботы[13].

Другая область, в которой видны связи Й. Иванова с французской славистикой, затрагивает издательскую деятельность, обмен статьями, а также организацию книгообмена.

В 1921 г. в Париже создан существующий и сегодня Институт славистики (Institut d'Etudes Slaves). Его основатели — Антуан Мейе, Эрнест Дени, Поль Буайе и Луи Айнзенман. Андре Мазон становится его секретарем, а позднее (1937–1959) и его председателем. В этом же году в качестве издания этого института начинает выходить «Revue des Etudes Slaves», где болгарскую хронику ведет Болье, а с 1948 до 1968 гг. (весьма успешно, как уже сказано) Роже Бернар[14].

Есть документ, предоставленный Й. Ивановым, который подтверждает его высокое мнение о развитии славистики во Франции в течение послевоенного периода. В нем он сообщает о работе кафедр по славистике в Париже, Лионе, Страсбурге, подчеркивая ее развитие в Collège de France и Ecole des Hautes Etudes. Он обращает внимание на новое издание «Revue des Etudes Slaves», которое, по его мнению, заменит

---

[13] Архив Й. Иванова. Фонд 52 к, оп. II, а. е. 194 — письмо некоего Дюлавие от 13.12.1927 г.

[14] *Feuillet I.* Op. cit. P. 288; *Beauvois D.* La slavistique française à la fin du XIXe s. et au début du XXe s. История на славистиката от края на XIX и началото на XX в. С.; БАН, 1981. С. 265; *Колев Н.* Българистиката... С. 105.

Archiv für slavische Philologie и некоторые русские издания, переставшие выходить. Извещает, что «славянские страны выслали книги, чтобы поддержать основание славянских библиотек при высших учебных заведениях во Франции». По вопросам пополнения библиотеки Славянского института в Париже есть много сведений в его корреспонденции 20-х и 30-х гг. При его посредничестве поступили, например, «Речник на българския език» Найдена Герова, «Български старини» и пр. В этом направлении значительное участие принимала и дочь Й. Иванова, Вера Иванова (потом Мавродинова — известный археолог), во время своей специализации во Франции в 1929 г. Во многих ее письмах речь идет о желании отдельных ученых и учреждений (например, Общества антиквариев) об обмене книгами. Л. Ламуш, о котором речь пойдет ниже, сообщает, что его болгарская библиотека сгорела в 1918 г. и он нуждается в помощи, чтобы укомплектовать ее[15].

Есть о чем сказать и о публикации во Франции самого Й. Иванова. В 1925 г. «Le monde slave» приглашает его резюмировать в 15–25 страницах основные положения своей книги «Богомилски книги и легенди», вышедшей в том же году в Софии. В 1923 г. «La société des gens de lettres» просит дать для него несколько максим о видных людях (имеются в виду болгары). В то же самое время Л. Болио добровольно стал переводить статьи болгарских ученых К. Миятева, А. Протича, К. Шкорпиля, Г. Фехера, В. Бешевлиева и др., главным образом для проектированного сборника, посвященного Ф. Успенскому, который вышел позднее (после смерти Успенского) — «L'art byzantin chez les Slaves» (I–II, 1930–1932). Как известно, перевод книги Й. Иванова «Богомилски книги и легенди» вышел во Франции в 1976 г.

Й. Иванов затрагивает в общении с французскими славистами политическую жизнь в послевоенной Болгарии для восстановления традиционного интереса французской интеллигенции к болгарской культуре для смягчения той атмосферы мнительности, которая характеризует период после Первой мировой войны.

Французская интеллектуальная элита разделилась в своих симпатиях и антипатиях к отдельным славянским странам. Эрнест Дени, один из основателей Славянского института, объединяет в одном томе речи, произнесенные им в поддержку Сербии: они опубликованы после его смерти под заглавием «Du Vardar à la Skortcha» с финансовой помощью Югославии. И с другой стороны, в 1917 г. Луи Леже смог издать (хотя сильно цензурированную) свою книгу «Le panslavisme et l'interet français», где дает широкую панораму общеславянского обще-

---

[15] Архив а. е. 226, 227, 226. Ламуш получал из Болгарии многие книги и периодические издания также благодаря проф. Д. Шишманову. Между ними означена «Богомилски книги и легенди» Й. Иванова; *Колев Н.* Сътрудничеството... С. 108.

ния в течение веков, а затем посвящает много страниц панславизму. Последняя глава под названием «Organisation du Panslavisme» — своеобразная программа реорганизации славянского мира[16].

У Й. Иванова своя программа. В его архиве находится документ от 03. 6. 1921 г. В нем отражено заседание членов Национального комитета по политическим и социальным исследованиям в Париже под председательством П. Буайе. В этом заседании приняли участие, кроме самого П. Буайе и Й. Иванова, еще десять человек, между которыми были тогдашний болгарский полномочный министр генерал Михаил Савов и Л. Ламуш, означенный как «полковник в отставке». По сути дела, Л. Ламуш — известный французский высший офицер и общественник, который, помимо своего военного образования, обучался в Училище живых восточных языков на курсе болгарского языка, а затем несколько раз был с различными миссиями в Царьграде и Солуне; автор книг «La Bulgarie» (1928), «Quinze ans d'histoire balkanique (1904–1918)» (1928)[17].

Й. Иванов обращает внимание на то, что необходимо преодолеть предвзятость по отношению к болгарам и поэтому следует опираться «на три категории адвокатов» в болгарской случае. «Первыми адвокатами в болгарской науке являются слависты», — пишет он. Французские слависты — ни болгарофилы, ни болгарофобы; они ни сербофилы, ни сербофобы. Они просто изучают славянский народ и благосклонно относятся к Болгарии и болгарам[18].

Сразу же дополним, что это доверие Й. Иванова к славистам не является конъюнктурным. Он искренне и убежденно верил, что развитие славистики преодолеет все заблуждения для достижения общего согласия именно на славянской почве.

Второй конгресс по византиноведению состоялся в Белграде в 1927 г. Хотя В. Златарски, самый выдающийся ученый, колебался, принимать ли участие в конгрессе, чтобы не входить в конфронтацию с известным румынским историком Н. Йоргой, Й. Иванов без колебаний прибыл на конгресс, и речь, которую он произнес на французском языке, была исполнена добрыми пожеланиями об искреннем сотрудничестве между болгарскими и сербскими учеными[19].

В 1923 г. ему было предложено разработать анкету, отражающую дух, преобладающий в учебниках, издаваемых в Болгарии после

---

[16] *Castellan G.* Louis Léger et les Bulgares on 1917 d'après son livre «Le Panslavisme et i intérêt français» // Publications Langues'o, 1985, 78. P. 7–15. Сб. в чест на Акад. Хр. Христов. С., 1988. С. 167–172.

[17] *Колев Н.* Сътрудничеството... С. 105. Н. Колев совершенно справедливо удивляется, почему Ламуш не фигурирует между действительными славистами в исследованиях о французской славистике.

[18] Архив. Фонд 52 к, оп. II, а. с. 45.

[19] Письма В. Ивановой. Фонд 52 к, оп. II, а. с. 226 и 227.

1878 г.[20] Он констатирует, что первоначально преобладает национальная гордость, характерная для страны, только что получившей свою свободу. Но одновременно отмечает, что после 1918 г. в школьных книгах начинается проникновение известных тенденций к реваншизму[21]. Болгарская школа не перестала следовать по своему пути и продолжает свою истинную просветительную миссию, преподавая как гражданские и моральные обязанности, так и принципы свободы, равенства и братства, которые Великая французская революция первая провозгласила как пример[22], пишет он в противовес «разочарованию и недоверчивости», распространяющимся среди болгарской общественности.

Те же мысли, направленные против реваншизма, Й. Иванов развивает во вступительной лекции в Училище живых восточных языков, где вновь сочетает свои позиции общественника и свои мысли ученого-слависта и историка, выступающего за необходимость изучения болгарского языка и развития славистики и балканистики. Ко всему сказанному выше добавим еще наличие в архиве Й. Иванова одного недатированного документа, который явно относится к тому же периоду. В нем он вновь говорит о Франции как «традиционной приятельнице славян» и подчеркивает, что все славянские державы освобождены (очевидно, после Первой мировой войны) от чуждого господства: поляки являются независимыми, чехи имеют самостоятельное национальное государство: высказывается надежда, что гражданская война в России скоро завершится, а «Болгария возвращается в славянскую семью»[22].

Эта деятельность Й. Иванова, как видно, не прекращается и до периода, который предшествует Второй мировой войне. Нами найдено одно письмо Андре Мазона к нему от 13 июля 1939 г., где он высказывает свои опасения, что катастрофа приближается, но все же с некоторым оптимизмом дополняет, что надеется увидеть в Париже обоих молодых славистов-учеников Й. Иванова — Петра Динекова и Георгиева (вероятно, Эмила)[23]. На этом прекращаются, как видно, связи Й. Иванова с французской общественностью. Когда он скончался в 1947 г., Болио написал прочувствованную статью «En la personne de Jordan Ivanov», напечатанную в «Revue des Etudes slaves». Десять лет позднее о нем напечатана статья Р. Бернара в «Известиях Института болгарского языка»

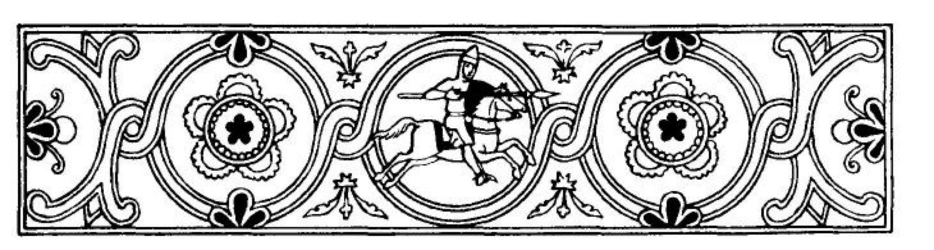
[20] См. последнее издание: Карнегиева анкета / Ред. Е. Тодорова. В. Търново, Абагар, 1995.

[21] *Заимова Р.* Указ. соч. С. 87–88.

[22] Архив. А. е. 137.

[23] Архив. А. е. 233.

[24] *Beaulieu L.* En la personne de Jordan Ivanov // Revue des Etudes slaves, 1948, 24. P. 309–313; *Бернар Р.* Проф. Йордан Иванов... С. 21–23.

СПИСОК РАБОТ Г. Г. ЛИТАВРИНА (1995–2000)

1995

1. Введение (в соавт.) // Очерки развития этнического самосознания славян в XV в. М. 1995. С. 3–9.

2. Этническое самосознание болгар в конце XIV–начале XVI в. (в соавт.) // Там же. С. 191–215.

3. Общее и особенное в этническом самосознании славян в XV в. (в соавт.) // Очерки развития этнического самосознания славян в XV в. М. 1995. С. 216–237.

4. Предисловие // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II (VII–начало IX в.). С. 5–8.

5. Из актов Шестого Вселенского собора // Там же. С. 212.

6. Указ Юстиниана II в пользу храма Св. Димитрия в Фессалонике // Там же. С. 213–217.

7. Печать с упоминанием вифинских славян // Там же. С. 218–220.

8. Из «Бревиария» патриарха Никифора // Там же. С. 221–247.

9. Из «Хронографии» Феофана Исповедника // Там же. С. 248–324.

10. Монемвасийская хроника // Там же. С. 325–344.

11. Схолия Арефы // Там же. С. 345–348.

12. К дискуссии о договоре 716 г. между Византией и Болгарией // Byzantinoslavica, T. LVI (1). С. 37–43.

1996

1. Свидетельство патриарха Никифора о пленных рабах-византийцах у славян // Славяноведение. 1996. № 6. С. 58–68.

2. Изучение истории средних веков (в соавт. с Б. Н. Флоря) // Юбилейный сборник: 50 лет Институту славяноведения РАН. С. 63–79.

3. Византия и славяне до и после принятия ими крещения (Пленарный доклад на XIX Международном конгрессе византинистов) // Byzantium. Identity, Image, Influence. Major Papers. LIX Intern. Congress of Byzantine Studues. Copenhagen. P. 88–96.

4. Ethnische und politische Sympathien der Bevölkerung der Grenzgebiete zwischen Byzanz und Bulgarien in der ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts // Geschichte und Kultur der Palaiologenzeit. Wien. S. 109–113.

1997

1. XIX Международный конгресс византиноведческих исследований в Копенгагене (август 1996 г.) // Вестник РГНФ. 2. С. 257–262.
2. Византия в IV–первой половине VII в. // История средних веков (Учебник для студентов высших учебных заведений). М. (Гл. 5, параграф 1).
3. Византия во второй половине VII–XII в. // История средних веков (Учебник для студентов высших учебных заведений). М. (Гл. 5, параграф 1).
4. Культура Византии IV–XV вв. // История средних веков (Учебник для студентов высших учебных заведений). М. Гл. 22.
5. Как жили византийцы. 2-е испр. изд. СПб., 1997.
6. Византийский медицинский трактат XI–XIV вв. 2-е изд. СПб.
7. Bizancio y les eslavos antes y despues del bautismo de estos // Erytheia. 19. Barselona.
8. Телец и его славянские союзники // Общото и специфичното в балканските култури до края на XIX век. Сборник в чест на 70-годишнината на проф. Василка Тъпкова-Заимова. София. С. 44–45.

1998

1. Восстание в Херсоне против византийской власти в 1016 г. // ΠΟΛΥΤΡΟΠΟΝ. Сб. к 70-летию В. Н. Топорова. М. С. 923–931.
2. Предисловие // Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М. С. 3–7.
3. Очерки истории Византии и южных славян (в соавт. с А. П. Кажданом). 2-е издание, испр. СПб.
4. Краткое обозрение итогов XIX Международного конгресса византиноведческих исследований (Копенгаген, 18–25 авг. 1996) // Византийский временник. Т. 59 (83) (в соавт.). С. 276–281.

1999

1. Вместо предисловия // Византия между Западом и Востоком: Опыт исторической характеристики. СПб. С. 5–11.
2. Геополитическое положение Византийской империи в VII–XII вв. // Византия между Западом и Востоком: Опыт исторической характеристики. СПб. С. 11–48.
3. Заключение. // Византия между Западом и Востоком: Опыт исторической характеристики. СПб. С. 495–535.
4. XIX Международный конгресс византинистов в Копенгагене в 1996 г. // Византийский временник. Т. 58. М. С. 257–262.
5. Малоизвестные свидетельства о походе князя Игоря на Константинополь в 941 г. // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто. М. С. 138–144.
6. Феофилакт Болгарский между Охридом и Константинополем // Сборник к 60-летию Б. Н. Флори // Florilegium. С. 179–186.
7. Первый военный конфликт Руси с Византией при Ярославе Мудром // Сборник к 70-летию Я. В. Щапова (в печати).
8. Славяне и протоболгары: От Аспаруха до Бориса-Михаила // Славяне и их соседи. Вып. 10. М. С. 6–15.
9. Этническое самосознание славян в VI–XV вв. (К итогам изучения) // Вопросы изучения славян. К 90-летию проф. А. Е. Москаленко. Воронеж. С. 64–75.

10. Уплата налога с полученной от фиска земли не делала крестьянина ее собственником // Сборник к 70-летию Л. В. Милова. М. С. 45–49.

12. Византийка и варяги // Славяноведение. К 70-летию В. Л. Янина. № 2. С. 4–6.

13. Прошлое и настоящее Македонии в свете современных проблем // Македония. Проблемы истории и культуры. М. С. 25–31.

14. Византия и славяне. Сб. статей.

2000

1. Византия, Болгария, Древняя Русь. IX–начало XII в. СПб. (монография).

2. К изучению проблемы доходности крестьянского хозяйства в Византии в X–XI в. // Византийский временник. Т. 59. С. 5–23.

3. Межславянские связи на Балканах в VII–IX вв. // Славяне и их соседи. Вып. 11 (в печати).

4. Два судебных решения константинопольского судьи Евстафия Ромея (середнна XI в.) // Сборник к 75-летию проф. М. Д. Лордкипанидзе // Dedicatio. Tbilisi: 2001. С. 378–384.

СОДЕРЖАНИЕ

ANTIΔΩPON

К 75-летию академика РАН
Геннадия Григорьевича Литаврина

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Редактор *Л. А. Абышко*
Корректор *А. О. Брезман*
Оригинал-макет *И. Р. Нордстрем*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя».
193019, СПб., пр. Обуховской обороны, 13.
Тел.: (812) 567-22-39, факс: (812) 567-22-53
E-mail: aletheia@rol.ru

Подписано в печать 08.01.2002. Формат 60×88 1/16.
Усл.-печ. л. 9,8. Тираж 1000 экз.
Заказ № 3958

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН.
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12

Printed in Russia